Н.В. Ермолова

ПОЯСА У НАРОДОВ СЕВЕРНОЙ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Настоящая статья посвящена одному из важных, но все еще мало изученных элементов одежды у народов Северной Сибири – традиционным поясам. Как самостоятельное явление культуры они не привлекали к себе достаточного внимания исследователей, в связи с чем и специальных работ по этой теме в этнографическом сибиреведении нет. В лучшем случае пояса в той или иной степени рассматривались у отдельных народов при общем описании и анализе их одежды, как это сделано, например, Е.А. Алексеенко на материале кетов, В.И. Иохельсоном – коряков, Н.В. Лукиной – хантов, А.А. Поповым – долган, Н.Ф. Прытковой – самодийцев, А.В. Смоляк – приамуро-сахалинских народов, Л.В. Хомич – ненцев. Но по многим другим северо-сибирским этносам подобные материалы отсутствуют, и все сведения, которыми мы располагаем о них по интересующему нас вопросу, заключаются лишь в беглых упоминаниях, разбросанных по разнообразным литературным источникам. Данная ситуация, несомненно, повлияла и на то, что до сих пор отсутствует специальное обобщенное исследование, в центре рассмотрения которого находились бы пояса сибирских народов, подобно тому, как это сделано, например, А.К. Байбуриным или А.А. Лебедевой на восточно-славянских материалах [Байбурин, 1992; Лебедева, 1989]. Такое непростительное упущение давно уже требовало принятия самых безотлагательных мер, тем более что пояс являлся и у северных – таежных и тундровых – народов не менее значимым элементом традиционной культуры, чем он был, например, у земледельцев-славян или у кочевых скотоводов степей Евразии.

Обращение к данной проблеме, помимо ее очевидной и давно назревшей актуальности, было продиктовано еще и планами разработки новых тем для второго выпуска «Историко-этнографического атласа Сибири». В рамках подготовительных работ, предпринятых с этой целью в МАЭ РАН в конце 1980-х – начале 1990-х гг., в фондах отдела Сибири были выявлены материалы по поясам, систематизация которых и легла в основу публикуемой только теперь статьи. В силу ряда обстоятельств ее этногеографические рамки включают не весь огромный регион Сибири, а лишь Север и Дальний Восток с их таежными и тундровыми ландшафтами, ставшими «местом развития» для народов, традиционный образ жизни которых определялся занятиями рыболовством, охотой, оленеводством.

Такое ограничение обусловлено тем, что круг обозначенных этносов представлял собой определенную общность не только по своим стадиально-хозяйственным характеристикам, но также и в плане развития тра-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

диции поясов, обнаружившей сравнительно сходные практические (утилитарные) и символические (знаковые) функции. Наиболее удалены от них по особенностям этого элемента культуры сибирские скотоводы – буряты и якуты – с их древней кочевнической традицией так называемых наборных поясов, которые являются объектом рассмотрения другой статьи данного сборника. Вне нашего внимания остались и пояса тюркоязычных народов Южной Сибири, тяготеющие по многим признакам к общетюркскому миру. Поэтому кажется правильным посвятить им отдельную работу с тем, чтобы рассмотреть их в тесной взаимосвязи и сравнительных сопоставлениях с культурным кругом кочевников. И, наконец, еще одно исключение касается долган, которые по своему статусу оленеводческого этноса Северной Сибири должны были бы входить в число рассматриваемых нами народов. Однако чтобы избежать повтора уже опубликованных ранее материалов, данная статья не содержит описания долганских поясов, поскольку они были довольно подробно рассмотрены в исследовании А.А. Попова [Попов, 1958, с. 102–109], написанном им на основе коллекций МАЭ, т.е. в основном на тех же источниках, что и предлагаемая теперь работа. При этом необходимо подчеркнуть, что во всех обобщениях, сравнительных характеристиках и предлагаемой типологии долганские данные используются наравне с данными по другим народам.

Археологи, в отличие от этнографов, уделяют внимание сибирским поясам уже давно, очевидно в связи с тем, что пояса довольно часто встречаются в составе погребальных комплексов, а потому являются важным археологическим источником. В целом на базе исследований поясов и поясных наборов археологами написан не один десяток работ, среди которых немало трудов и по материалам Сибири. Однако в них представлены преимущественно наборные пояса, наиболее привлекательные в археологическом плане, поскольку элементы их гарнитуры, а также пряжки изготавливались из металла и в силу хорошей сохранности этого материала они имели больше шансов пережить свою эпоху, став впоследствии достоянием археологов.

Такой возможности лишены безгарнитурные и беспряжковые пояса, поскольку их кожаная или матерчатая основа подвергается быстрому разрушению, из-за чего подобные экземпляры почти не представлены среди археологических собраний. На всей территории Сибири находки их единичны, как, например, плетеный пояс-шнур из раскопок пазырыкской культуры с плоскогорья Укока, сохранившийся благодаря специфическим условиям вечной мерзлоты [Полосьмак, 2001, с. 117]. Поэтому по другим поясам (не наборного типа) у народов Северной Сибири мы почти не располагаем археологическими свидетельствами, и в подавляющем большинстве случаев наши сведения о них заключаются лишь в историко-этнографических данных.

Однако и по наборным поясам археологические материалы могут быть привлечены к исследованию нашей темы только в очень ограниченном объеме в связи с тем, что их распространение по Сибири охватывало главным образом лесостепные скотоводческие регионы Саяно-Алтая, Бурятии и Якутии, которые остались за рамками нашего исследования.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

В ареале же таежно-тундровых культур наборные пояса успешно исследуются археологами пока только в двух районах: на юге Дальнего Востока (культуры мохэ VII–IX вв. и чжурчжэней XII–XIII вв.) и на севере Западной Сибири (самодийские/праселькупские памятники средневековья). Опубликованные по результатам раскопок этих культур данные дают возможность заглянуть в более ранние (по сравнению с освещенными в этнографических источниках) этапы развития традиции поясов у некоторых интересующих нас современных народов. При этом дальневосточные материалы по мохэ и чжурчжэням, к сожалению, могут быть привлечены лишь с большой долей осторожности, поскольку между ними и этнографическими данными по современным народам Приамурья существует лакуна продолжительностью почти в пять столетий из-за того, что пока не найдено памятников позднее XIII–XIV вв. [Васильев, 2000, с. 116–118].

К счастью, подобного недостатка лишены позднесредневековые комплексы Западной Сибири, которые уже несколько десятилетий раскапываются на севере Томской области в Нарымском Приобье. В исследуемых здесь погребальных памятниках XV–XVIII вв., относимых археологами к культуре селькупов, обнаружены пояса, а точнее их детали, с металлическими и бисерными нашивками, позволяющими составить представление о более ранних селькупских поясах в сравнении с теми, о которых нам известно по данным конца XIX–XX вв. Такие материалы имеют огромное значение для понимания исторической традиции развития поясов, но пока подобными данными из других районов Северной Сибири мы не располагаем, и остается только надеяться, что они появятся в ближайшем будущем.

Среди археологических публикаций последнего времени особого внимания в связи с нашей темой заслуживают работы с обобщенным рассмотрением поясов. Это, прежде всего, книга В.Н. Добжанского [1990], а также большая статья А.И. Бобровой и Я.А. Яковлева [1994], содержащие, помимо чисто археологических данных, также разделы, посвященные вопросам, связанным с выявлением различных функций и общей символики пояса как явления культуры с использованием в первую очередь сибирских материалов.

Назначение пояса как элемента культуры весьма многогранно, в связи с чем его можно исследовать в самых разных аспектах: как часть одежды, способ ношения необходимых аксессуаров, совокупность украшений, элемент воинского или промыслового снаряжения, социальный символ, сложную знаковую систему, наконец, с художественной точки зрения. Поэтому в изучении поясов сталкиваются интересы не только этнографов и археологов, но и искусствоведов, историков, культурологов, исследующих пояс через призму задач своих областей знаний и тематики. Любой из этих подходов обладает своей спецификой, и важно оговорить, что ни археологическое, ни искусствоведческое рассмотрение не входят в задачи настоящей работы, которая ставит во главу угла изучение пояса с этнографической точки зрения. Однако при этом нельзя совсем обойти вниманием такие аспекты как, например, привлечение (по возможности) доступных археологических данных или анализ способов и приемов художественной отделки поясов, которые, несомненно, тоже будут полез-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

ны, но лишь в той степени, которая необходима для проведения этнографического анализа.

Как любой элемент народной культуры, пояс несет в себе определенный заряд этнической специфики, которая, тем не менее, далеко не всегда лежит на поверхности и порой достаточно трудно поддается выявлению. Нередко кажется, что этничность не выражена в поясах настолько ярко, чтобы быть легко уловимой и однозначно понятой, из-за чего появляются суждения о невозможности в ряде случаев использовать пояса в качестве этнического определителя. Такое мнение выражено, в частности, археологами на основе изучения позднесредневековых поясов селькупов, которые, с их точки зрения, «по формам, функциональному назначению и семантическому наполнению не представляют собою исключительного явления, а находят многочисленные и прочные аналогии в культурах других дорусских этносов Западной Сибири и Крайнего Севера. По этой причине у селькупов, как, например, и у хантов, пояса не могут быть этномаркирующим признаком» [Боброва, Яковлев, 1994, с. 81].

Трудно согласиться с таким мнением, и надо думать, что подобный взгляд мог возникнуть лишь как следствие острого дефицита необходимой информации, поскольку археологические источники, пусть даже относящиеся к самому позднему времени, не создают всей полноты картины, требуемой для характеристики этого элемента культуры и его этнографического анализа. В действительности же суть проблемы состоит в многочисленных лакунах, по мере заполнения которых обычно снимается и острота, и даже сама постановка этого вопроса. В качестве аргументации приведем лишь один этнографический пример, показывающий, что пояса могут быть не менее ценным этномаркирующим признаком, чем другие компоненты культуры. Так, в юкагирском предании, записанном В.И. Иохельсоном, рассказывается, что чукчи в войне с чуванцами, по неведению, убили юкагира и узнали, что это юкагир, по поясу, который юкагиры носят особенным образом [Иохельсон, 1898, с. 260–261], т.е. способом, отличающимся от чуванского.

Это убедительно доказывает, что для понимания этнической специфики поясов очень важно знать самые разные их особенности, в том числе, например, и то, каким образом их носят, о чем археологические находки обычно умалчивают. Для этнографического же анализа пояс необходимо рассматривать в системной целостности всех его признаков, главными из которых, очевидно, являются следующие:

– конструкция пояса и ее сочетание с покроем одежды,
– форма пояса,
– способ крепления пояса на стане человека,
– манера подпоясывания,
– материал изготовления,
– приемы отделки,
– характер гарнитуры (поясного набора),
– расположение подвесок и особенности их крепления.

Изучение этих характеристик при комплексном подходе позволяет выделить интересные детали, являющиеся порой ценными этническими

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

показателями, и тогда традиционные пояса дают очень важный материал для исследования.

В настоящее время основная трудность в изучении этой темы состоит в серьезных лакунах, существующих у большинства народов по многим из названных показателей. Как уже отмечалось, опубликованные данные не создают всей полноты картины, которая необходима для изучения поясов в качестве историко-этнографического источника. Эти материалы не всегда удается восполнить в достаточной степени и с помощью коллекций МАЭ, в которых собрание поясов тоже далеко не полно: ряд народов представлен скупо и отрывочно, а по некоторым данные отсутствуют вообще. Поэтому едва ли не главной задачей при подготовке статьи стало проведение объемной работы по взаимодополнению материалов, извлекаемых, с одной стороны, из музейных коллекций, а с другой – из разнообразных нарративных источников (опубликованных и архивных, историко-этнографических, фольклорных, терминологических), с тем чтобы создать, таким образом, базу для последующего анализа. Собранный благодаря этому материал, довольно значительный по своему составу и объему, позволил предпринять попытку рассмотрения сибирских поясов, с одной стороны, более подробно, чем это было сделано ранее по каждому из народов, а с другой стороны, и более обобщенно по всему региону в целом.

Однако прежде чем перейти к непосредственному изложению материалов, необходимо сделать еще несколько пояснений, касающихся на этот раз более четкого определения самого объекта нашего изучения. Дело в том, что слово *пояс* в этнографической литературе относится не только к тому элементу культуры, который находится в центре внимания данной статьи, но еще и к охотничьим чересплечным ремням-перевязям (местное их название – *натруска*), к так называемым поясам стыдливости, являющимся скорее разновидностью набедренной повязки, а также к особым женским поясам, вообще относящимся к сфере специфически женской субкультуры. И те, и другие встречались у ряда народов Северной Сибири, но не вошли в предмет рассмотрения в настоящей работе, поскольку по своим функциям заметно отличались от поясов в собственном смысле этого слова, т.е. таких, которые предназначались по чисто практическому их применению для поддержания одежды, прилегающей к телу. В данном случае мы сознательно уходим от углубления в проблему древнейших истоков общего происхождения всех этих видов изначально, очевидно, одного и того же элемента культуры, воплощавшего собой «суть идеи “одетости”» [Байбурин, 1992, с. 5].

Однако даже в таком единственном, оговоренном только что значении пояса будут представлены в настоящей работе далеко не в полном своем объеме, так как их применение у коренных народов Северной Сибири отличалось чрезвычайным разнообразием. Они широко использовались как в быту, так и в ритуальной жизни, в связи с чем существовали особые виды поясов, употреблявшихся во время различных обрядов, свадебных или погребальных церемоний. О таких поясах данные еще более ограничены, что не позволяет составить о них достаточно полного пред-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

ставления, но во всех случаях их обнаружения они будут привлекаться к рассмотрению, поскольку использовались обычными людьми, участвовавшими в обрядах. В то же время специальные пояса, которые надевались шаманами на время камлания, рассматриваться не будут в связи с тем, что они являлись предметами культа и потому требуют к себе отдельного внимания и особых подходов к изучению.

Структурно работа построена таким образом, что ее основную и самую значительную в объемном отношении часть составляет подробное, насколько это было возможно и оправданно, описание поясов по народам или группам народов, что, тем не менее, не является самоцелью. Оно необходимо прежде всего потому, что только на этой основе может быть осуществлена классификация материала, позволяющая подойти к его типологии, благодаря которой он смог бы превратиться из массы интересных, но разрозненных сведений в систему, отражающую различные уровни и направления стадиального и этнокультурного развития данного элемента культуры.

Описательная часть работы нужна еще и потому, что она обеспечивает необходимые условия для реализации главной задачи – выявления этнической специфики предмета исследования, раскрытие которой чрезвычайно важно для понимания общих процессов развития этноса и функционирования его культурной традиции, а также для решения проблем этногенеза, этнической истории и этнокультурных взаимовлияний. С этой же целью в статье привлекаются и некоторые данные, характеризующие сложнейшую и тончайшую сферу символических (знаковых) представлений, которые имеют, как показывают сравнительные материалы, много общего с представлениями других народов и культур. Но при всей общности этих идей, определяемых универсалиями человеческого развития, в них все же в достаточной степени присутствует и этническая доминанта.

Остается добавить, что характеристика поясов для удобства изложения и восприятия материала сгруппирована в статье по четырем разделам: «Народы Западной Сибири», «Эвенки, эвены, юкагиры», «Народы Северо-Востока Сибири», «Народы Нижнего Амура и Сахалина». Их выделение обусловлено, с одной стороны, этногеографией Сибирского региона, а с другой – этногенетическими и этнокультурными связями населяющих его коренных народов.

Народы Западной Сибири

По сравнению с остальными выделенными в статье регионами пояса западно-сибирских народов получили относительно неплохое освещение в литературе благодаря работам Е.А. Алексеенко, Н.В. Лукиной, А.А. Попова, Н.Ф. Прытковой, Е.Г. Федоровой, Л.В. Хомич и др. Западная Сибирь представлена и гораздо большим количеством иллюстраций – фотографий и рисунков, как опубликованных, так и архивных, являющихся важным дополнением к имеющимся у нас коллекционным материалам. Последние хотя и довольно значительны по объему (в общей сложности они составляют 43 экземпляра, не считая отдельных пряжек и подвесок),

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

но распределены по народам крайне неравномерно. Больше всего поясов по ненцам (14 экз.) и кетам (13 экз.), 9 экз. – по нганасанам, включая и тундровых энцев, 7 экз. – по хантам, лишь один – по манси, и совсем не представлены селькупы.

Осложняет изучение материала и этническая разнородность региона. Семь народов, пояса которых рассматриваются в этом разделе, принадлежат к трем этнолингвистическим группам: угорской (ханты и манси), самодийской (ненцы, энцы, нганасаны, селькупы) и енисейскоязычной (кеты). Кроме того, каждый из этносов отличается сложной историей формирования и имеет в своем составе отдельные локальные подразделения, нередко разобщенные друг с другом и различающиеся спецификой культуры, в частности и особенностями поясов. Однако объединение названных народов оправдано тем, что одни из них связаны общностью происхождения, другие – длительными этнокультурными контактами, что привело к сложению ряда общих традиций, касающихся в том числе и поясов. Поэтому на обширной территории, которую населяют указанные этносы, встречаются пояса сходных типов, хотя распределение их очень мозаично. Часто они разделяются не по народам, а по подразделениям соседних этносов, либо совпадают в разных этнических группах. Так, пояса тундровых энцев были однотипны с нганасанскими, в то время как лесные энцы носили пояса, аналогичные ненецким. Или: один из видов поясов у восточно-хантыйских женщин – из ткани с подкладкой и отделкой бисером – был сходен с поясами кетских мужчин. Вообще в отдельных подразделениях угров наблюдается чрезвычайная пестрота материала, но при этом большое сходство между собой имеют пояса ненцев и северных групп хантов и манси. Несколько обособленное положение занимают пояса кетов, которые и откроют рассмотрение материалов по этому региону.

Кеты. То, что в МАЭ насчитывается 13 кетских поясов, благодаря сборам таких известных исследователей, как Е.А. Алексеенко, В.И. Анучин, Б.О. Долгих, Н.К. Каргер, в сопоставлении с небольшой общей численностью этого народа воспринимается как достаточно обширная источниковедческая база. В дополнение к информации, опубликованной в монографии Е.А. Алексеенко [1967, с. 130–147], эти данные позволяют составить о традиционных кетских поясах довольно полное представление. Немаловажным является и то, что сам кетский материал единообразен и не отличается такой мозаичностью, как, например, угорский.

У кетов отмечено три вида поясов, два из которых – мужской и женский – были повседневными, а третий использовался как промысловый, одинакового образца и для мужчин, и для женщин. Все они назывались словом *кут*, восходящим, по мнению Е.А. Алексеенко, к общетюркскому корню [Там же, с. 140]. Нижнюю рубаху кеты носили навыпуск, без пояса, а все виды верхней плечевой одежды обязательно подпоясывали. Верхняя плечевая одежда, однотипная для мужчин и женщин (летний суконный *котлам*, зимний стеганый на меховом подкладе *бесем*, а также меховая парка), была распашной, с глубоким запахом справа налево. К полам *котлама* завязок не пришивали, поэтому необходимым условием того,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

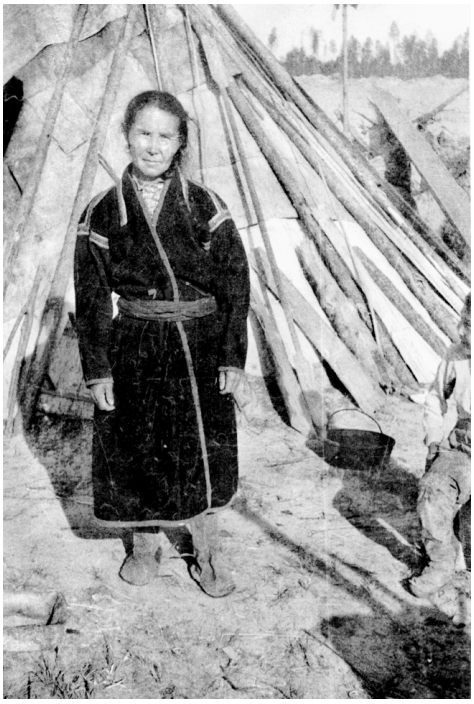

Рис. 1. Повседневный женский пояс и способ его ношения. Кеты. МАЭ, № И–1706–445.

Рис. 2. Кеты. Два женских пояса красного цвета, один из них с бахромой на концах. МАЭ, № 6787–2 б, в.

чтобы они не расходились, являлось обязательное ношение пояса. Возможно, у кетов с этим связано подпоясывание любого вида распашной верхней одежды. О том, что основной практической функцией повседневных кетских поясов может считаться именно поддерживание ими пол в запахнутом виде, косвенно свидетельствует и то, что эти пояса не имели бытовых подвесок.

Для повседневных кетских поясов, надеваемых зимой поверх *бесема*, а летом на *котлам*, характерно четкое деление на женские и мужские. Женские пояса представляли собой длинную, около двух метров, и широкую – 15–30 см – полосу хлопчатобумажной ткани, обычно красного цвета, в один слой или сложенную вдвое. Края пояса могли быть с бахромой или без нее.

Женщины носили пояс, обертываясь им несколько раз, концы завязывали и подтыкали. Во время работы длинные полы *котлама* или *бесема* заправляли за пояс и высвобождали правую руку, спуская одежду с плеча [Алексеенко, 1967, с. 139].

В отличие от женщин, мужчины носили пояса, ширина которых составляла 7–10 см, а длина (80–90 см) чуть превышала, с запасом на застегивание, обхват талии. Пояс имел форму вытянутой прямоугольной полосы с закругленными краями. С одной стороны на нем крепились две пуговицы, а с другой – две петли, прорезные или воздушные, пришитые изнутри пояса. Изготавливали мужские пояса из сукна и хлопчатобумажной ткани. Их шили двухслойными: один слой из сукна, другой – из ткани. Причем сочетание могло быть любым – сукно с лицевой стороны пояса, а изнутри хлопчатобумажный подклад, или внутри сукно, снаружи обшитое тканью. Цвет верхнего материала в мужских поясах был темным, чаще всего черным, а

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

также синим или зеленым. Края пояса окантовывали матерчатой бейкой яркого контрастного цвета – красного, белого, синего.

Декоративным оформлением поясов служила вышивка – подшейным волосом оленя, бисером голубого, зеленого, желтого, красного цветов, а позднее и фабричными нитками, причем последние прикрепляли мелкими стежками в технике вышивки подшейным оленьим волосом. Орнамент вышивки на всех поясах включает два основных для кетов мотива – вильчатый, или фаллический, а также стилизованное изображение оленьих рогов [Алексеенко, 1967, с. 139–140; Анучин, 1914, с. 37–39, 81, 85]. Нижний край некоторых поясов украшали провисающие нити, имеющие вид полукруга, с нанизанным на них бисером синего, розового, зеленого цветов.

На промысле и мужчины, и женщины носили одинаковые пояса иного типа. Они подпоясывали промысловую одежду узким ремешком, изготовленным из лосиной кожи, шириной около одного (реже – двух) сантиметров, длиной немногим более метра (115–130 см). На правом конце пояса крепилось железное кольцо, а на левом, зауженном, – специальный штырь длиной около 9 см, с заостренным, слегка изогнутым краем, сделанный из кости лося либо из дерева. С левой стороны, на расстоянии примерно от 20

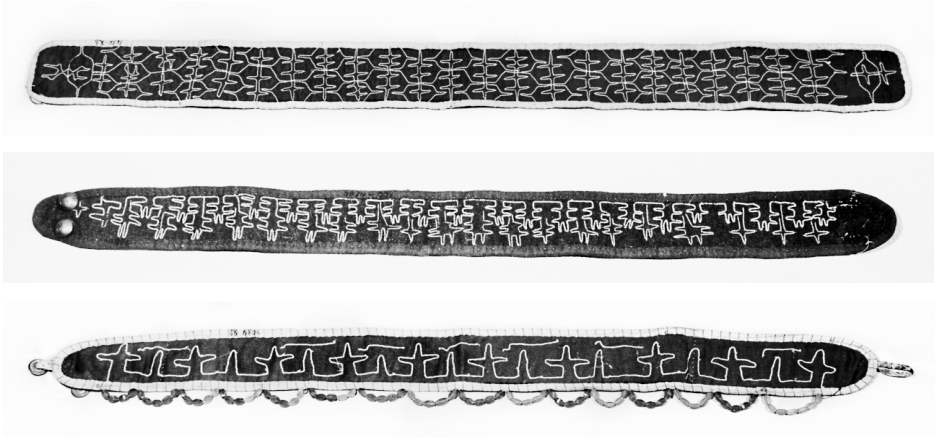

Рис. 3. Кеты. Мужские повседневные пояса. МАЭ, № 1238–26; 4034–77, 82.

до 30 см от этого штырька, в полотне пояса шел ряд сквозных отверстий-прорезей, используемых при застегивании. Пояс затягивался спереди через кольцо, а штырек вставлялся в одну из прорезей, в зависимости от обхвата талии. В XX в. этот традиционный для кетов способ крепления пояса был вытеснен обычными пряжками фабричного образца.

Узкая кожаная основа промыслового пояса не имела украшений. Функционально, наряду с подпоясыванием одежды, пояс использовался также для подвешивания к нему необходимых на промысле предметов, прежде всего ножа в ножнах, топора, набора для добывания огня, игольника и пр. Для этого в полотне пояса делали несколько прорезей, к которым привязывали ремешки с подвешенными на них вещами. И только специальная ско-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

Рис. 4. Кеты. Два промысловых пояса, один со специальным штырьком для застегивания и кожаной петлей для топора, второй с современной пряжкой и металлической скобой для топора. МАЭ, № 4919–12, 6905–2а, б, в, г.

ба для ношения топора, металлическая или плетеная, крепилась непосредственно на поясе, без дополнительных ремешков. Помимо топора, к этой скобе привязывали также и запасные завязки для лыж, сведения об этом мы находим в описи коллекции известного этнографа Б.О. Долгих (МАЭ, № 4919–13).

Скоба и ножны крепились с правой стороны пояса так, чтобы нож находился ближе к застежке, а топор висел на боку. Ножны подвешивали на двух ремешках, из которых один был чуть длиннее другого. Нож при этом

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

оказывался в горизонтальном положении, рукоятью назад, поэтому Б.О. Долгих при описании внешнего вида кетов отмечал, что ножи висели «у них на бедрах, словно кортики моряков» [Долгих, 1934, с. 4]. Но встречался и другой способ, когда ножны подвешивали на одном ремешке вертикально, а в нижней своей части они были снабжены ремешком для привязывания к бедренной части правой ноги. Такой прием ношения ножен на бедре считался эвенкийским [Алексеенко, 1967, с. 53].

С левой стороны к поясу подвешивали мешочек, сшитый из шкуры с оленьего лба либо с уха или подбородка лося. В нем держали огниво, кремень, трут (позднее спички), а также игольник, нитки, чай. Особая форма мешочка в виде двух соединенных карманчиков, перегибающихся пополам, позволяла носить его также путем закладывания одной из частей за пояс. Подобным образом носили аналогичные сумочки – заложив их одной половинкой за пояс – и мужчины у восточных (ваховских) хантов [Лукина, 1985, с. 257].

Отдельно от остальных мелких предметов крепился точильный камень. Для него к поясу пришивали специальный ремешок шириной около 3 см, в нижней части которого был узкий карманчик (МАЭ, № 1239–34/1,2).

Как уже отмечалось, женщины носили на промысле такие же пояса, как и мужчины, и все же охотничий пояс изначально следует считать принадлежностью прежде всего мужского костюма. Подтверждение этому находим в детской одежде, где ровдужный пояс встречался лишь у мальчиков. По данным Е.А. Алексеенко, как только ребенок начинал ходить, ему изготавливали такой пояс, к которому прикрепляли ровдужный мешочек с его пуповиной. С 7–8 лет мальчик уже носил на поясе ножны с ножом, а позднее и другие предметы промыслового снаряжения [Алексеенко, 1967, с. 52; 1988, с. 14–15]. Этот набор вместе с поясом служил ярким знаком мужской принадлежности.

Рис. 5. Кеты. Промысловый пояс с мешочком для огнива и других мелких вещей. МАЭ, № 6787–14 а, б, в, г.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

Таким образом, в кетской культуре пояса выполняли очень важную функцию половой дифференциации, которая была тем более необходима, что традиционная одежда кетов в целом являлась сходной у женщин и мужчин.

Важно отметить также, что традиционным для кетов являлось низкое подпоясывание «по бедрам», с образованием небольшой пазухи [Алексеенко 1967, с. 139; Долгих, 1934, с.119; Народы Сибири, 1956, с. 229]. При этом одежда оказывалась несколько открытой на груди. Это хорошо видно на фотографиях, одна из которых (изображающая женскую одежду) помещена на рис. 1, а другая (изображающая мужскую) опубликована в статье Е.А. Алексеенко «Техника изготовления одежды у кетов» [1970, с. 130, рис. 5].

Обские угры. В сравнении не только с кетами, пояса которых дают довольно четкую типологию, но и в целом по Западной Сибири пояса обских угров выделяются чрезвычайным разнообразием. Их конструкция и материал, так же как и способы ношения, имели столь значительное количество вариантов, что они не всегда укладываются в определенные типы. Очевидно, это было обусловлено особенностями формирования различных этнолокальных групп угров и возникшими в связи с этим существенными различиями в их одежде. Одежда хантов и манси в целом очень разнообразна, и для нее одинаково характерны как глухой, так и распашной типы. В XIX–XX вв. распашная одежда была более свойственна женщинам, но известно, что в прошлом ее носили и мужчины, у которых она дольше всего сохранялась в южных и восточных группах. У северных же хантов и манси мужчины уже давно и повсеместно перешли к глухой одежде, по-видимому, заимствованной ими у ненцев и коми-зырян в результате приспособления к суровым условиям Севера. В то же время женщины в северных группах продолжали неукоснительно пользоваться традиционной распашной одеждой, сохраняя ее самобытный крой, утраченный здесь в одежде мужчин.

Подобные изменения не могли не привести, с одной стороны, к заимствованию вместе с новыми формами одежды поясов новых типов, а с другой – и к некоторым отступлениям от принятых ранее норм подпоясывания. Очевидно, в этом и надо искать объяснения тому, что в различных группах с аналогичной одеждой даже одинаковые пояса могли носить поразному, поэтому в литературе очень часто встречаются указания на какие-то исключения или несовпадения в правилах.

По-видимому, изначально ханты и манси, подобно кетам, надевали пояса только с верхней плечевой одеждой, а рубахи, а затем и платья, носили неподпоясанными. Но к XX в. четкость этой установки размывается, и в источниках появляются сообщения о ношении в той или иной угорской группе какой-либо верхней одежды без пояса или, наоборот, о подпоясывании рубах, в частности во время работы. Любопытно также не имеющее пока подходящего объяснения свидетельство о том, что нижнесосьвинские и обские манси носили всю одежду неподпоясанной и по этому признаку даже отделяли себя от других северо-мансийских групп [Федорова, 1994, с. 119–120, 184].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

Наряду с отмеченным, известную долю сложности в изучение поясов обских угров привносит и то, что отдельные их группы по-разному обеспечены необходимыми сведениями. Собрание МАЭ содержит хантыйские пояса, привезенные преимущественно из северных (4 пояса), а также восточных (3 пояса) групп, которые лучше известны и по данным, опубликованным Н.Ф. Прытковой [1953] и Н.В. Лукиной [1985]. Менее известно о традиционных поясах южных хантов, так как к середине XIX в. они почти полностью перешли к ношению русской одежды. Данные по манси также ограничены. Опубликованные сведения, характеризующие в основном их северные группы [Федорова, 1994; 1978], в то время как о южных и западных манси данных почти нет, дополняются всего лишь одним мансийским поясом, хранящимся в коллекциях МАЭ.

Хантыйское (*антыв*) и мансийское (*энтап*) названия пояса, зафиксированные в ряде диалектных вариантов в разных группах этих народов, образованы, как считает Н.В. Лукина, от глагола *ант* «надеть» и имеют общий корень у всех обских угров, что свидетельствует о несомненной древности традиции ношения пояса в их среде [Лукина, 1985, с. 199]. Для обозначения определенных видов поясов нередко использовались дополнительные слова, которые будут приводиться во всех случаях, когда такая информация имеется.

По-видимому, самыми распространенными и встречавшимися повсеместно среди разных групп хантов и манси являлись тканые или плетеные пояса, называемые обычно опоясками. Носили их с распашной одеждой и женщины, и мужчины. Хантыйское название опоясок – *ентап-кель* [Соколова, 1972, с. 43], манси при их обозначении добавляли слово *квалыг* – «веревка, шнурок» [Федорова, 1994, с. 145]. Они представляли собой длинную – от 2,5 до 3,5 м – узорчатую ленту, с кистями на концах или без них. Будучи в целом однотипными, эти пояса варьировались по материалу и технике изготовления, а также по длине и ширине в зависимости от назначения.

Существовало три способа их изготовления, из которых два относятся к плетению, а третий – к ткачеству. Наиболее простой способ – плетение на руках, без всяких приспособлений. По сообщению У.Д. Сирелиуса, ручное плетение было распространено по рекам Конде, Иртышу и Васюгану [Сирелиус, 1906, с. 39], т.е. у южных и восточных хантов и у южных манси. Основа и уток на таких плетеных поясах перекрещивались по прямой линии. Нити основы делались из шерсти, а уток из конопли [Попов, 1955, с. 133]. На р. Аган (восточные ханты) носили плетеные пояса, изготовленные также из шпагата или кожаных ремешков, в которых поперечные полоски были окрашены отваром сосновой коры [Лукина, 1985, с. 50].

Вторым способом, известным у восточных хантов (по рекам Салыму и Ваху), было плетение поясов при помощи берда – специальной деревянной дощечки с отверстиями [Попов, 1955, с. 133–135]. И только на реке Салым зафиксировано тканье поясов на ткацких станках, служивших ранее для изготовления крапивного холста [Шульц, 1924, с. 181].

В остальных группах собственное изготовление опоясок не отмечено. Их покупали готовыми или делали из тесьмы фабричной работы. Умевшие

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

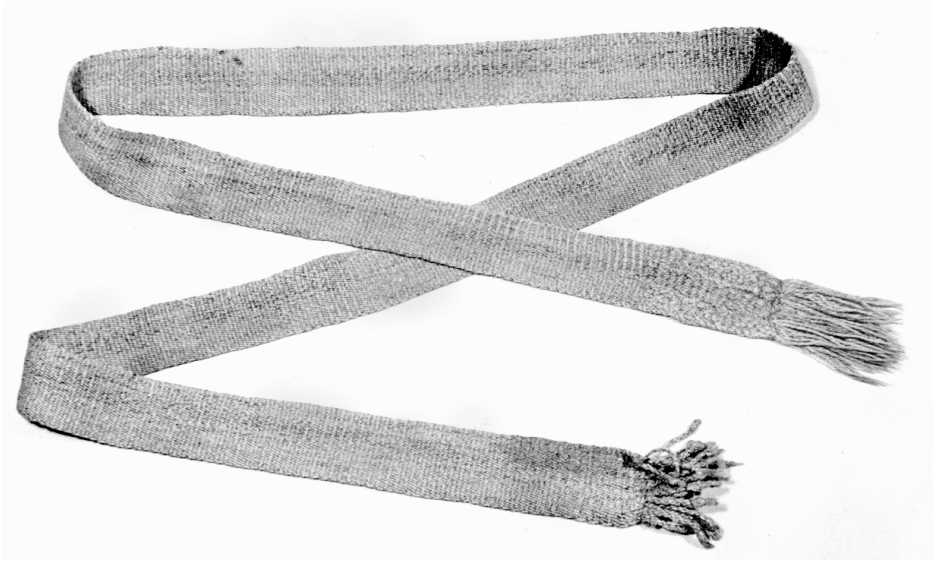

Рис. 6. Плетеный пояс восточных хантов (р. Салым). МАЭ, № 1965–17.

сами изготавливать опояски применяли для этого цветную шерстяную нить, которую получали у соседей, распуская, например, шерстяные вязаные чулки, купленные у коми [Жеребцов, 1982, с. 188], так как своего исходного материала – овечьей шерсти – у обских угров не было.

Основным тоном расцветки опоясок был красный, который встречался в сочетании с желтым или темно-синим. Для окрашивания пряжи пользовались растительными материалами: корневищем подмаренника окрашивали в красный цвет, а плауном – в желтый. Синюю краску приобретали в русских деревнях [Сирелиус, 1907, с. 46–47]. За счет переплетения цветных нитей пояса имели узорчатую фактуру. Орнамент геометрический, состоявший из полос, зигзагов, прямоугольников, чередующихся светлых и темных квадратов.

В среднем ширина опоясок составляла 6–10 см. Самые узкие, 1–3 см шириной, отмечены у хантов р. Агана [Лукина, 1985, с. 50], наиболее широкие, до 25 см, – у салымских хантов [Шульц, 1924, с. 181]. Любопытно, что и те, и другие являются восточными, дающими вообще наибольший разброс признаков.

На концах опоясок часто делали кисти из свободных нитей основы длиной около 10 см, а у восточных хантов отмечен и более сложный способ украшения, когда концы пояса обматывали шерстяными нитками и к ним прикрепляли вначале полосы ткани, расшитые бисером, а далее – полосы нанизанного бисера с металлическими ажурными бляшками на концах [Лукина, 1985, с. 50].

Никаких других украшений на опоясках не отмечено, очевидно потому, что для их декоративного убранства было достаточно цветной узорчатой фактуры самой основы и кистей нанизанного бисера с металлическими бляшками на концах.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

Восточные ханты оборачивали опояски дважды или трижды вокруг туловища и при завязывании пояса оставляли свисающие концы. Мужчины завязывали пояс спереди, а женщины – и сзади, и спереди, а в бассейне р. Агана – сзади или сбоку [Там же, с. 49, 50]. Женщины у северных хантов завязывали пояса по-ненецки: пояс складывали вдвое таким образом, что на одном конце были кисти, а к другому прикреплялось медное кольцо, заменявшее собой пряжку. Концы пояса с кистями продевались сквозь кольцо, и пояс затягивался [Прыткова, 1953, с. 194–195].

Опояски имели универсальное распространение, их носили как с повседневной одеждой, так и с промысловой. В последнем случае к поясу подвешивали с правой стороны нож в ножнах, в том числе и женщины, когда они шли на промысел в тайгу, а под опояску затыкали топор и добытую пушнину [Кулемзин, Лукина, 1977, с. 92, 102].

Если распашную одежду подпоясывали опоясками, то с одеждой глухого типа угры носили короткие твердые пояса из кожи или сукна. Ханты называли их *андап кель*, а манси – *суп менг энтап* [Соколова, 1972, с. 44; Федорова, 1978, с. 200].

Особенностью ношения таких поясов было низкое их повязывание с образованием на одежде в результате подпоясывания большого напуска-пазухи, который назывался по-хантыйски *мэлси-хыр* («мешок малицы») или *хэн хыр* («брюшной мешок»). Этот напуск использовался как вместилище для складывания мелких вещей – трубки, кисета с табаком, хлеба и пр. [Прыткова, 1953, с. 150–151]. В XIX – начале XX вв. одежда глухого типа была в употреблении у мужчин во всех группах обских угров, хотя и в разной степени. У северных хантов и манси глухой была вся мужская одежда

Рис.7. Северные (казымские) ханты. Мужчины в подпоясанной зимней одежде. МАЭ, № 2421–57.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

(малица, парка и гусь), а у восточных хантов она использовалась наряду с распашной, чаще всего в качестве дорожной. Поэтому твердые пояса у хантов и манси повсеместно известны как мужские. Такой низко повязанный и богато украшенный пояс с многочисленными свисающими металлическими цепочками и подвесками был едва ли не единственным украшением и в то же время знаком достоинства мужчины [Перевалова, 1992, с. 90-91].

Информация о ношении твердых поясов женщинами встречается очень редко, скорее как исключение, и один из таких случаев относится к восточным хантам в районе р. Тромъегана. Здесь женщины носили их с двойными меховыми шубами [Лукина, 1985, с. 50].

Твердые пояса шили из цельной полосы кожи – покупной сыромятной (коровьей) либо лосиной, а также из ровдуги или позднее сукна, длиной по обхвату талии, а шириной у хантов приблизительно от 5 до 12 см, у манси – от 2 до 8 см. Более узкие пояса обычно не украшались и скреплялись костяными пряжками либо – позднее – завязывались спереди завязками или застегивались на пуговицу. Есть основания считать, что такие пояса мужчины носили преимущественно летом, в то время как зимой они пользовались широкими и богато украшенными поясами. Подтверждения этому встречаются как в музейной документации (например, хранящийся в МАЭ пояс № 2383–93 назван зимним, а № 2383–94 – летним), так и в литературе [Старцев, 1928, с. 29; Прыткова, 1953, с. 157]. И.Н. Шухов при описании казымской группы северных хантов в начале XX в. сообщал, что среди поясов у них различаются «два типа – летний и зимний. Летний делается из ремня, снабженного пряжкой из кости оленя, нож подвешен ремешками или цепочкой к поясу, ножны деревянные, в большинстве случаев без украшений, мешочек для бруска из кожи или замши. Зимний пояс делается из широкого кожаного ремня, обшитого сукном; весь пояс усажен медными пуговицами; ножны обделаны жестью или медью, мешочек для бруска вышит бисером» [Шухов, 1916, с.48–49].

По характеру отделки широкие пояса можно разделить на три группы, как это следует из данных МАЭ и опубликованных в имеющейся литературе [Народы Севера Сибири.., 1986, с. 102–104, Приложение, 29, рис. XXIX, 2–6; Каталог этнографических коллекций.., 1979, с. 247; Федорова, 1994, с. 142]:

1) весь пояс снаружи покрывали сплошь рядами медных/латунных блях круглой формы или плоских металлических пуговиц, при этом нередко его основу предварительно обшивали красной тканью (ханты и манси);

2) по всей длине пояса прикрепляли ажурные металлические или костяные накладки (манси);

3) наружная сторона пояса украшалась тиснением в виде косой сетки, окрашивалась в бордовый цвет либо вообще не имела никакой отделки – характерно для хантыйских поясов шириной 5–6 см.

Особенности отделки и наличие двойных металлических пряжек позволяют отнести широкие твердые пояса с нашитыми на них бляшками или пуговицами к тому типу поясов, которые получили в литературе название наборных. Причисление к ним поясов с тиснением косой сеткой или вообще без отделки кожаного полотна основано на способе их крепления –

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

с использованием таких же пряжек, что и на поясах с накладками или пуговицами. У северных хантов и манси это были чаще всего латунные пряжки, подобные пряжкам на ненецких наборных поясах. Такая пряжка состояла из двух парных частей, прикрепляемых к разным концам пояса. На внутренней стороне одной из половин, обычно правой, имелся выступ подтрапециевидной формы, слегка загнутый внутрь наподобие крючка, которым цепляли вторую часть пряжки за отверстие в ней. Пряжки были прямоугольной формы, размерами 7 х 3, 9 х 5, 10 х 4, 11 х 6 см. Продольные стороны пряжек прямые, а торцевые (либо только одна из них) – фигурные, чаще всего в виде треугольника, заканчивающегося полукруглым выступом. Пряжки украшались прорезным орнаментом сердцевидного типа или в виде двух-трех прямоугольных отверстий.

Однако в прошлом на хантыйских и мансийских поясах вместо латунных использовались костяные пряжки прямоугольной формы двух типов: 1) с профилированными краями в виде фестонов или зубчатых выступов; 2) с прямыми краями, но украшенные концентрическими кругами с точкой в центре, полукругами и бордюрами из наколотых точек [Иванов, 1963, с. 56, 64]. Поэтому можно полагать, что старинные костяные пряжки обских угров были иного типа, чем латунные, аналогичные пряжкам ненцев и, вероятно, заимствованные у последних. Об этом же свидетельствует и сообщение об использовании в прошлом на мансийских поясах застежек с изображением лежащего медведя, отголоском чего является сохранившееся у манси до настоящего времени наименование медведя «застежечный зверь» [Чернецов, 1953, с. 227; Федорова, 1994, с. 143].

Кроме того, на некоторых хантыйских поясах зафиксированы круглые бляшки, украшенные насечным орнаментом в виде всадника на коне, цветов, звездочек и кругов [Народы Севера Сибири.., 1986, с. 104, Приложение, 29, рис. XXIX, 2–6], которые не встречались у ненцев. Можно полагать, что в этих изображениях отражались древние угорские представления о мифологическом солнечном божестве, являвшемся добрым посредником между верховным творцом Нуми-Торумом и людьми. Угры представляли его в виде всадника на коне и рядом с его изображением помещали солнце или звезды, подчеркивавшие небесное происхождение этого персонажа, бывшего персонификацией солнца [Чернецов, 1947, с.18; Иванов, 1954, с. 52].

Таким образом, в угорских поясах встречаются как общие черты с наборными поясами ненцев (изготовление из сыромятной кожи, двойные металлические пряжки, использование наряду с ажурными накладками металлических пуговиц), так и некоторые специфические особенности (старинные костяные пряжки и круглые бляшки с изображением всадника). В литературе широко распространено мнение о появлении подобных поясов в зоне тайги от южно-сибирских кочевников на ранних этапах этнической истории, однако при ближайшем рассмотрении эта проблема оказывается намного сложнее, чем выглядит на первый взгляд. Очевидно, что ее изучение потребует значительных совместных усилий со стороны этнографов и археологов, и важным вкладом в эти исследования является специально посвященная этой теме статья Л.Р. Павлинской в настоящем сбор-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

нике. Можно отметить одно важное обстоятельство, свидетельствующее о глубокой самобытности поясов данного типа в культурах хантов и манси. Имеется в виду известное фольклорное упоминание об использовании обшитого пуговицами пояса Нуми-Торума в акте мироздания. Мансийский миф (аналог которому есть и у хантов) повествует, как верховный дух Нуми-Торум укрепил (опоясал) поднятую со дна моря вертящуюся землю, опустив на нее свой пояс. «Пояс его тяжелыми пуговицами украшен был. Земля в воду глубоко осела и неподвижной стала. На том месте, где пояс лег, теперь Уральский хребет. Это земли самая середина» [Чернецов, 1935, с. 26].

Данный сюжет, повествующий о действиях демиурга, предпринятых им для укрепления оси не установившейся еще первоземли, несомненно, является очень архаичным и должен рассматриваться как подтверждение глубокой древности бытования в хантыйско-мансийской культурной среде поясов, обшитых пуговицами-бляшками. Учитывая их специфические особенности, это может говорить в пользу самобытной угорской линии развития поясов наборного типа, однако пока подобное предположение носит лишь предварительный характер.

Обязательной принадлежностью твердых поясов были нож в ножнах и кожаная или суконная сумочка с точильным бруском. Ножны подвешивались чаще справа, хотя встречалось и левостороннее их крепление, по-видимому, если человек был левшой, как, например, в случаях, изображенных на рис. 7 и 8. У северных хантов и манси, как и у ненцев, для подвешивания ножен использовали три–четыре цепочки (или ровдужных ремешка) различной длины, чтобы ножны висели горизонтально с небольшим наклоном, а рукоять ножа располагалась выше, чем клинок. Крайняя левая цепочка (или ремешок) крепилась непосредственно на пряжке или очень близко к ней, другие привязывались через отверстия в нижнем крае пояса.

В то же время в восточных и южных группах обских угров был распространен иной способ ношения ножа – в вертикальном положении. В этом случае своей верхней частью ножны подвешивались на ремешке к поясу, а в нижней части снабжались специальным сквозным отверстием, куда также продевался ремешок. При необходимости его обвязывали вокруг ноги, фиксируя ножны на бедре [МАЭ, №338–20 – манси; Прыткова, 1953, с. 160; Народы Сибири, 1956, с. 587; Чернецов, 1957, с. 159], подобно тому, как выше это было уже отмечено у кетов. По мнению Е.Г.Федоровой [1994, с. 221], такой способ крепления использовался для ножей, носимых на охотничьем поясе, так как нож в ножнах должен был как можно меньше мешать движению.

Встречались у манси и сдвоенные ножны (для двух ножей), которые вырезались из одного куска дерева или рога оленя. Они крепились к поясу при помощи двух цепочек и к ноге не привязывались [Федорова, 1994, с. 219, 221–222].

Наряду с ножом на поясе обязательно носили оселок (точильный брусок), имевший не только важное функциональное назначение, но и определенную символическую нагрузку, обусловленную представлениями о связи реального и потустороннего миров. У манси запрещалось передавать точильный брусок другому человеку, так как считалось, что в противном

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

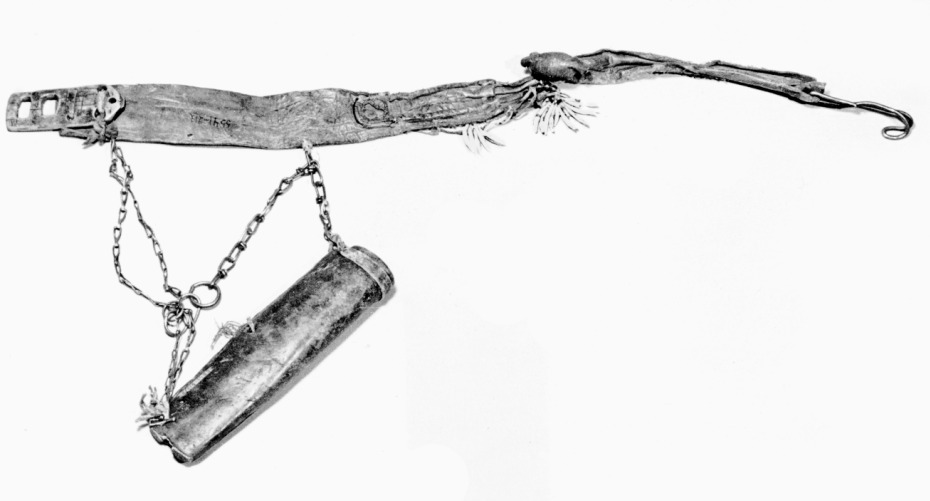

Рис. 8. Ханты. Мужской пояс с пряжкой, ножнами и амулетом. МАЭ, № 5541–212.

случае эти люди уже не встретятся ни при жизни, ни после смерти [Там же, с. 144]. Ханты если и передавали его, в виде исключения, из рук в руки, то обязательно не с ладони, а с тыльной стороны руки [Дунин-Горкавич, 1904, с.194]. Очевидно поэтому футляр для подвешивания оселка старались отделать особенно тщательно и нарядно. Его украшали металлическими бляшками, пуговицами, ремешками с нанизанными на них бусинами или сплошь покрывали бисером, как, например, экземпляр, привезенный в МАЭ от северных (казымских) хантов, расшитый бисером синего и белого цветов и обрамленный по краям бисерными пронизками (МАЭ, № 2383–95). Есть сведения, что в прошлом ажурные металлические или костяные накладки прикреплялись к поясу именно над местами подвешивания ножен и футляра для оселка, и лишь позднее они стали распределяться по всей длине пояса [Федорова, 1994, с. 142].

Пояс и сам по себе являлся местом ношения многочисленных и разнообразных подвесок, являвшихся не только и не столько украшениями, сколько охранителями-оберегами и вместилищами магической силы. Для их подвешивания по нижнему краю основы пояса делались специальные прорези, в которые вставлялись цепочки или ремешки, украшенные трубчатыми металлическими пронизками или крупными бусинами. На них и держались различные дополнительные предметы – бляхи, кольца, пуговицы, у детей часто колокольчики. В северных группах (в бассейне нижней Оби) отмечено подвешивание к поясу девяти изготовленных из желтого металла подвесок вытянутой формы, напоминавших собой фигуры птиц, которые равномерно распределялись по всей длине пояса [см. рис. в работе У. Сирелиуса, 1907, с. 63].

Очень часто сзади подвешивали зубы или когти различных животных: медведя, лося, лисицы. Так, на поясе, изображенном в работе У.Д. Сирелиуса [1907, с. 63], на цепочке прикреплен один медвежий клык, а хранящийся в МАЭ пояс содержит 17 зубов лисицы, которые нанизаны

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

двумя связками – в одной 6 и в другой 11 зубов. Вера в охранительную роль звериных зубов и когтей широко распространена в охотничье-промысловых культурах, и обские угры не являлись исключением. Так, в музейной документации к коллекции № 1710, хранящейся в Российском этнографическом музее, С.И. Руденко записана одна из мансийских трактовок, наделявшая медвежьи клыки магической силой, охраняющей от боли в пояснице [Федорова, 1978, с. 200].

Третий тип поясов, бытовавший у обских угров, – пояса из кожи, ровдуги или ткани, украшенные бисером. Для манси подобные пояса отмече-

Рис. 9. Ханты. Амулеты из 17 зубов лисицы на мужском поясе. МАЭ, № 5541–212.

ны как мужские. Обычно они обшивались поверх плотной основы красным или оранжевым сукном, на котором крепилась ажурная сетка из разноцветного бисера [Федорова, 1994, с. 142]. У хантов бисерные пояса носили также и женщины [Каталог этнографических коллекций.., 1979, с. 247, 264], причем отделка их заметно варьировала в различных группах, о чем можно судить, например, по материалам восточных хантов, собранным и опубликованным В.М. Кулемзиным и Н.В. Лукиной. Так, в васюганской группе женщины применяли для украшения поясов небольшое количество бисера, добавляя к нему цветные полоски ткани и металлические бляшки, подвесок при этом обычно не было. Пояса ваховских женщин богато расшивались бисером, который располагался в виде полосы из мелких ромбов. Они снабжались также большим количеством металлических подвесок с зооморфными изображениями и геометрическими фигурами. Такие пояса назывались *кочлэн-энтэв* («пояс с побрякушками»), и ими очень дорожили и передавали их по наследству [Кулемзин, Лукина, 1977, с. 100].

В МАЭ хранятся два восточно-хантыйских пояса с бисерной отделкой, привезенные из сургутской и нарымской групп, при этом сургутский пояс назван в описи женским, что подтверждается и характером его подвесок, среди которых имеется трубчатый игольник. При некотором различии в оформлении оба этих пояса имеют общие признаки, позволяющие объединить их описания. Каждый представляет собой прямоугольную полосу, соответствующую своей длиной обхвату талии (72 и 83 см), при ширине 5 и

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

7,5 см. Оба имеют одинаковую застежку в виде двух металлических пуговиц, пришитых с левой стороны, и петель, расположенных справа. В одном случае петли прорезные, во втором – воздушные. По наружной стороне оба пояса орнаментированы цветным бисером.

Нарымский пояс изготовлен из ровдуги, сургутский (женский) – из фланели розового цвета с подкладом из черной материи. Края сургутского

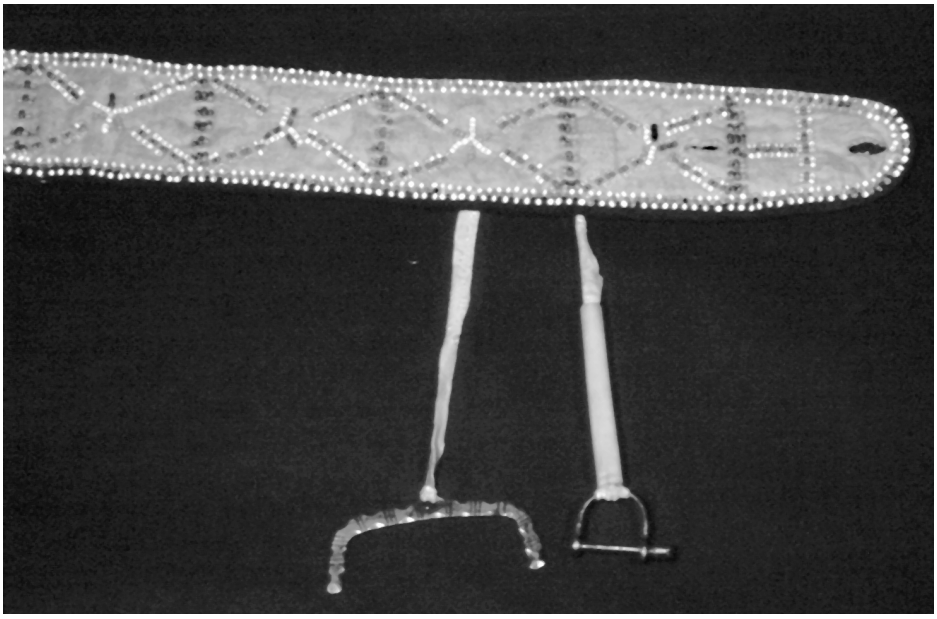

Рис. 10. Восточные (сургутские) ханты. Бисерный женский пояс. МАЭ, № 859–19.

закруглены, и спереди справа на нем прикреплены две подвески (трубчатый игольник и металлическая скоба), каждая на отдельном ремешке, пришитом с изнанки к нижнему краю пояса. Нарымский пояс украшен узкими продольными полосками темно-красной ткани, между которыми сгруппированы по две и по три штуки бисеринки белого, черного и синего цвета, а по краю каждой полосы проложен подшейный волос оленя, прихваченный мелкими стежками. Спереди на поясе слева и справа пришиты по две небольших провисающих нити с нанизанными на них бусинами и колечками для подвешивания предметов. На одном из колечек висит маленькая (3 х 4 см) ровдужная сумочка.

В этих поясах прослеживается много нехарактерных для хантов и манси особенностей: 1) способ крепления – застежка на две пуговицы; 2) закругленные края одного из поясов; 3) крепление подвесок на ремешках, пришитых с изнанки к нижнему краю пояса, а не вставленных в специальные прорези; 4) провисающие петли с бусинами и колечками; 5) использование в декоративной отделке подшейного волоса оленя; 6) нехарактерные для обских угров подвески – скоба и игольник.

Первые пять особенностей связывают рассматриваемые пояса с кетскими. Некоторые из них присущи и эвенкам, но в полном комплекте ха-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

рактерны именно для кетов. Шестой же признак – подвески в виде скобы и игольника – напоминает больше о тунгусской традиции. По данным Н.В. Лукиной, хантыйские женщины не прикрепляли игольники к поясу, а хранили их в сумке или коробке со швейными принадлежностями [1985, с. 199], в то время как эвенкийские женщины обязательно носили игольник на поясе. Металлическая скоба – это не что иное, как старинное тунгусское огниво, очень ценимое эвенками и эвенами в качестве украшения одежды (см. аналогичное украшение на одежде эвенов – МАЭ, № 445–6/2). Точно такая скоба изображена в работе У.Д. Сирелиуса, где она подвешена к швейной подушечке с Васюгана и про нее сказано: «железная, тунгузской работы дужка» [Сирелиус, 1906, с. 29, рис. 41].

Как видим, названные особенности больше присущи кетским, а частично и эвенкийским поясам. У восточных хантов они могут быть отнесены на счет сравнительно поздних кетско-эвенкийских заимствований, произошедших, скорее всего, путем смешанных браков. Свидетельство Н.В. Лукиной о том, что женщины у восточных хантов часто носили пояса ниже талии [1985, с. 197], также говорит в пользу влияния кетов, повязывавших пояс низко по бедрам. Однако следует иметь в виду, что сходство этой традиции может быть и отражением каких-то общих явлений более древнего происхождения, в значительной степени присутствующих в культурах кетов и восточных хантов, что неоднократно отмечалось исследователями этих народов [Алексеенко, 1980; 1986; Лукина, 1985].

Выделение бисерных поясов обских угров (в первую очередь хантов, так как данные по манси слишком фрагментарны) в отдельный тип обусловлено не только характером их отделки – с использованием бисера, но еще и способом застежки – при помощи завязок или пуговиц. Следовательно, по этому признаку они также отличаются от широких кожаных поясов наборного типа с парными металлическими пряжками.

Четвертый тип поясов, встречавшийся у обских угров, – это мягкие матерчатые пояса, представлявшие собой длинные (до 3–4 м) широкие полосы из ткани и сукна. В МАЭ нет поясов данного типа, поэтому воспользуемся описанием Н.В. Лукиной, зафиксировавшей два варианта подобных поясов у восточных хантов [Лукина, 1985, с. 49–50].

Первый вариант, известный только как женский пояс, представляет собой две полосы яркого сукна шириной 15 см и длиной около 150 см каждая, соединенных между собой полосой хлопчатобумажной ткани, которая составляется из кусков разных расцветок. При этом общая длина пояса составляет от 3 до 4 м. Пояс оставляли неподшитым либо окантовывали узкой полоской контрастной по цвету ткани. Поясом обертывались трижды и завязывали его сзади, прикрывая хлопчатобумажную вставку и оставляя длинные концы. Женщины стремились иметь несколько поясов разных цветов.

Другой вариант известен как мужской и как женский. Это необшитая полоса хлопчатобумажной ткани, которой обертывались дважды и завязывали, оставляя свисающие концы, но более короткие, чем у суконных поясов. Мужчины завязывали пояс спереди, а женщины сзади или спереди.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

Такие пояса среди обских угров в обозримый период времени отмечены лишь у восточных хантов, причем здесь они были наиболее распространенными [Лукина, 1985, с. 49, 196]. Однако И. Идес в своей работе, написанной по материалам конца XVII в., опубликовал изображение вогула (манси) в одежде, подпоясанной мягким матерчатым поясом [Идес, Бранд, 1967]. Кроме того, аналогичные пояса были зафиксированы В.Н. Чернецовым у северных хантов и манси в качестве обрядовых, надеваемых во время медвежьего праздника [Чернецов, 1974]. Следовательно, можно считать, что этот тип поясов в прошлом широко присутствовал в культуре всех обских угров.

Итак, имеющиеся данные по поясам обских угров позволяют выделить у них четыре основных типа: 1) тканые или плетеные (опояски), 2) твердые короткие из кожи или сукна, с накладками или пуговицами (наборного типа), 3) твердые короткие из кожи, ровдуги или сукна, украшенные бисером, 4) мягкие матерчатые в виде длинных и широких полос ткани.

Ранее в литературе предлагалось выделять у хантов три типа поясов [Лукина, 1985, с. 195], а у манси – два типа [Федорова, 1994, с. 141]. Такие расхождения обусловлены, прежде всего, разными подходами к анализируемому материалу. Так, в двух типах, выделенных у манси, не учитываются вышедшие у них из повседневного употребления мягкие матерчатые пояса. А пояса, отделанные бисером, авторы обеих работ считают возможным относить к широким твердым поясам, обшитым пуговицами-бляшками, объединяя их, таким образом, с наборными.

Но такая оценка правомерна лишь при диахронном подходе к материалу, когда бисерные пояса считаются поздней модификацией наборных, в которых произошло вытеснение и замена металлических нашивок новыми материалами. При этом не учитывается, что бисерные пояса, как правило, крепились посредством завязок или пуговиц, т.е. не имели двойных металлических пряжек, поэтому отличия заключаются не только в характере гарнитуры, но и в способах застежки. В связи с этим, на наш взгляд, существует больше оснований для выделения бисерных поясов в качестве отдельного типа, независимо от того, явились они следствием упрощения наборных поясов в условиях Северной Сибири или самостоятельно сложились в зоне тайги на базе обычных кожаных поясов путем внесения в их отделку бисерных украшений.

Ненцы. В связи с тем, что у ненцев мужчины и женщины носили пояса разных типов, возможно, из-за того, что их плечевая одежда четко разделялась по половой принадлежности (у мужчин она была глухого покроя, а у женщин – распашного), удобнее рассматривать мужские и женские пояса отдельно.

Мужские пояса. Мужчины имели несколько видов глухой одежды – малицу, парку, совик, надевавшиеся последовательно один на другой, в зависимости от обстоятельств и температуры окружающего воздуха. Из всех видов этой верхней плечевой одежды лишь малицу надевали непосредственно на тело, и только ее и подпоясывали, образуя при этом напуск, игравший роль своеобразного кармана, где держали кисет с табаком, труб-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

ку и прочие мелочи. Свободный покрой малицы позволял ненцу, не снимая одежды, вынуть руки из рукавов и набить, например, под малицей трубку [Хомич, 1966, с. 117]. Длиной малицу шили ниже колен, но подпоясывание с большим напуском при необходимости легко укорачивало ее, делая едва достигающей колен.

Кожаный пояс *ни*, украшенный металлическими накладками, был обязательным атрибутом мужской одежды во всех ненецких группах – в западных и восточных районах расселения, у тундровых и лесных ненцев. Мужчины носили его в любое время года – и с зимними малицами, сшитыми из толстого меха, и с летними, материалом для которых служил тонкий выношенный мех или сукно. При этом летом пояса уменьшали при помощи двух костяных пуговиц и кожаного ремешка, а на зиму опять распускали [Гарин, 1991, с. 51].

Рис 11. Ненцы. Подпоясывание с напуском мужской одежды. МАЭ, № И–1162–51.

Кожаную основу пояса изготавливали из сыромятной коровьей кожи, которую вырезали шириной от 5 до 9 см и длиной чуть больше обхвата талии (90–100 см), с учетом толщины зимней малицы. На наружной поверхности прикрепляли литые медные бляхи с прорезным орнаментом, имевшие вид фигурного овала, обычно листовидной формы, около 5 см высотой. Они распределялись на расстоянии друг от друга, и количество их могло быть различным, но обязательно нечетным (3–9). В нижней части они имели от одного до трех сквозных отверстий, используемых для подвешивания необходимых предметов. Часто между кожаной основой пояса и металлическими накладками прокладывали сукно красного цвета, придававшее поясу дополнительную яркость.

Застегивали пояс при помощи массивной, отлитой из меди пряжки *ни мара*, состоящей из двух почти одинаковых половин, каждая размером в среднем 5 х 10 см, крепившихся на концах пояса. Различались они только тем, что к правой был припаян с внутренней стороны плоский крючок, а на левой имелись отверстия для него, обычно три прямоугольных прорези, служившие петлями. Гордость ненцев за свои поясные пряжки отражена в

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

их загадке «раз закрепишь – никогда не отпустит» [Вербов, 1937, с. 24]. Пряжки украшали ажурным сердцевидным орнаментом, часто покрывая их поверхность гравировкой в виде рядов мелких зигзагов.

Металлическая отделка мужских ненецких поясов интересна с нескольких точек зрения. По линии художественного оформления она обращает

Рис. 12. Ненцы. Мужской пояс с металлическими накладками. МАЭ, № 979–37.

на себя внимание тем, что благодаря такой отделке пояса резко выделялись на фоне меховой одежды и производили сильное впечатление своим декоративным убранством. С точки зрения типологии, использование в этих поясах металлических элементов – накладок и пряжек для застегивания – позволяет относить их к поясам наборного типа. В этнокультурном же аспекте они крайне любопытны для исследования ранних этапов этногенеза и этнической истории не только ненцев, но и в целом самодийских, а также угорских народов. Л.В. Хомич, известный специалист по языку и культуре ненцев, считала возможным говорить о сходстве ненецких и древнетюркских наборных поясов [1983, с. 36–37; 1984, с. 18], что, по-видимому, должно быть принято пока лишь как самое общее и предварительное суждение, требующее специальных исследований с привлечением дополнительных материалов.

Ненецкие пояса наборного типа имеют несколько любопытных особенностей, очевидно, отражающих какие-то этапы их развития. Во-первых, будучи оленеводами, ненцы изготавливали их не из оленьих шкур, а из коровьей кожи, получая этот материал у соседних русских и коми, с которыми у них издавна сложились обменные и торговые связи. Влияло, главным образом, то, что коровья шкура, в отличие от оленьей, не намокает, не разбухает, не тянется, а также и не пересыхает [Гарин, 1991, с. 51]. Во-вторых, не менее важно отметить, что металлические части поясов изготавливались не ненцами, а мастерами других национальностей (русскими, коми), но ненцы при заказе давали им свои образцы или выбирали из готовых изделия определенного вида [Иванов, 1970, с. 69–70].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

В отдельных случаях на поясах были аналогичные медным бляхи из оленьего рога, которые изготавливали сами ненцы.

По данным Л.В. Хомич, фольклорные материалы свидетельствуют о том, что традиция украшать одежду медными подвесками и бляхами существовала в далеком прошлом у предков ненцев [Хомич, 1976, с. 145]. Поэтому можно считать накладки из оленьего рога более поздними, выступающими в качестве заменителей металлических. К началу XX в. металлические и роговые бляхи у ненцев стали редкостью, вместо них на полотно пояса стали нашивать, подобно хантам и манси, металлические пуговицы в 2–3 ряда, так что они полностью закрывали всю наружную поверхность пояса.

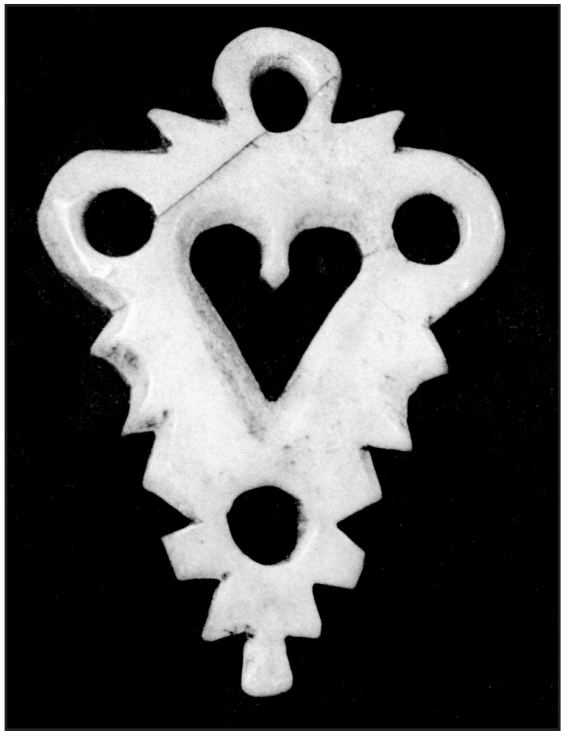

Рис. 13. Ненцы. Поясная накладка из оленьего рога. МАЭ, № 4588–2.

Мужчины прикрепляли к поясу ножны с ножом и кожаный чехол с точильным бруском. Ножны подвешивались на двух–трех цепочках или ремешках, которые привязывались через отверстия в поясе или к ушкам литых накладок. Ножны

Рис. 14. Ненцы. Мужской пояс с металлическими пуговицами. МАЭ, № 979–38.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

большие, 25–27 см длиной, деревянные, обтянутые кожей. Часто их охватывали поперек медными полосками или целиком обивали листовой латунью. Встречались и достаточно редкие и необычайно красивые экземпляры, выполненные из бивня мамонта.

Цепочки для подвешивания ножен делали разной длины, от 10 до 30 см. Передняя цепочка была примерно вдвое длиннее задней, благодаря чему

Рис. 15. Ненцы. Мужской пояс с ножом в ножнах и двумя амулетами – зубом волка и зубом белого медведя. МАЭ, № 4589–1.

ножны висели на бедре наклонно, под углом, и рукоятка ножа была направлена вверх и назад.

На музейных экземплярах ножны крепятся с разных сторон: и справа, и слева. В работе Л.В. Хомич имеется прямое указание на то, что нож прикреплялся слева [1983, с. 36]. В то же время современная традиция (а пояса до сих пор остаются непременной принадлежностью мужской одежды ненцев) отдает предпочтение правостороннему ношению ножен, чему, в частности, приводится следующее любопытное объяснение: «Дело в том, что ненецкий оленевод садится на нарты с левой стороны. Правую ногу он закидывает на нарту, а левой опирается на полоз. <...> Таким образом, нож, находясь с правой стороны пояса, как бы покоится на нарте, а не болтается. Это предохраняет его при езде от ударов о ветки и других механических повреждений. Ножны не забиваются снегом, нож из них не выпадет и не потеряется [Гарин, 1991, с. 50].

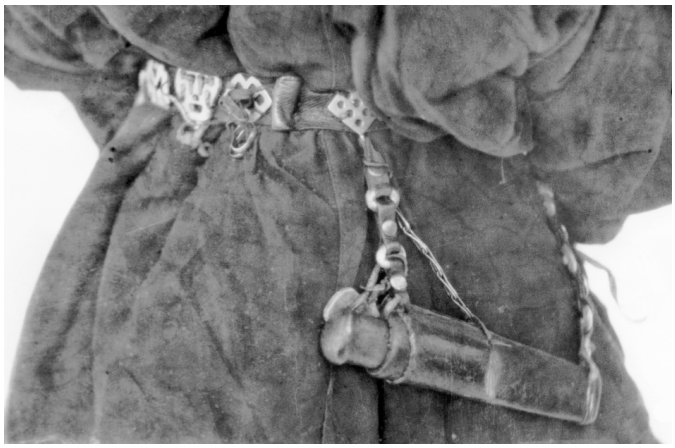

Рис. 16. Ненцы. Подвешивание на поясе ножа в ножнах. Вид сзади. МАЭ, № И–1162–62.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

Точильный брусок, имеющий форму вытянутого прямоугольника, помещали в специальный чехол, сшитый в виде небольшого карманчика из двух одинаковых кусков кожи, который часто украшали металлом, окаймляли по краям медными полосами, обшивали пуговицами и цепочками.

Как и угры, ненцы подвешивали сзади на поясе зубы белого медведя и волка, считавшиеся сильными оберегами. Верили, что они обеспечивают защиту от злых духов, излечивают от болей в спине и содействуют успеш-

Рис. 17. Ненцы. Подвешивание на поясе чехла для точильного камня. МАЭ, № 4589–1.

ному промыслу зверя [МАЭ. Опись колл. № 979. Собиратель и регистратор А.В. Журавский; Хомич, 1983, с. 36–37].

У восточных (енисейских) ненцев, называемых еще юраками, наряду с рассмотренными выше поясами с металлическими накладками были распространены кожаные пояса, расшитые бисером. Судя по документации собирателей коллекций МАЭ (№ 1528–3; 2142–4), они назывались как общененецким словом *ни*, так и отличным от него термином *падер*. Шириной около 7 см, длиной 90 см, эти пояса были обшиты снаружи красным сукном и, подобно вышеописанным наборным поясам, снабжены ажурными медными пряжками, но в отличие от них не

Рис. 18. Ненцы. Ношение на поясе амулета (медвежий клык). Вид со спины. МАЭ, № И–1162–47.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

имели металлических накладок. Наружная их сторона поверх красного сукна украшалась бисерной сеточкой с размером ячеи около 1 см. Цвета бисера – черный, белый, голубой и прозрачный.

Для ненцев употребление бисера считается нехарактерным, в то время как их соседи, угры и эвенки, чаще других северян пользовались этим материалом. На одном из музейных ненецких экземпляров такого типа под-

Рис. 19. Восточные (енисейские) ненцы (юраки). Мужской кожаный пояс, расшитый бисером. МАЭ, № 1528–3.

вешена кожаная сумочка, также расшитая бисером. Форма ее напоминает эвенкийские сумочки – в виде плоского карманчика округлой формы, полностью закрываемого клапаном.

Учитывая то, что бисерные пояса юраков привезены в МАЭ из Туруханского края, где ненцы имели давние и регулярные контакты с эвенками, особенность их отделки может быть объяснена тунгусским влиянием. Подобный вывод относительно происхождения чужих элементов в одежде ненцев был сделан ранее и Н.Ф. Прытковой, считавшей, что они могли «явиться результатом брачных связей с женщинами других народов, в частности тунгусов и хантов» [Прыткова, 1970, с. 94]. В то же время это не противоречит и общей тенденции, известной по разным регионам Северной Сибири, заключающейся в постепенной замене металлических бляшек на кожаных поясах бисерной отделкой.

Рис. 20. Восточные (енисейские) ненцы (юраки). Расшитый бисером пояс с подвешенной к нему сумочкой. МАЭ, № 2142–4.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

Женские пояса. Женская одежда ненцев, в отличие от мужской, была распашной. При надевании ее правая пола слегка заходила на левую, и одежда туго подпоясывалась.

Назывались женские пояса, как и мужские, *ни*, но сильно от них отличались. Женские пояса были плетеными из крашеной в разные цвета овечьей шерсти или каруса. Ненцы не владели техникой их изготовления и пользовались, как ханты и манси, поясами русской или коми-зырянской работы. Пояс представлял собой узкую (2–2,5 см) и длинную полосу с бахромой на концах, изготовленную простым переплетением нитей.

Рис. 21а. Ненецкая женщина в подпоясанной одежде. МАЭ, № И–1832–53.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

Рис. 21б. Ненецкая женщина в подпоясанной одежде. МАЭ, № И–1832–53.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

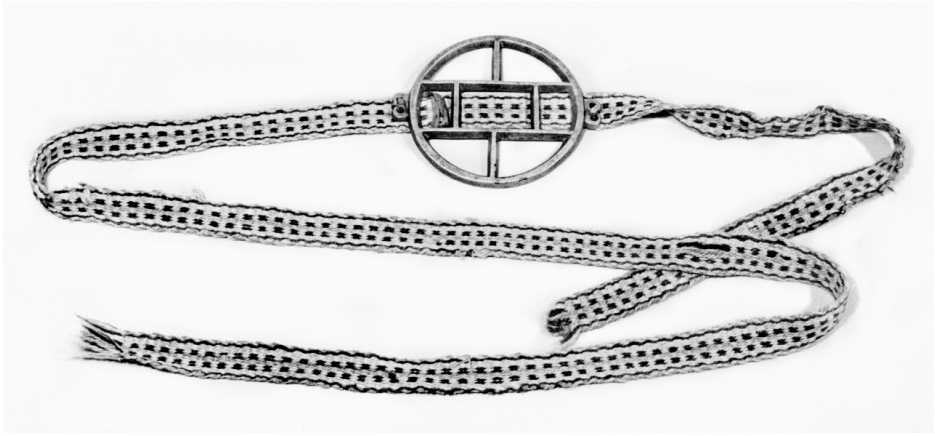

Рис. 22. Ненцы. Женский плетеный пояс с медной пряжкой. МАЭ, № 979–36.

Ближе к одному из концов пояса пришивали медную пряжку, имевшую форму кольца. С двух боковых сторон такие пряжки-кольца имели по паре сквозных отверстий, через которые пропускались ремешки, крепившие пряжку на поясе. При надевании пояс складывали вдвое. Более длинный конец продевали в кольцо, и оба конца связывали вместе [Хомич, 1966, с. 126].

Такие специфические пряжки-кольца фиксируются на ненецких женских поясах еще в XVIII в. [Зуев, 1947, с. 28]. Диаметр их достигал в отдельных случаях 16 см (МАЭ, № 1147–33). В середине кольца могло быть несколько пар параллельных перекладин или зооморфный рисунок – фигура животного, обычно оленя.

Рис. 23. Ненецкие женщины, подпоясанные поясами с большими медными пряжками. МАЭ, № 2426–22.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

Плетеные пояса ненецкие женщины носили без подвесок, т.е. они служили исключительно для подпоясывания одежды.

Лесные ненцы (населявшие, в отличие от основной, тундровой части этноса, небольшой участок таежной зоны) обладали рядом хозяйственно-

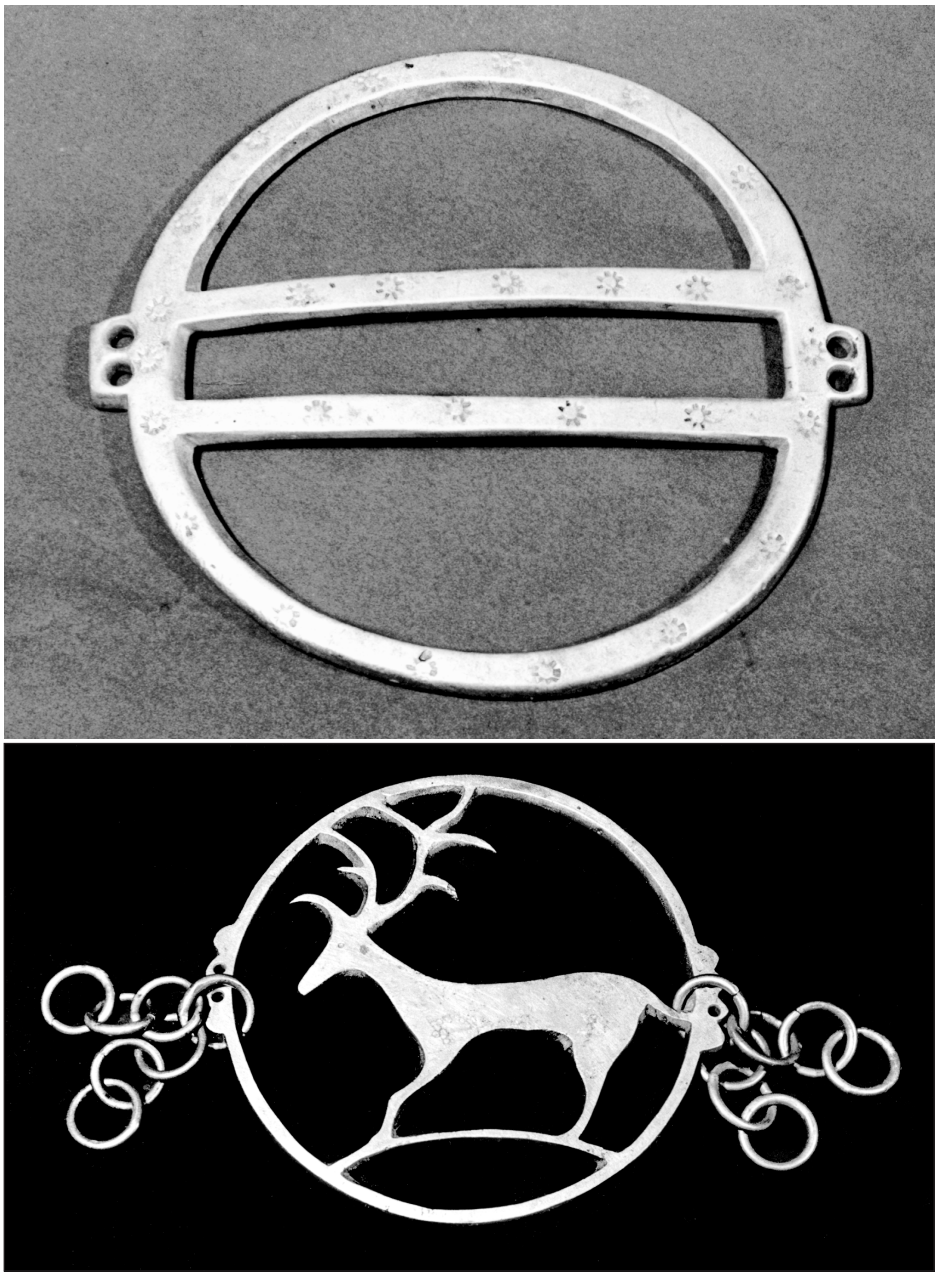

Рис. 24. Большие медные пряжки с ненецких женских поясов.
МАЭ, № 979–35; 1147–33.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

культурных особенностей. У них прослеживаются также и некоторые отличия в поясах, касающиеся прежде всего женских поясов, в то время как мужчины подпоясывались такими же кожаными поясами с накладками, как и тундровые ненцы. Пояса женщин были более разнообразными, и среди них можно выделить четыре типа: 1) плетеные из разноцветных ниток пояса, 2) твердые кожаные с прикрепленными к ним металлическими пуговицами (наборного типа), 3) твердые кожаные, украшенные бисером, 4) ровдужные, узкие и длинные [Карапетова, 1983, с. 48].

Здесь обращают на себя внимание два момента: во-первых, то, что женщины носили мужские пояса наборного типа, и во-вторых, – что встречались пояса, не отмеченные у тундровых ненцев. Последние имели и специальные названия *ним-видья* или *нивия* [Там же]. По описанию Н.Ф. Прытковой, «это были просто полосы, отрезанные от шкуры с шерстью, или же полосы ровдуги; длиной их делали от полутора до двух с лишним метров» [Прыткова, 1970, с. 39]. Такая длина при отсутствии дополнительных разъяснений о способе крепления предполагает самый простой его прием – путем завязывания длинных концов на узел, что еще больше подчеркивает архаику данных поясов, имеющих, по-видимому, очень древнее происхождение и размытую степень этничности. Показательно, что подобные пояса отмечены именно в женской одежде, которая, как известно, дольше всего сохраняет в себе ранние формы.

Четкое разделение поясов по половому признаку соблюдалось у ненцев и в одежде детей, которые носили их с раннего детства. У девочек это были плетеные пояса, как изображено, например, на фотографии в книге Л.В. Хомич [1966, с. 291, рис. 24]. Нередко они снабжались также круглыми пряжками-кольцами, о чем свидетельствуют музейные экземпляры (МАЭ, № 1155–13). Мальчики лет с пяти надевали кожаный пояс с бляшками, который каждый отец изготавливал своему сыну. По достижению 14–15 лет юноша сам делал себе такой пояс на всю оставшуюся жизнь [Гарин, 1991, с. 51].

Резюмируя материал по ненецким поясам, отметим следующее. Основная, тундровая, часть ненцев дает четкое деление поясов по половому признаку, обусловленное, по всей видимости, различием в типах одежды у мужчин (глухого покроя) и женщин (распашного покроя). Каждому из этих покроев соответствовал и свой тип пояса. У мужчин – твердые кожаные пояса с накладками или пуговицами (так называемые наборные), у женщин – длинные плетеные пояса (из разноцветных ниток) с пряжкой в виде большого металлического кольца.

В этнолокальных ненецких группах фиксируется отступление от четкости этой основной схемы. Так, мужчины-юраки, помимо наборных поясов, носили также пояса, отделанные бисером, а женщины у лесных ненцев подпоясывали свою одежду как женскими (плетеными), так и мужскими (наборными и бисерными) поясами, а также поясами в виде длинной узкой ленты, вырезанной из простого куска шкуры или ровдуги.

Нганасаны и энцы. Пояса энцев в МАЭ отсутствуют, не найдено о них и упоминаний в литературе. Лесные энцы одевались по-ненецки

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

[Прыткова, 1970, с. 48], поэтому, скорее всего, для них были характерны пояса ненецкого типа. Относительно тундровых энцев можно исходить из положения о том, что их одежда по форме и покрою даже в деталях совершенно совпадала с одеждой нганасан [Долгих, 1952, с. 8; Прыткова, 1970, с. 48; Народы Сибири, 1956, с. 662]. И в музейной документации принадлежность многих предметов, относящихся к концу XIX в., в том числе и поясов, нередко охарактеризована как «самоеды (нганасаны или энцы)». Так, например, их определяет К.М. Рычков в описании собранной им в 1908 г. коллекции (МАЭ, № 1347). Это позволяет объединить описание поясов тундровых энцев и нганасан, но при этом следует помнить, что основывается оно на рассмотрении, прежде всего, нганасанского материала, представленного в коллекциях МАЭ девятью поясами, из которых пять являются нижними мужскими и четыре – наружными ритуальными.

Традиция ношения пояса у нганасан имела две специфические особенности, выделяющие их среди других народов Севера. Во-первых, пояса отсутствовали в повседневной верхней одежде, но входили в состав обрядовой (погребальной), и, во-вторых, внутренние пояса были обязательной составной частью нижней одежды мужчин, в то время как женщины их не носили, но при этом в женской нижней одежде сохранялся своеобразный рудимент пояса.

Нижний (внутренний) пояс, надевавшийся мужчинами поверх меховых натазников, назывался нганасанами *tula* [Попов, 1948, с. 110]. Но в музейной документации к коллекции № 1347, не разделяющей нганасан и энцев, ее собирателем К.М. Рычковым записан иной термин *сакыче* (№ 1347–63, 64, 73). Не исключено, что он принадлежал энцам. Такой пояс имел вид узкой ленты, 1–2 см шириной, вырезанной из кожи или замши. Основную часть пояса составляла полоса длиной около 65–75 см, к обоим концам которой прикреплялось по одному металлическому, обычно медному, кольцу. На одном из этих колец, правом или левом, петлей закреплялся ремешок, два длинных конца которого привязывали к кольцу на противоположном конце пояса, стягивая, таким образом, пояс до нужного размера.

Встречался и несколько иной способ застежки, когда дополнительные ремешки крепились к обоим кольцам пояса (МАЭ, №1347–64). В XX в. эти традиционные способы крепления стали вытесняться пуговицей с петлей или металлической пряжкой.

Полотно нижних поясов не украшалось, кольца также представляли собой, как правило, простые металлические кругляшки. Но на некоторых экземплярах встречаются кольца и более сложной конструкции, например, в виде плоской круглой пластинки с девятью ажурными отверстиями, на которых крепились подвески (МАЭ, № 1347–64). Можно предполагать, что подобные кольца повторяют какую-то исходную древнюю форму, тем более что аналогичные металлические пластины встречаются на поясах, входивших в комплект обрядовой, так называемой танцевальной или погребальной одежды нганасан (МАЭ, № 1346–60).

К кольцам своих нижних поясов мужчины привязывали ремешками голенища высокой (на всю длину ноги) обуви и прикрепляли подвески.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

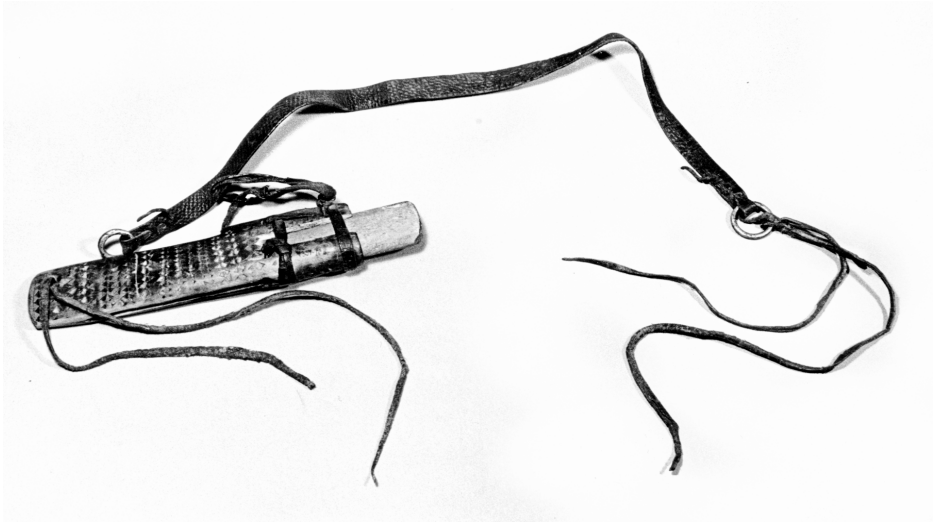

Рис. 25. Нганасаны. Мужской пояс с ножом в ножнах и ремешками для подвязывания ножен к бедру. МАЭ, № 4334–10.

Полный набор подвешиваемых к поясу предметов состоял из ножен с ножом и курительных принадлежностей: трубки в чехле, трутницы, огнива, кисета и железного крючка – «ковырялки» для очистки трубки от нагара. Иногда на поясе носили и амулет, зашитый в миниатюрный чехольчик, который должен был охранять от болезней (МАЭ, № 1347–64).

Местоположение курительных принадлежностей на поясе сильно варьировало – их крепили как на левом, так и на правом кольце, располагая в разной последовательности. Ножны носили, как правило, с левой стороны [Попов, 1948, с. 110], подвешивая за их верхний край на одном коротком, в несколько сантиметров, ремешке, т.е. располагали их в вертикальном положении очень близко к полотну пояса. Рядом с ножнами обычно висел кожаный футляр с длинной курительной трубкой. В нижней части ножны и футляр для трубки соединялись узким ремешком, предназначенным также специально для привязывания их к ноге, чтобы не мешали при движении.

Женщины подобных поясов не носили, так как их нижняя одежда – ровдужный или меховой комбинезон – и способ прикрепления к ней обуви были иного типа, чем у мужчин. Женская обувь имела более короткие голенища (немного выше колен), верхние концы которых покрывались концами штанин комбинезона и туго затягивались под коленом. Однако на женском комбинезоне присутствовала одна деталь, называвшаяся у нганасан *nieja~nieje*, у энцев *niojo~nieijo* [Прыткова, 1970, с. 72], которую можно рассматривать в качестве рудимента нижнего пояса. Спереди по линии расположения пупка к комбинезону пришивалась ровдужная полоска, снабженная посередине прямоугольным кусочком тонкой ровдуги, нарезанной по нижнему краю в виде бахромы. На некоторых комбинезонах эта полоска имела длинные концы, которые завязывались сзади на спине, и в этом

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

случае она опоясывала стан женщины поверх комбинезона примерно по линии бедер (см. фото комбинезонов, хранящихся в МАЭ, № 5657–23, 26, 27, 28, опубликованных в [Прыткова, 1970, с. 69, 70, 71, 72, рис. 45, 46, 47, 48]). Очевидно, эту деталь женской одежды нганасан можно считать очень архаическим типом пояса, основное назначение которого было связано с магической защитой точки пупа, осмысляемой во всех традиционных культурах как средоточие жизни и телесный центр человека.

Рис. 26. Нганасанский мальчик с поясом и ножнами, привязанными к ноге. МАЭ, № И–2003–47.

С верхней повседневной одеждой нганасаны поясов не носили, но есть основания полагать, что в отдаленном прошлом подпоясывание верхней одежды входило в их обычай и у мужчин, и у женщин. Косвенные свидетельства этому имеются в ритуальном костюме, который обычно сохраняет наиболее древние элементы. Специальная обрядовая одежда нганасан *тангака лу*, букв. «суконная одежда» (в связи с тем, что ее шили из цветных сукон [Прыткова, 1970, с. 57, 59]), изготавливалась для каждого юноши и девушки с достижением ими совершеннолетия [Попов, 1948, с. 116]. В литературе за такой одеждой закрепилось название праздничной, танцевальной и погребальной, поскольку она предназначалась исключительно для весеннего обряда Аны'о-дялы, праздника Чистого чума, а также использования в качестве свадебной и погребальной. С прекращением празднования обрядов Аны'о-дялы и Чистого чума тангака лу стала применяться нганасанами только как погребальная [Грачева, 1983, с. 81–83]. Для этой одежды и у мужчин, и у женщин имелся пояс, который, по свидетельству Г.Н. Грачевой, расшивался бисером или украшался металлическими накладками. «Концы пояса завязывались спереди ровдужным ремешком. Никакая другая одежда подобного пояса не имела» [Там же, с. 80].

Такая особенность, не встречающая аналогий у других народов Сибири, заключает в себе много загадочного и до сих пор не находит у исследователей какого-либо приемлемого объяснения. Несомненно только, что ре-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

шение этого вопроса сопряжено с двумя большими историко-этнографическими проблемами: во-первых, формирования самих нганасан, во-вторых, трансформации традиционной самодийской одежды, южной по происхождению, в условиях Крайнего Севера. На рубеже XIX–XX вв. плечевая одежда нганасан и тундровых энцев четко разделялась по половому признаку: у мужчин она была глухой, а у женщин – распашной. При этом по покрою и оформлению мужская и женская одежда совершенно совпадали друг с другом. И, кроме того, в глухой мужской одежде исследователи отмечают «явные черты распашной одежды (шов спереди)» [Прыткова, 1970, с. 54, 57], следовательно, в какие-то отдаленные времена у мужчин она тоже была распашной.

Эти различия сохранялись и в погребальной одежде, крой которой совпадал с повседневными образцами, т.е. женщин хоронили в распашной одежде, а мужчин – в глухой, что идет вразрез с общим положением, характерным для народов Севера, когда в качестве погребальной использовали свою старинную одежду. Так, северные ханты, у которых мужчины перешли к ношению одежды глухого типа, хоронили мужчин в «женских» (распашных) шубах [Прыткова, 1953, с. 143].

Но у нганасан происходит иначе. У них погребальной мужской одеждой становится «новая», трансформированная, глухая. И, кроме того, всю погребальную одежду, независимо то того, мужская она или женская, нганасаны шьют из нового для них материала – цветного сукна, которое, очевидно, вытесняет здесь использовавшиеся до этого шкуры [Прыткова, 1970, с. 59]. Подобные отступления от общего для северно-сибирских народов правила остаются пока неясными для нас, но, очевидно, что ситуация с поясами должна быть с ними как-то сопряжена. И здесь возможны два варианта. Либо пояса сохраняются в ритуальной одежде как элемент прежней, некогда существовавшей традиции, утерянной со временем в повседневном костюме, либо, наоборот, они добавляются в погребальный комплект в качестве нового явления, воспринятого на более позднем этапе этнокультурного развития. В пользу первого предположения говорит название *нида*, зафиксированное для ритуального пояса нганасан (МАЭ, опись № 6781–9, собиратель и регистратор Г.Н. Грачева), в чем угадывается самодийская основа, сопоставимая с ненецким названием пояса *ни*.

Посмотрим в связи с этим, что дают нам другие виды обрядовой одежды, прежде всего шаманские костюмы, а также одеяния на культовых фигурках – вместилищах духов. Очень показательно, что здесь интересующие нас данные начинают различаться по этнической принадлежности. Так, шаманские распашные кафтаны энцев и нганасан, в целом очень схожие друг с другом, обнаруживают несовпадения именно по части поясов. Если в нганасанском костюме пояс не фиксируется, то у энцев он присутствует и при этом имеет интересные аналогии с поясами на погребальной одежде. В частности, пояс в шаманском костюме энцев тоже прикрепляли в нескольких местах к кафтану и также украшали его медными пуговицами и бляхами, пришивая еще к нижнему краю ровдужную бахрому и ремешки с нанизанными на них кусочками меха [Прокофьева, 1951, с. 127–130; 1971, с. 15]. Важным совпадением нужно считать и

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

то, что шаманские энецкие пояса имели такое же наименование *нида*, что и погребальные у нганасан и энцев.

Еще одним ценным историческим источником, который в данном случае нельзя обойти вниманием, является одежда на фигурках, выступающих как вместилища различных духов. Как показывают исследования, одеяние таких культовых предметов обычно имитирует реальную одежду, характерную для данного этноса [Прыткова, 1971]. У нганасан этот специфический, но вполне заслуживающий доверия материал также содержит информацию об использовании поясов. Скульптурные изображения нганасанских семейных духов *койка*, хранящиеся в МАЭ, нередко одеты в меховую шубку или просто обернуты куском ткани, имитирующей одежду, поверх которой повязаны пояса в виде цепочек из колец, колокольчиков и низок бисера [Иванов, 1970, с. 100, рис. 88; МАЭ, № 5657–479].

Таким образом, отсутствуя в повседневной одежде энцев и нганасан, пояс занимал, тем не менее, важное место в ритуальной сфере их жизни. Был ли он утерян обычным костюмом на каком-то историческом этапе или никогда и не присутствовал в нем, теперь сказать очень трудно. Но, по-видимому, главный путь в решении этого вопроса должен состоять в разделении исторических материалов по одежде энцев и нганасан, так как очевидно, что именно в смешении традиций этих двух народов заключена суть проблемы, не поддающейся пока научному осмыслению. По данным Б.О. Долгих, «сами нганасаны считают, что их современная одежда заимствована ими у энцев» [Долгих, 1952, с. 76], которые, как показали исследования Н.Ф. Прытковой, принесли на Крайний Север старосамодийскую распашную, южную по происхождению одежду. Но и нганасаны с их древним субстратом палеоазиатского (вероятно, родственного юкагирам) населения, испытавшего затем на себе значительное влияние самодийцев и тунгусов, тоже должны были внести что-то свое в эту ставшую со временем общей энецко-нганасанскую одежду. Выявление в этой одежде разновременных и разноэтничных пластов представляет собой сложнейшую работу, значительная часть которой уже выполнена Н.Ф. Прытковой, но ее необходимо продолжить.

В цели нашего изучения подобная задача не входит. Однако по материалам поясов, с учетом всего вышесказанного, можно предположить, что палеоазиатско-юкагирская традиция закрепилась в основном в повседневных беспоясных формах нганасанско-энецкой одежды, в то время как самодийская, в которой пояс, как известно, выступал важным этническим элементом, доминировала в ритуальных, в том числе и погребальных, костюмах. При этом важно подчеркнуть, что неизменной оставалась сама привычка подпоясывания обрядовой одежды, но типы поясов, очевидно, неоднократно менялись под воздействием разных этнических влияний.

Основанием для такого суждения является мозаичность признаков, которыми характеризуются нганасанско-энецкие ритуальные пояса, хранящиеся в МАЭ. Благодаря этому собранию мы имеем возможность рассмотреть подробнее женские погребальные пояса. Их насчитывается 4 эк-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

земпляра, к которым добавляются еще фотографии, где Г.Н. Грачевой удалось зафиксировать полностью несколько комплектов женской погребальной одежды (МАЭ, № И–1972–202, И–1974–30, 31 и др.). Отличались ли от них чем-нибудь мужские погребальные пояса, неизвестно, но среди женских выделяется три типа: ровдужные, бисерные и наборные.

Самыми распространенными, судя по музейным материалам, были бисерные пояса, так как их насчитывается более всего и в предметных, и в иллюстративных коллекциях, датируемых как концом XIX в., так и второй половиной XX в. Изготавливали их из материи или кожи шириной 5–6 см и длиной по обхвату талии. При закреплении пояса на пуговицы или ремешки края его сходились встык. Цветной бисер либо сплошь закрывал основу пояса, располагаясь на ней плотными рядами (МАЭ, № 1347–60), либо нашивался орнаментом в виде полос, концентрических кругов, звездочек и перекрещивающихся линий (МАЭ, № 6781–9).

Рис. 27. Нганасаны. Пояс к погребальной одежде. МАЭ, № 6781–9.

Гамма цветов очень богата (синий, черный, белый, желтый, красный, зеленый) и, как отмечала Н.Ф. Прыткова [1970, с. 80], совпадает в целом с долганской традицией. К нижнему краю поясов подвешивали на коротких, примерно в 1 см, ремешках, пришитых с изнанки, медные литые ажурные пластинки круглой, овальной или неправильной формы. На одной из таких подвесок, имеющей листовидную форму, в центре находится антропоморфное изображение (МАЭ, № 1347–60). Подобные бисерные пояса интересны еще и тем, что по отношению к ним Г.Н. Грачевой зафиксировано употребление слова *нида* (МАЭ, опись № 6781–9). Это же название использовалось для пояса в шаманском костюме энцев [Прокофьева, 1951, с. 127]. Т.е. при несомненном сходстве с долганскими повседневными поясами сохранялся собственный термин для названия этого пояса.

Вторым типом поясов, о котором упоминала и Г.Н. Грачева, были наборные пояса, встречавшиеся, в частности, у авамских нганасан. Они имели кожаную основу шириной 4,5 см, полностью закрытую с лицевой стороны орнаментированными медными пластинами, среди которых шло чередование двух блях прямоугольной формы и одной округлой, всего 15 штук (МАЭ, № 6628–7). Пряжка на коллекционном экземпляре, привезенном в МАЭ с места нганасанского женского захоронения, отсутствует, края пояса оборваны, что, возможно, объясняется обычаем нарушать целостность погребального инвентаря. Но даже без пряжки идентификация данного

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

Рис. 28. Нганасаны. Погребальная женская одежда с бисерным поясом. Вид со спины. МАЭ, № И–1972–202.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

пояса не вызывает сомнений, так как форма накладок выдает в нем наборный пояс якутского образца.

Наконец, третий тип ритуальных поясов, о котором позволяет судить собрание МАЭ, имеет наиболее специфический и самобытный характер. К.М. Рычков, доставивший в музей один экземпляр подобного пояса, зафиксировал его название как *кауоты* и определил его как «женский пояс, одеваемый на пляски» (МАЭ, № 1347–112). Он изготовлен из окрашенной в коричневый цвет оленьей ровдуги в виде двойной полосы длиной 96 см, с широкой центральной частью (7,5 см), зауженной по краям до 3 см. С наружной стороны пояса в его продольном направлении вшиты две полосы ровдуги черного цвета, а в швы проложен подшейный волос оленя. Посередине пояса нашит круг из меха серо-коричневого цвета. Слева и справа к нижнему краю пояса пришиты по три пары кистей длиной около 30 см, собранных из кусочков меха горностая, песца и лисицы. На обоих концах имеется по ровдужной петле, которые, очевидно, предназначены для закрепления пояса, возможно, путем продергивания через эти петли дополнительного ремешка.

Общий вид пояса, его необычная форма, использование издревле традиционных для Крайнего Севера материалов (мех, ровдуга, подшейный олений волос), не отмеченный в других местах способ крепления, а также не идентифицирующееся пока ни с чем наименование позволяют предполагать в нем какой-то очень древний и оригинальный тип, не встречающий аналогий в близких или соседних культурах. По наличию в центре пояса мехового круга, ниспадающим длинным меховым кистям, а также по тому, что основа пояса составлена из нескольких полос ровдуги разного цвета, можно сопоставить данный экземпляр с шаманским поясом энцев [Прокофьева, 1951, с. 127–128]. Однако другие его особенности, прежде всего особая форма, широкая в центре и зауженная к краям, мало соотносятся с шаманской традицией.

В то же время подобная форма очень напоминает своим видом пращу, широко распространенную в прошлом на Северо-Востоке Сибири и представлявшую собой длинный узкий ремень из кожи с петлей на одном конце. В середине праща имела расширенную часть с продольным разрезом, куда вкладывался камень, который благодаря этому разрезу не мог выпасть [Антропова, 1957, с. 197]. Сходство с пращой придает поясу не только его общая форма (широкая средняя часть и зауженные концы), но и такие особенности, как петли на обоих концах, две полосы ровдуги, вшитые в основу пояса в продольном направлении, подобные разрезу пращи, меховой круг в центре пояса, напоминающий камень. В свете того, что В.Г. Богоразом уже было высказано предположение о том, что кожаные пояса чукчей с маленькой галькой вместо пуговицы могли являться подражанием праще, аналогии с ритуальным поясом нганасан, возможно, не так уж беспочвенны. И хотя использование пращи по имеющимся источникам отмечено в Сибири в исторический период времени, кажется, только на Северо-Востоке, все же нельзя исключать, что такой архаичный тип оружия был распространен в прошлом гораздо шире и, скорее всего, мог быть известен древнеюкагирскому населению, вошедшему в качестве субстрата в состав нганасан.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

Как бы то ни было, не вызывает сомнений, что последний из рассмотренных погребальных поясов выглядит наиболее самобытным, в то время как в бисерных поясах прослеживается явная долганская традиция, и они даже чисто внешне повторяют обычные повседневные пояса долган, а наборные пояса имеют очевидное якутское происхождение.

Такая «разноголосица» вполне соответствует сложному многокомпонентному составу нганасан и является ярким примером невероятно запутанных этногенетических и этнокультурных процессов, на основе которых происходило формирование нганасанского этноса.

Селькупы. Селькупские пояса не представлены в фондах МАЭ, а литературные и архивные сведения, которыми мы располагаем, очень фрагментарны, так же как и в целом традиционная одежда селькупов изучена довольно слабо. Крайнюю недостаточность данных о селькупской одежде Н.Ф. Прыткова объясняла тем, «что ее невзрачный вид и полное отсутствие каких-либо ярких вышивок или украшений не останавливали на себе внимания прежних исследователей» [Прыткова, 1970, с. 82]. Как писал В.Г. Богораз, характеризуя селькупскую парку на основании материалов Г.Н. Прокофьева, она сшита «неискусно и мешковато», отличается слабой приспособленностью к холоду, «плохой выделкой шкур, малоцелесообразным покроем, также отсутствием нарядности» [Богораз, 1928, с. 94].

Эти особенности, по-видимому, были обусловлены тем, что селькупы раньше других западно-сибирских народов во многом утратили самобытность своего старинного костюма, а сохранившийся у них тип исконной, южной по происхождению одежды в виде распашной парки, аналогичной парке кетов (по способу ее изготовления из одной шкуры), не претерпел у предков селькупов коренных изменений при их переселении на Север и мало соответствовал его холодному климату. Очевидно, поэтому селькупы охотно перенимали более удобную одежду своих соседей, что неоднократно отмечалось исследователями [Архив МАЭ, Ф. 6, оп. 1, № 84, л.1]. Одновременно они быстрее, чем их северные соседи, перешли к ношению одежды русского образца, которую научились сами шить из покупных тканей. Этим и объясняется то, что особенности традиционного костюма селькупов остались нам во многом не известными.

Все сказанное относится и к поясам, сведения о которых крайне противоречивы, начиная уже с самого общего сообщения о том, что свою старинную верхнюю одежду – короткую, до колен, распашную парку из оленьей шкуры, одинакового покроя для мужчин и для женщин – селькупы носили и «с поясом и без него» [Архив МАЭ, Ф. 6, оп. 1, № 84, л.3]. Очевидно, в традиции использования поясов существовали какие-то локальные различия, которые в ряде мест сохраняются и поныне. Так, по этому признаку различаются отдельные группы тазовских селькупов: среднетазовские носят малицу подпоясанной, а верхнетазовские – обычно без пояса [Хомич, Ириков, Аюпова, 2002, с. 101].

Наиболее определенные сведения относятся к широким твердым поясам, которые использовались мужчинами. Они представляли собой полосу кожи, покрытую сукном красного или оранжевого цвета и зашитую ря-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

дами медных пуговиц либо украшенную металлическими накладками [Прыткова, 1970, с. 88; Народы Сибири, 1956, с. 676]. Несмотря на краткость описания, можно достаточно уверенно относить эти пояса к тому же типу, что и наборные пояса ненцев, хантов и манси. Однако если о последних народах известно, что они носили такие пояса лишь с глухой одеждой, то по селькупам этот момент остается невыясненным.

Встречались у мужчин и опояски, т.е. длинные узкие пояса, плетеные из цветных ниток. Их носили и женщины. И хотя подробных описаний селькупских опоясок нами не обнаружено, можно полагать, по аналогии с угорской традицией, что у мужчин и женщин они были одинаковыми. Концы опоясок, как сообщает источник конца XIX в., «красы ради распускаются» [Архив МАЭ, Ф. 6, оп. 1, № 93, л. 15], т.е. на концах их делали кисти из свободных нитей основы, подобно тому, как это встречалось у ненцев и хантов. Сходным с хантыйской традицией было и ношение на опояске при необходимости различных предметов, в отличие от ненецких женщин, использовавших плетеные пояса только для поддержания одежды. Мужчины к поясу подвешивали нож в ножнах (всегда справа) и сумочку с трутом и огнивом. Курительную трубку затыкали за опояску спереди либо клали за пазуху. Женщины подвешивали к поясу нож и наперсток [Архив МАЭ, Ф. 6, оп. 1, № 93, л. 13, 15].

Другой важный признак – способ повязывания – сближает селькупов с кетами, так как, по свидетельству того же источника конца XIX в., селькупы носили опояску «очень низко, грудь всегда открыта» [Там же], а это находит несомненную аналогию с кетским обычаем подпоясывания одежды по бедрам, при котором полы на груди слегка расходились. Весьма сходными у селькупов и кетов были также названия для обозначения поясов. Кетское *кут* имеет явную аналогию с селькупским *ku*, которое нам известно благодаря данным, собранным еще М. Кастреном [Castren, 1855, p. 230].

Последним типом селькупских поясов, зафиксированных в XX в., являются пояса с бисерной отделкой. Есть свидетельства, что они считались женскими и их делали обычно из красного сукна, которое орнаментировали бисером [Прыткова, 1970, с. 88].

Таким образом, по этнографическим источникам складывается картина, что длинные плетеные пояса (опояски) не имели в селькупской среде половой дифференциации, подобно тому, как это фиксируется у хантов и манси. В то же время два других типа разделялись на мужской (наборные пояса с металлическими накладками) и женский (пояса, расшитые бисером).

Несмотря на крайнюю ограниченность сведений и некоторую степень «додумывания» имеющихся в нашем распоряжении материалов, все же нет оснований считать, что в XIX–XX вв. традиция ношения поясов селькупами выглядела как-то принципиально иначе. Однако данные археологических раскопок позволяют заглянуть глубже этого периода и удостовериться в значительной эволюции, произошедшей с селькупскими поясами за последние 300–400 лет.

Эти материалы происходят из погребальных комплексов, расположенных на севере Томской области в Нарымском Приобье, входящем в зону формирования селькупского этноса. Датируются они в основном XVI–

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

XVII вв., т.е. характеризуют тот срез культуры, который предшествовал глобальным изменениям в жизни коренного населения, произошедшим в результате включения Сибири в Российское государство. Позднесредневековые памятники указанного района уже не одно десятилетие успешно исследуются археологами, в связи с чем существует значительное количество публикаций, где в той или иной степени присутствуют данные о поясах. Однако благодаря появлению специальной работы, посвященной характеристике селькупских поясов, обнаруженных в могильниках Нарымского Приобья, кажется, будет правильным для данной статьи ориентироваться прежде всего на опубликованные именно в ней материалы [Боброва, Яковлев, 1994]. В указанной работе все основные находки поясов разделены авторами на три большие группы, внутри каждой из которых проведено еще более дробное деление, соответствующее целому ряду типов и вариантов. При этом предлагаемая группировка материала носит археологический характер, мало применимый для этнографического рассмотрения. Нам же, учитывая задачи настоящей статьи, из названной работы важно отметить следующее.

Значительную часть поясов (43 экз.), происходящих из Нарымского Приобья, составляют внешне очень простые и, очевидно, широко использовавшиеся в повседневном быту пояса без каких-либо накладок (нашивок) или подвесок. Они имели кожаную или матерчатую основу шириной около 5 см и длиной, примерно соответствующей объему талии. Застежкой на них служила железная пряжка, снабженная подвижным язычком. Вторую, меньшую по количеству, но тоже очень внушительную группу образуют пояса, к кожаной или матерчатой основе которых были прикреплены снаружи железные кольца разного диаметра или металлические пластины различной формы (прямоугольные, фигурные, а также бляшки-лунницы). Они представляют собой разнообразные варианты поясов наборного типа.

Наконец, третья группа, которую необходимо выделить особо, – это пояса, имеющие в своей отделке бисер. И надо сказать, что данная группа как по числу экземпляров, так и по количеству использованного в них бисера выглядит достаточно скромно в сравнении с двумя названными выше. Среди поясов этого типа еще не встречаются экземпляры, имеющие хоть сколько-нибудь значительный бисерный орнамент, что может свидетельствовать лишь о начальных этапах внесения нового бисерного материала в поясную отделку.

К сожалению, из данных используемой статьи не всегда ясно, мужчине или женщине принадлежал тот или иной пояс, но в тех случаях, когда такие указания имеются, можно считать, что четкой привязки поясов какого-либо типа к определенному полу не зафиксировано. Пояса с металлическими накладками встречаются в женских погребениях, и наоборот, в мужских бывают пояса с бисерной отделкой. Это говорит в пользу того, что деление поясов на мужские (наборные) и женские (бисерные) появилось в селькупской среде позднее.

Еще более убедительно свидетельствуют об этом данные, полученные Л.А. Чиндиной при раскопках могильника Мигалка, датируемого XVII – началом XVIII вв. В семи захоронениях данного могильника среди сохра-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

нившихся остатков одежды были обнаружены нарядные женские пояса, пять из которых реконструированы Л.А. Чиндиной почти полностью. Благодаря этому мы имеем подробное их описание, а также и изображение [Чиндина, 1995, с. 182, рис. 1; с. 183].

«Пояс состоял из полосы кожи шириной 4–6 см, завязывавшейся прикрепленными на концах кожаными шнурками. На поверхность пояса нашивались 3–4-частные выпуклые накладки или лунницы, плотно друг к другу или с разрядкой. Нижняя кромка пояса обрамлялась бахромой из бисера, нашитого на ткань (хлопчатобумажную или шелк), и ряда фигурных металлических или стеклянных висюлек. Между ними крепились крупные колесовидные подвески либо непосредственно к ремню пояса, либо через посредник-шнур из кожи, продетый в бронзовые длинные цилиндрические пронизки. В случаях, где пояс сохранился полностью in situ, подвесок было семь или девять. Они представляли круг с вписанными в него крестообразными перегородками. В пересечении перегородок был еще один маленький круг, куда иногда вставлялась бусина. Варианты круглых солярных подвесок известны из разрушенных погребений. Они имели на наружной части кольца какие-то дополнительные декоративные изображения (как правило четыре), либо внутри кольца, на одной его половине, изображалась пара всадников навстречу друг другу».

Важно отметить, что обнаруженные Л.А. Чиндиной женские нарядные пояса не являются единичными находками. Подобные мигалкинским пояса обнаружены также и в ряде других могильников Нарымского Приобья [Там же, 1995, с. 179, 183], что позволяет считать их достаточно распространенными среди селькупских женщин того времени.

Что касается конструктивных особенностей этих поясов, то, с одной стороны, они, несомненно, должны рассматриваться как пояса наборного типа (с металлическими накладками), а с другой – нельзя не заметить в них большого количества бисера и различных металлических и стеклянных подвесок, наличие которых заметно отличает их от обычных наборных поясов. Любопытно также, что мигалкинские пояса крепились посредством завязывания шнурков, а не при помощи металлических пряжек. Обращает на себя внимание и обрамление их нижнего края бисерной бахромой, что находит аналогии с кетскими мужскими поясами, нижний край которых украшали провисающие нити, имевшие вид полукруга, с нанизанным на них бисером.

Для решения вопроса о происхождении этих селькупских поясов, представляющих собой довольно сложное сочетание разнородных элементов конструкции и декоративного убранства, важное значение имеют детали поясов, найденные в могильниках праселькупской релкинской культуры Среднего Приобья VI–IX вв. Релкинские пояса «сильно различались формой и размерами. Они делились на женские и мужские, наборные и без набора», в том числе в них присутствовали и маленькие пряжки от женских поясов [Чиндина, 1991, с. 108–109], но наличие бисера в их убранстве в научной литературе не отмечено. К XVII в. форма поясов в целом сохранилась, однако вместо пряжек в них стали использоваться ременные вязки, и в отделку было введено значительное количество бисера, что может свидетельствовать о формировании собственно селькупских особенностей.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

Данные археологических раскопок кардинально меняют наши представления о традиционной одежде селькупов в целом и об их поясах в частности. Оказывается, еще в недавнем прошлом селькупский костюм отличался нарядной изысканностью. Мигалкинские пояса находились в захоронениях вместе с женскими головными уборами и, по определению Л.А. Чиндиной, представляли с ними «по декоративной гарнитуре, стилю оформления <...> типологически единый, строго продуманный комплект. В художественном отношении это были нарядные, изящные украшения. Мастерицы обладали тонким чувством меры, симметрии, ритма, игры цвета в подборе и чередовании цветного бисера и бус, мелких подвесок, в сочетании элементов избегали пестроты» [Там же, с. 184].

Итак, в отношении селькупов мы можем говорить о бытовании у них поясов трех типов: наборных, бисерных и плетеных. Такое разнообразие удивительно для малочисленного селькупского этноса, и объяснения этому нужно искать в специфике формирования селькупов, которые складывались как этнос в таежной полосе бассейна Оби под значительным влиянием соседнего угорского и кетского населения. В результате этих процессов селькупы характеризуются по своему хозяйству и культуре как этнос, «более приближающийся к своим соседям хантам и кетам, чем к родственным по языку северным самодийским народам – ненцам, энцам и нганасанам» [Народы Сибири, 1956, с. 665], что нашло своеобразное отражение и в особенностях их поясов.

***

При рассмотрении материалов по Западно-Сибирскому региону почти незатронутым остался вопрос о распространении у проживающих здесь народов так называемых нижних (или нательных, внутренних) поясов.

Подробно они были описаны в мужской одежде нганасан и энцев, но известно, что аналогичные пояса использовались еще и кетами, а также женщинами у ненцев и восточных хантов [Алексеенко, 1967, с. 145; Лукина, 1985, с. 211; Прыткова, 1970, с. 39]. Такой пояс у них имел вид простого узкого ремешка, к которому ненецкие и восточно-хантыйские женщины подвязывали голенища высокой обуви, а кеты – длинные ноговицы, образовывавшие у них вместе с короткими натазниками составные штаны наподобие тех, что были у эвенков. Но в обоих случаях способ крепления к поясу был одинаковым: при помощи одного–двух тонких ремешков, пришитых к верхнему краю голенищ обуви или ноговиц. Наиболее архаично выглядели ненецкие пояса, которые вырезались в виде простой полосы из оленьей шкуры с состриженным мехом.

Никаких подвесок (ножей в ножнах, курительных трубок или сумочек), столь характерных для нижних поясов нганасан и энцев, у кетов, ненцев и хантов не отмечено. Таким образом, при самом общем их сходстве, все же нганасано-энецкие пояса отличались более развитыми формами, близкими к эвенкийским.

Обские угры (кроме женщин у восточных хантов), а также мужчины у ненцев нижних поясов не носили. Голенища обуви они прикрепляли к двум ремешкам или колечкам, пришитым к штанам спереди, чуть ниже их верхнего края.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

Такое странное, на первый взгляд, распределение признака наличия или отсутствия нижних поясов у западно-сибирских народов обнаруживает вместе с тем и некоторые закономерности. Во-первых, использование этого элемента одежды охватывало лишь восточную и северную части рассматриваемого региона, т.е. районы, примыкающие к Енисею, где проживали кеты, селькупы и эвенки, а также территорию расселения ненцев, энцев и нганасан. В то же время на юго-западе – среди угров в бассейне Оби – нижние пояса не фиксируются. То, что они использовались женщинами у восточных хантов, из всех угорских групп наиболее продвинувшихся на восток, к Енисею, может объясняться их территориальной близостью к кетам и левобережным эвенкам, от которых скорее всего и произошло заимствование.

Во-вторых, наличие нижнего пояса почти повсеместно совпадало с употреблением одежды распашного кроя, которую носили кеты независимо от пола и женщины у ненцев и хантов, в то время как ненецкие и хантыйские мужчины перешли к ношению одежды глухого типа. Лишь у энецко-нганасанских мужчин нижний пояс совмещался с глухой одеждой, которая, однако, сохраняла некоторые признаки распашной, свидетельствующие о ее бытовании в предшествующий период.

Таким образом, в распространении нижних поясов в Западной Сибири выявляется совмещение по крайней мере двух факторов. Это локализация их в северной части региона и на востоке, в бассейне Енисея, а также сочетание с одеждой распашного кроя. Исходя из этого можно предполагать, что селькупы, хотя данные по ним остались незафиксированными, имели ту же традицию, что и кеты, поскольку они проживали в том же восточном ареале и их распашная одежда была близка к кетской. Поэтому, несмотря на отсутствие прямых сведений, косвенное заключение об употреблении в прошлом нижних поясов в том числе и селькупами выглядит вполне правомерным.

Сопоставление всех отмеченных данных с общими сведениями по этногенезу западно-сибирских народов позволяет высказать предположение о том, что распространение нижних поясов в этом регионе было связано с группой этносов, продвигавшихся на ранних этапах их этнической истории с юга на север по бассейну Енисея. Вряд ли можно выделить среди них какую-то одну этническую общность. Скорее всего, традиция ношения нижних поясов была издревле присуща и енисейцам (предкам кетов), и самодийцам, и тунгусам, в чем можно видеть элемент древней таежной культуры. Однако у самодийских народов со временем произошли изменения в распределении этого признака по половой принадлежности. У ненцев мужчины, перейдя к одежде глухого типа, утратили нижние пояса, функция которых по поддержанию длинных голенищ обуви была перенесена на специальные кольца в верхней части штанов. В то же время ненецкие женщины сохранили их вместе со своей традиционной распашной одеждой. У нганасан и энцев произошло иначе: в женской распашной одежде пояса исчезли, а в мужской, которая стала глухой по покрою, наоборот, закрепились и даже приобрели более развитые формы, сходные с эвенкийскими. Поэтому можно считать, что контакты с эвенками, а точнее, вхождение тунгусского

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

компонента в состав нганасан, в значительной степени повлияли на своеобразие ситуации с их нижними поясами, отличавшейся от общей западно-сибирской традиции. Следует учитывать и то, что нганасаны, будучи самодийцами по происхождению и языковой принадлежности, рассматриваются обычно вместе с другими народами Западной Сибири, однако проживают они все-таки значительно восточнее, поэтому по локализации своего расселения и по историко-культурным контактам они в известной степени примыкают к тунгусской этнической общности.

Названия нижних поясов дают дополнительные сведения к характеристике картины их распространения. В частности, у нганасан они называются *тула* [Попов, 1948, с. 110], что, очевидно, имеет прямое отношение к эвенкийскому *тэлэ*. То же самое можно сказать и о восточно-хантыйском названии *талыми* [Лукина, 1985, с. 211]. При этом кеты использовали свой термин *алант* [Алексеенко, 1967, 145], так же как и энцы – *сакыче* (МАЭ, опись колл. № 1347), хотя достоверность последнего остается под вопросом. Обозначение нижних поясов ненцами и, возможно, селькупами установить не удалось.

Еще одно замечание необходимо сделать в связи с обскими уграми, в традиционной одежде которых в исторический период нижние пояса не прослеживаются, если не считать употребления их восточно-хантыйскими женщинами, что имеет, по всей видимости, заимствованный характер. Однако есть основания считать, что в более отдаленные времена, предшествовавшие приходу угорских народов в бассейн Оби, нижние пояса могли присутствовать и в их этнической среде. Косвенное свидетельство об этом имеется в хантыйской мифологии. Так, в одной из редакций мифа о том, как Нуми-Торум остановил поднятую со дна моря движущуюся первоземлю, называются два его пояса. В тексте сказано, что когда он первый свой пояс бросил на землю, то из него возникла лишь возвышенность на правом берегу Оби, и только из второго – «рубашечного пояса» – вырос Урал, закрепивший землю [Карьялайнен, т. II, 1995]. Очевидно, под названием *рубашечный* мы должны понимать именно нижний пояс, так как у всех народов этот элемент одежды надевался изначально поверх штанов на голое тело, а впоследствии, с появлением плечевой нижней одежды, – на рубашку. Важно подчеркнуть также то, что по логике мифа этот пояс оказался более значимым в действиях демиурга, в чем надо видеть его исключительность и историко-культурную изначальность в сравнении с верхними поясами.

Нельзя обойти вниманием еще один элемент одежды, а точнее охотничьего снаряжения, распространенный в прошлом в угорско-самодийско-кетской среде под наименованием *пояс*. Однако, несмотря на то, что, например, у кетов к нему прилагалось название обычного пояса – *kut* (МАЭ, опись № 6787–13), это был предмет совершенно иного типа, который правильнее обозначать словом *перевязь*, или чересплечный охотничий ремень. По данным литературы, а также музейных коллекций, пояса-перевязи более широко употреблялись нганасанами и кетами и реже – хантами и ненцами. Каких-либо сообщений о бытовании их у остальных народов Севера Западной Сибири не обнаружено. Северные хан-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

ты называли перевязь *седи-кар* (опись колл. № 2383–49), нганасаны – *naturuska* [Попов, 1948, с. 24]. Последнее, несомненно, происходит от русского слова *натруска*, обозначающего охотничью портупею, патронташ, а также пороховницу, в которую насыпали (трусили) порох. Это же наименование использовалось и кетами.

Нганасаны, ненцы и ханты делали натруску в виде узкого кожаного ремня длиной около 1 м, края которого соединялись встык в форме замкнутого кольца. Кеты нередко дополнительно обшивали кожаный ремень цветной материей. На ровдужных ремешках к перевязи подвешивали различные принадлежности для охотничьего ружья – пороховницу, мерку для пороха, пистонницу, мешочки для дроби и пуль, которые изготавливали из рога и дерева по образцу русских изделий. Натруски использовали при ружейной охоте, надевая поверх одежды через правое плечо.

Являясь русскими по происхождению, натруски были однотипными у разных народов Сибири. Но наибольшее распространение они получили у эвенков, где приобрели даже некоторую степень этничности, перейдя из разряда охотничьего снаряжения в важный атрибут мужского костюма. Поэтому подробнее они будут рассмотрены в следующем разделе статьи. Однако в данном случае важно отметить, что и у кетов встречалось отношение к натрускам, несколько сходное с эвенкийским, когда порой они становились элементом украшения мужского костюма. Тогда их изготавливали из плотной ткани или сукна и сплошь зашивали цветным бисером и медными пуговицами. К такой перевязи подвешивали не охотничьи принадлежности, а кисет, как это часто делали и эвенки. Однако подобные натруски не получили у кетов широкого распространения, их считали предметом роскоши [Алексеенко, 1967, с. 140].

Эвенки, эвены, юкагиры

Объединение тунгусов и юкагиров при рассмотрении поясов обусловлено тем, что в русский период истории юкагиры носили сходную с эвенками и эвенами одежду тунгусского образца. Самобытный тип юкагирской одежды до нас не дошел, и все работы по его реконструкции имеют гипотетический характер, на что указывал еще четверть века тому назад Ю.Б. Симченко. Ввиду неразличимости тунгусской и юкагирской одежды, писал он, допустимы предположения совершенно различного характера, когда «в качестве рабочих гипотез с одинаковой степенью вероятности можно принимать как идею о восприятии юкагирами основных элементов одежды от тунгусов, так и наоборот. Можно допустить и то, что эвенкийско-юкагирская одежда является результатом взаимовлияния культур обоих народов» [Симченко, 1976, с. 171–172]. Не останавливаясь специально на этой сложной проблеме, которая все еще далека от своего разрешения, попытаемся проследить в данной работе общее и особенное в традициях ношения поясов у эвенков, эвенов и юкагиров. Основными материалами здесь послужат коллекции не только Музея антропологии и этнографии им. Петра

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

Великого, но еще и Американского музея естественной истории (АМЕИ), где хранятся четыре пояса юкагиров, отсутствующие в МАЭ.

Начнем с того, что у всех названных народов различались два вида поясов, которые можно условно назвать «нижними» и «верхними» – в зависимости от одежды, с которой их надевали. Нижним поясом и мужчины, и женщины подпоясывались поверх натазников, т.е. носили его *под* верхней плечевой одеждой. Бытование подобного вида поясов определялось особенностями поясной одежды тунгусского типа, которая состояла из коротких штанов-натазников и длинных ноговиц в виде узких штанин, надевавшихся отдельно на каждую ногу и прикреплявшихся вверху к поясу. Кроме того, в зимнее время года носили меховую обувь с высоким (на всю длину ноги) голенищем, верх которого также подвязывали к поясу. Сам пояс представлял собой узкую полосу кожи, снабженную металлическими кольцами; к ним и привязывали ремешками ноговицы и голенища высокой обуви, фиксируя их в нужном положении, чтобы они не съезжали вниз. Детям такие пояса надевали примерно с трехлетнего возраста, по объяснению С.М. Широкогорова, «чтобы приучить их к ношению панталон» [Архив МАЭ РАН, Ф. К–II, оп. 1, № 217, л.100], т.е. натазников с ноговицами.

Эвенки называли нижний пояс *тэлэги*, эвены – *тэлги*, юкагирское название выяснить не удалось. Пояс вырезали из мягкой, хорошо выделанной кожи или ровдуги в виде узкой ленты шириной 1–3 см и прикрепляли к нему с обоих краев по одному или по два металлических кольца. Такова была основа конструкции, но в деталях нижние пояса заметно варьировали; об этом можно судить по пяти имеющимся в нашем распоряжении коллекционным экземплярам, из которых два принадлежат эвенкам, два – юкагирам и один – эвенам. В одних случаях длина пояса могла соответствовать обхвату талии, тогда концы его соединялись встык и снабжались ремешками для завязывания или пуговицей с прорезными петлями. При этом встречались два варианта: 1) полотно пояса состояло из трех частей, соединявшихся между собой двумя кольцами, одна длинная часть приходилась на спину, а две коротких были по бокам (МАЭ, № 2216–38 – забайкальские эвенки); 2) полотно пояса состояло из пяти примерно равных по длине частей, соединявшихся между собой четырьмя металлическими кольцами (МАЭ, № 445–2/12 – эвены; АМЕИ, № 70/8276АВ, № 70/8433АВС – юкагиры).

Встречалась и иная конструкция, когда длина пояса была меньше обхвата талии и на обоих его концах пришивалось по одному кольцу. В этом случае концы пояса не сходились встык и при подпоясывании через оба кольца пропускали дополнительный ремешок, посредством которого стягивали или распускали пояс. К этим же кольцам привязывали и ноговицы или концы голенищ высокой зимней обуви (МАЭ, № 4323–45 – эвенки Подкаменной Тунгуски).

Узкое кожаное полотно нижних поясов ни у мужчин, ни у женщин не украшалось, однако мужские пояса за счет богато украшенных подвесок производили яркое впечатление. Мужчины обязательно крепили на поясе нож в ножнах и еще, как правило, предметы для добывания огня (огниво, трутницу, серницу), а также кисет и курительную трубку. Женщины иног-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

да подвешивали игольник и кисет, но чаще носили нижние пояса без подвесок, укрепляя последние на верхних поясах, что будет рассмотрено ниже. Подобная традиция характерна и для долган [Попов, 1958, с. 105], у которых она, очевидно, имеет тунгусские корни.

Расположение и особенности ношения подвесок на мужских поясах характеризовались как общими чертами, так и рядом отличий, которые представляют большой интерес для возможных сопоставлений. Из пяти имеющихся в нашем распоряжении музейных экспонатов подвески есть только на двух поясах, принадлежащих юкагирам (АМЕИ, № 70/8276АВ, № 70/8433АВС). На обоих этих экземплярах к металлическим кольцам подвешены слева на одном ремешке ножны, справа на двух отдельных ремешках огниво в виде массивной железной скобы и трутница – маленькая кожаная сумочка, внутри которой хранились трут и кремень.

На тунгусских коллекционных поясах подвески отсутствуют, и можно только предполагать по оставшимся на них ремешкам, что в ряде случаев предметы были получены собирателями уже без подвесок, которые имели самостоятельную ценность и перевешивались их владельцами на новые пояса. Однако имеются очень ценные свидетельства первой половины XVIII в., принадлежащие таким авторитетным исследователям, как И. Гмелин, оставивший заметки об эвенках Нижней Тунгуски, и Я. Линденау, изучавший охотских эвенов. «Ни один тунгус, – пишет И.Г. Гмелин, – никогда не ходит без ножа, огнива, курительной трубки, мешочка с трутом и кисета. Кисет привязывают на самом нижнем шнуре парки, примерно в середине туловища. Для остальных вещей к штанам у талии (справа и слева) прикреплены по два латунных или железных кольца. С правой стороны на одном из них висит нож в футляре, на другом – трубка для курения, тоже в футляре. С левой стороны подвешен мешочек с трутом и огниво» [Титова, 1978, с. 69].

Хотя пояс в этом сообщении ни разу не называется, ясно, что, за исключением, быть может, кисета, речь идет именно о подвесках на поясах. Данные о самом поясе находим в описании Я. Линденау. «Вокруг туловища под штанами носят они пояс – Tolgi, на котором с обеих сторон имеется по большому кольцу из желтой меди – Tolgipan. С правой стороны на кольце висит кожаный кисет, в котором ламуты держат трут – Ulla, маленькую деревянную ложку с серой – Seraruk, огниво – Rur и кремень – Modgi. С левой стороны на кольце висит нож – Tscherkan» [Линденау, 1983, с. 56].

Сообщения И. Гмелина и Я. Линденау в целом совпадают и дополняют друг друга, но различаются указанием на место расположения ножен – с левой или с правой стороны. По более поздним, в том числе и современным, данным известно, что нож эвенки и эвены крепили справа, как об этом писал И. Гмелин. Однако информация Я. Линденау о левостороннем ношении ножен охотскими эвенами совпадает с их расположением на юкагирских поясах, как это видно по двум имеющимся у нас музейным экземплярам, где ножны подвешены слева. Кроме того, и нганасаны, как указывалось выше, тоже крепили ножны с левой стороны.

Вопрос о лево- или правостороннем подвешивании ножа не так прост, как кажется на первый взгляд. Возможно, иногда изменение происходи-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

ло на индивидуальном уровне, например, когда при правосторонней традиции левша прикреплял нож с левой стороны, как ему лично это было удобнее. Такие примеры отмечались у ненцев, встречались они также и среди долган (в МАЭ хранится по крайней мере два долганских пояса, к которым ножны прикреплены слева: № 1064–1; № 6860–2b). Но если обычай предписывает носить нож слева, то на правый бок его подвешивать не станут.

Сопоставим теперь имеющиеся у нас данные по эвенкам, эвенам, юкагирам и нганасанам. Две позиции здесь известны вполне определенно: тунгусы носили нож справа, нганасаны – слева. Сведения о юкагирах более расплывчаты, так как ограничиваются только двумя поясами, но оба – с левосторонним креплением ножен. Из этого можно сделать два разных заключения: 1) юкагиры, как и нганасаны, носили нож слева; 2) юкагиры, как тунгусы, носили нож справа, но случайно совпало, что оба полученных для музея пояса принадлежали левшам, и это нужно воспринимать как исключение, а не как общее правило. Второе выглядит явно менее убедительно.

Рассуждая дальше, постараемся понять, почему при одном типе поясов и одинаковом способе крепления ножен на бедре тунгусы и нганасаны носили нож с разных сторон. Возможно, причина кроется в специфике их хозяйственных занятий, точнее – в особенностях оленеводства, которое у тунгусов было вьючно-верховым, а у нганасан – упряжным, верховой езды на оленях нганасаны не знали. Действительно, при посадке на верхового оленя, к которому эвенки и эвены подходят с его правого бока, расположение ножен на левом бедре было бы очень неудобно, поэтому тунгусские народы крепили нож справа. В то же время для нганасан, не ездивших верхом на оленях, это было безразлично. Юкагиры также пользовались преимущественно нартенными оленями и очень редко ездили верхом. Кроме того, в традиционной культуре обоих этносов представлен, правда, в различной степени – у нганасан меньше, у юкагиров значительнее – автохтонный уралоязычный субстрат. Их предки были древнейшим «палеоазиатским» населением Северной Сибири, не знавшим оленеводства, поэтому мы склонны считать, что левостороннее ношение ножен у нганасан и юкагиров связано с этой линией их происхождения.

Остается понять, чем обусловлено сообщение Я. Линденау, что охотские эвены носят нож слева. Является ли это ошибкой или не оговоренным специально случаем левши, либо данная эвенская группа действительно характеризовалась, в отличие от тунгусской традиции, подвешиванием ножа слева? Скорее всего, мы должны отбросить первые два предположения, поскольку Я. Линденау известен как очень внимательный исследователь, и принять последнее, выделяющее охотских эвенов среди других тунгусов. В этом есть определенная логика, так как исследованная Я. Линденау группа входила в состав так называемых пеших тунгусов, которые в XVII в. жили в непосредственном соседстве с оседлыми коряками и давно уже не имели оленей, перейдя к рыболовству и морскому промыслу. Поэтому им ничто не мешало носить нож с любой стороны, как было распространено у коряков.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

Возвращаясь после этого отступления к двум выше названным музейным поясам, принадлежавшим юкагирам, обратим внимание на то, что они дают представление и об устройстве юкагирских сдвоенных ножен, в которых помещались одновременно два ножа. Но их конструкция отличалась о той, что была отмечена выше у манси. Юкагирские сделаны в виде ровдужного чехла плоской формы, в который плотно вставлены два берестяных футляра, один большего, другой меньшего размера (27 и 22 см длиной), каждый соответственно для своего ножа. Вверху и внизу ножны опоясаны двумя ремешками. При помощи верхнего ремешка они подвешивались к кольцу на поясе, а нижний имел свободные концы, которыми ножны привязывались к ноге.

Такие сдвоенные ножны являются, по-видимому, особенностью юкагиров, у эвенков и эвенов они не зафиксированы. А вот способ их ношения был характерен также для эвенов и западных эвенков, которые тоже крепили ножи, подвешивая их к поясу у бедра и одновременно прикрепляя внизу завязками вокруг ноги [Василевич, 1970, с. 150; Попова, 1981, с. 70]. Лишь в восточно-эвенкийских группах ножны было принято носить не на бедре, а у пояса, без дополнительной привязки к ноге, и такое различие в традициях является одним из важных этнических показателей, разделяющих западных и восточных эвенков. Но на фотографиях дореволюционного времени в отдельных случаях можно увидеть нож в ножнах у тунгусов и юкагиров именно у пояса, что не соответствует их традиции. Объясняется это тем, что с XVIII в., со времен Екатерины II, некоторым отличившимся «князцам» из народов Сибири стали выдавать в награду расшитые пояса с кортиками, пожалованные царской властью как особые знаки отличия. Подобная фотография опубликована, например, в работе В.И. Иохельсона [Иохельсон, 1900, с. 157], и на ней хорошо видно, что ножны подвешены у пояса, а не на бедре.

Так называемые верхние, или наружные, пояса в музейных собраниях, которыми нам удалось воспользоваться, представлены десятью эвенкийскими (три из них – фрагментарно), пятью эвенскими и двумя юкагирскими экземплярами. Эти пояса надевались с верхней одеждой: ими подпоясывали распашные ровдужные кафтаны и меховые парки, а позже и верхние рубашки. Носили их как с подвесками, так и без них и всегда богато украшали. Ввиду того, что эти пояса отличаются значительным разнообразием, рассмотрим их отдельно по каждому из народов.

У разных групп эвенков встречались различные наименования верхних поясов, что в каждом случае будет отмечено в тексте. Но наиболее употребительными, по-видимому, можно считать названия: 1) *энгэнэптун* (с вариантами) [ТМС, 1977, с. 458] и 2) *бусэ~бухэ~бушэ*, совпадающий с бурятским обозначением пояса *бэхэ* [ТМС, 1975, с. 115]. Наряду с ними в отдельных районах зафиксированы также такие названия, как *калбу* (у охотских и сахалинских), *тол* (у илимпийских), *сэгдэптун* (у тунгиро-олекминских), *умул~омул* (у среднеамурских эвенков-коневодов).

Пояса шили из кожи или сукна (последние часто с подкладом из хлопчатобумажной ткани) и, как правило, обильно орнаментировали снару-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

жи цветным бисером. Полотно пояса вырезали в виде ленты шириной 4–9 см и длиной, соответствующей примерно обхвату талии. Края пояса часто закругляли.

Самым простым способом крепления являлось отсутствие специальной застежки, когда оба конца были заужены и завязывались спереди

Рис. 29. Эвенки р. Токмы (бассейн Енисея). Женская одежда с бисерным поясом. МАЭ, № И–1470–23.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

обычным узлом (МАЭ, № 2356–13 – длина 116 см, ширина 4 см, туруханские эвенки). Но чаще пояса снабжались либо дополнительными узкими ремешками, либо пуговицей с петлей и реже пряжкой. Последний способ отмечен в местах контакта со скотоводческими народами – бурятами, якутами. Так, илимпийские эвенки пришивали к концам пояса по два узких ровдужных ремешка, которые образовывали две пары вязок (МАЭ, № 1524–163 – длина пояса 64 см, ширина 4 см). Амурские крепили на одном конце два ремешка, а на другом – ровдужную петлю, украшая и то, и другое цветными бусами синего и белого цветов (АМЕИ, № 70.0/15 – длина пояса 70 см, ширина 5 см).

Широко распространенной была застежка на металлическую пуговицу, пришитую на длинном кожаном ремешке, и воздушную петлю, украшенную крупными бусами разных цветов – белого, голубого, зеленого, желтого (МАЭ, № 1524–304 – длина пояса 86 см, ширина 9 см; № 2709–6 – длина пояса 81 см. ширина 4 см). В Забайкалье баргузинские эвенки-орочоны застегивали пояс на небольшую металлическую пряжку, в которую продергивали узкий ремешок, пришитый на другом конце пояса. При этом полотно самого пояса было широким и очень тяжелым из-за обилия бисера (МАЭ, № 1856–36 – длина 107 см, ширина 9 см).

Верхними поясами у эвенков чаще подпоясывались женщины. Вплоть до середины XX в. они обязательно носили традиционные широкие пояса, которые надевали поверх мехового или суконного кафтана, когда находились вне дома, или поверх юбки, если были в домашней обстановке (Архив МАЭ, №7, л. 19). У мужчин более распространенным было употребление так называемой «натруски» – специального охотничьего пояса в виде кожаного ремня, надеваемого через одно плечо. Однако нельзя сказать, что мужчины совсем не носили верхних поясов, о чем свидетельствует, в частности, описание К.М. Рычковым енисейских эвенков: «Стан мужчины и женщины опоясывают широким кожаным, вышитым бисером или украшенным медным набором поясом, который обвешивается несколькими кошельками для табаку, трубкой, огнивом и ножиком в ножнах» [Рычков, 1917, с. 50].

Широким распространением в конце XIX – начале XX вв. чересплечных натрусок у эвенкийских мужчин объясняется заметное преобладание среди музейных экспонатов именно женских верхних поясов. Их принадлежность определяется либо прямым указанием собирателя, либо женским характером подвесок. Скорее всего, именно данным обстоятельством обусловлено то, что хранящиеся в коллекциях эвенкийские пояса отличаются особой нарядностью и тщательностью отделки.

Сохранилась очень редкая характеристика женских поясов, относящаяся к началу XVIII в., когда англичанин Джон Белл, участвуя в посольстве Л.В. Измайлова в Китай, наблюдал по пути следования жизнь енисейских эвенков. Д. Белл написал, в частности, что «женщины одеваются в меховую одежду, доходящую до колен, схваченную вокруг туловища поясом. Эти пояса шириной около трех дюймов сделаны из оленьей кожи, престранно вышиты и украшены орнаментом» [Зиннер, 1968, с. 53]. Способов украшения Белл не раскрывает, но по музейным материалам нам из-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

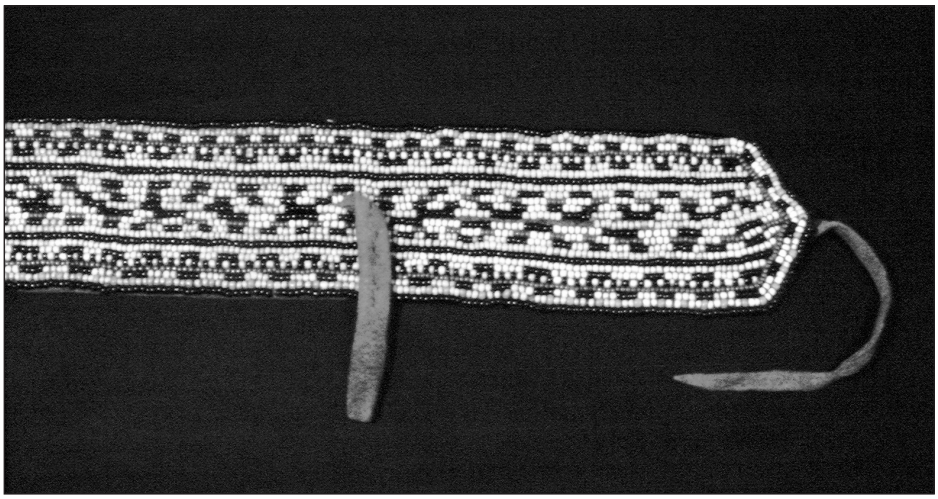

Рис. 30. Баргузинские эвенки. Женский пояс для зимней шубы. МАЭ, № 1855–36.

вестно, что в эвенкийских поясах использовалось особенно много бисера. Не случайно в литературе их часто называют бисерными.

Как правило, бисер покрывал целиком всю наружную сторону пояса. В этом случае его нашивали концентрическими рядами, располагая так плотно один к другому, что кожаной основы не было видно. Прежде чем нашивать бисер, его нанизывали на сухожильную нитку, затем эту нитку накладывали на кожу и прикрепляли к коже другой ниткой, делая по одному стежку между каждой парой бисеринок [Иванов, 1963, с. 278]. При этом нити с нанизанным бисером прикреплялись только к самому верхнему слою кожи, и делалось это настолько искусно, что даже с изнанки совершенно не заметно стежков.

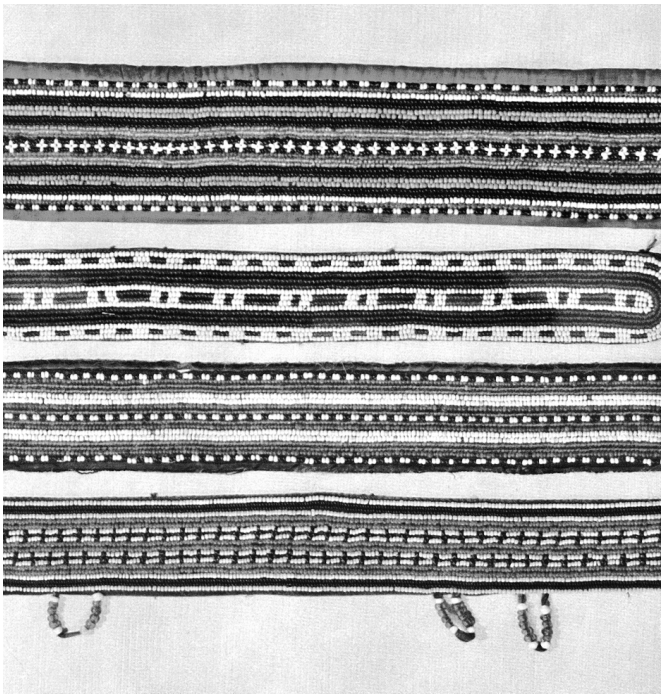

Рис. 31. Эвенки. Орнаменты бисерных поясов (Тропой северных оленей. Л., 1974).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

На поясах илимпийских эвенков бисер располагался не сплошь, а отдельными узорами, как это было принято у долган. При этом с долганской традицией совпадал и рисунок орнамента, как, например, на двух женских поясах, привезенных в начале XX в. К.М. Рычковым (МАЭ, № 1524–163 – длина 64 см, ширина 4 см; № 1524–304 – длина 86 см, ширина 9 см). Оба пояса вырезаны из толстого сукна, один темно-коричневого, другой красного цвета. По периметру на них нашиты по два замкнутых ряда бисера, а в центре расположен рисунок в виде двойных кругов и зигзагообразных линий.

В бисерной вышивке у разных групп эвенков встречались различные цветовые комбинации, но при этом обязательно участвовали белый и черный цвета, на фоне которых хорошо оттенялись остальные тона. На поясах енисейских эвенков к белому и черному добавлялись голубой, желтый, красный цвета, у баргузинских – желтый и красный, у амурских – в основном голубой. Гамма бисерной вышивки на поясах в илимпийской группе повторяет долганское сочетание с использованием красного и синего.

Иных, не бисерных приемов украшения эвенкийских поясов на музейных экспонатах не встречено, хотя вообще эвенкам были свойственны различные приемы отделки кожи и ткани. Наряду с бисером они широко использовали также окраску кожи и ее мозаику, гладевые швы волосом, волосяной жгутик, меховую выпушку [Иванов, 1963, с. 278–279], но на поясах применяли только один способ – шитье бисером. О том, насколько важен был для эвенков бисер при украшении поясов, говорит и то, что в сымской группе женский пояс называли *улилэ* [Симонов, 1985, 65], букв. «вышитый» бисером.

Верхние пояса носили как с подвесками, так и без них. У женщин это были курительные принадлежности – кисет и трубка, предметы для высекания огня, игольник и различные украшения.

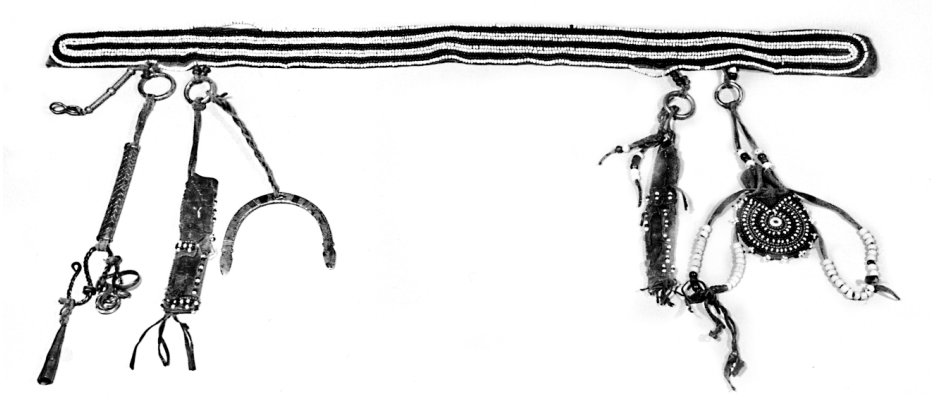

Рис. 32. Эвенки. Женский бисерный пояс с подвесками. МАЭ, № 2709–6.

Каждый предмет обычно подвешивался на отдельном ремешке, пришитом с изнанки к нижнему краю пояса, но в ряде случаев это крепление дополнялось металлическим кольцом. Тогда его конструкция состояла из

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

трех частей: в центре находилось кольцо, от которого вверх к поясу и вниз к подвеске шло по ремешку, украшенному бисером. Встречались и более сложные крепления, как, например, на одном редком старинном экземпляре, привезенном М. Кастреном в 1847 г. от енисейских эвенков.

Этот кожаный пояс, хранящийся в МАЭ под № 27–9, размером 2 х 113 см, снаружи сплошь расшит бисером белого, черного, синего, светло-коричневого цветов и для завязывания снабжен на обоих концах ровдужными ремешками с нанизанным на них бисером. На поясе подвешены два предмета: слева на двух ремешках – расшитый бисером ровдужный кисет, справа – огниво в виде вытянутой в высоту металлической пластины размером 2 х 10 см. Наиболее интересно крепление огнива. Оно держится на поясе при помощи двух ремешков, унизанных крупными цветными бусинами, на каждый из которых надеты еще по две металлических (медных – ?) гравированных трубочки-пронизки. Кроме этого, в средней своей части ремешки пропущены через четыре сквозных отверстия, расположенных по углам четырехугольной медной пластинки, которая закреплена таким образом в центре всего украшения. Размеры пластинки 2 х 3 см, поверхность ее покрыта прорезным геометрическим орнаментом. Общая длина ремешков от края пояса до огнива составляет 15 см.

То, что такая сложная и довольно редкая для эвенкийских поясов подвеска использовалась именно для огнива, очевидно, не случайно, т.к. к этому предмету у эвенков, как и у многих других народов Севера, было особое отношение. Высекание огня при помощи огнива и кремня является не только одним из древнейших способов его добывания, но одновременно и вполне современным приемом, распространенным в Сибири вплоть до гарантированного приобретения спичек. Однако даже при наличии спичек, которые легко могли отсыреть и стать непригодными, в тайге железное огниво всегда держали под рукой на случай непредвиденных обстоятельств. Данное огниво имеет не характерную для эвенков форму. Обычно оно было в виде овала (шириной 3–5 см), т.е. выглядело как сильно сплющенное сверху и снизу кольцо, или слегка напоминало по форме стремя и часто вставлялось в верхней части в берестяную или кожаную оправу. Но встречались и еще более старинные экземпляры, которые выглядели как массивная железная скоба размером около 10 см. Последние даже после распространения спичек очень долго сохранялись среди украшений женской одежды в качестве особо ценной подвески, которой придавалось значение сильного оберега (см. рис. 32).

Другими предметами из набора по высеканию огня, которые наряду с огнивом подвешивались к поясу, были трутница и серница. Трутница представляла собой прямоугольную ровдужную сумочку, служащую для хранения трута и кремня. В отличие от кисета, обычно затягивавшегося на вздержку, трутница закрывалась при помощи характерной крышки, имевшей вид семи- или пятиугольной перевернутой сумочки, расшитой бисером и легко поднимавшейся вверх по ременной петле, на которой трутница и была подвешена к поясу. Серница крепилась на отдельном ремешке, она имела вид маленькой, вырезанной из кости или дерева плоской овальной чашечки, часто орнаментированной резьбой (МАЭ, № 2709–13, № 1004–

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

120). Внутри находилось небольшое количество горючей серы, которую приобретали у купцов и посыпали ею трут для лучшего его воспламенения [Рычков, 1917, с. 37]. Позднее ею пользовались для зажигания серных спичек [Попов, 1958, с. 107], которые очень ценились, потому что не боялись сырости.

Распространенной принадлежностью пояса был кисет, который представлял собой небольшую ровдужную сумочку округлой формы, с отверстием, затягивавшимся на вздержку. Кисет расшивали цветным бисером и украшали кожаной бахромой и подвесками из бус. Иногда рядом с кисетом можно увидеть узкий и длинный ровдужный чехольчик для ношения курительной трубки, как, например, на поясе амурских эвенков (АМЕИ, № 70.0/15) или на экспонате № 5962–60, хранящемся в Музее археологии и этнографии Сибири Томского университета [Каталог этнографических коллекций.., 1979, с. 305–306, рис. на с. 313]. Но отсутствие трубок на большинстве поясов не означает, что эвенкийские женщины не курили. Наоборот, они не менее мужчин известны как заядлые курильщики, просто трубку часто носили не в отдельном футляре, а вкладывая ее в кисет [Василевич, 1951, с. 166].

Рис. 33. Эвенки. Подвески с правой стороны женского пояса – кисет и кожаный футляр для женского ножа. МАЭ, № 2709–6.

Обязательно подвешивался к женскому верхнему поясу игольник – сложенный вдвое мягкий кожаный ремешок, в который вкалывались иглы. Его продевали сквозь костяную или металлическую трубочку-пронизку, игравшую роль футляра. Эта трубочка легко скользила по ремешку – держателю игл, и, когда ее поднимали вверх, доступ к иглам был свободен. Однако упасть футляру не позволяло пришитое к ремешку снизу металлическое кольцо, игравшее роль фиксатора. Для украшения игольника его футляр покрывали геометрическим орнаментом, а вместо простого фиксатора в форме кольца на конце ремешка прикрепляли бо-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

лее сложные предметы – фигурную медную пластинку (МАЭ, № 1004–161) или витую железную подвеску лировидной формы (МАЭ, № 2709–6).

Интересное дополнение к характеристике швейных принадлежностей на женских поясах у подкаменно-тунгусских эвенков оставил И. Гмелин: «Справа у женщин вместо ножа [здесь идет сравнение с поясами мужчин. – *Н.Е.*] висит тонкий полый костяной цилиндр, длиной в несколько вершков, в котором держат свернутый кусок кожи с воткнутыми в нее иголками. Нитки и запас иголок женщины носят около кисета, в специальном перепончатом мешочке, сделанном из «околосердечной сумки» оленя» [Титова, 1978, с. 69].

Рис. 34. Эвенки. Подвески с левой стороны женского пояса – игольник, кожаный футляр для женского ножа, старинное огниво. МАЭ, № 2709–6.

Ножи на женских поясах встречаются сравнительно редко. Тем больший интерес вызывает пояс (МАЭ, № 2709–6), на котором подвешены сразу два чехла для ношения ножей – один с левой, другой с правой стороны. Оба сшиты из кожи в виде узких футляров, размером примерно 15 х 3 см, и украшены кожаной бахромой и цветным бисером.

Мужчины подобный набор предметов – кисет, трубку, огниво, трутницу и др.– носили не только на нижнем поясе рядом с ножом, как указывалось выше, но еще и на особом чересплечном ремне, игравшем роль охотничьего пояса и называвшемся «натруска». Его надевали на правое плечо так, чтобы он спускался через спину и грудь к левому боку. Кроме уже названных предметов на чересплечном ремне подвешивали и все необходимые для ружейной охоты мелкие принадлежности. Самой крупной и заметной из этих вещей была пороховница – сосуд для хранения пороха. Вероятно, от ее старого русского названия «натруска» и происходит распростра-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

ненное не только среди эвенков, но и у долган, кетов и нганасан наименование чересплечного охотничьего ремня.

Пороховница имела плоскую круглую форму диаметром около 10 см и была охвачена железной лентой, к которой с обеих сторон припаивали по одному маленькому колечку для привязывания пороховницы к поясу. Очень часто именно через крепление пороховницы натруска превращалась в замкнутое кольцо. Из других охотничьих принадлежностей к натруске крепились также:

– мерки для пороха и дроби в виде маленьких бокальчиков, вырезанных из мамонтовой кости,

– ровдужный мешочек для пуль, затягивавшийся ремешком на вздержку,

– костяной проталкиватель пули в дуло ружья в виде цилиндрической палочки с утолщением на конце,

– пистонница,

– кожаная дробовница, представлявшая собой сдвоенный мешочек овальной формы, одна из половинок которого закладывалась за ремень, чтобы дробовница не болталась от тяжести при ношении натруски (МАЭ, № 1004–119).

Рис. 35. Эвенк в полном охотничьем снаряжении с пальмой, ружьем и натруской, на которой подвешены необходимые ружейные принадлежности. МАЭ, № И–1470–51.

Важно отметить, что у эвенков натруска получила наибольшее распространение по сравнению с остальными народами Сибири и даже приобрела в определенном смысле этническую окраску. Эвенки использовали ее не только в качестве охотничьего снаряжения, но и как особый атрибут мужского костюма, в том числе и праздничного. В последнем случае перевязь делали как из полосы кожи шириной 3–5 см, так и из плотного сукна, снаружи сплошь расшивали бисером [Рычков, 1917, с. 50; МАЭ, № 1004–119, 120].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

Важным дополнением к таким красочным перевязям служили кисеты и трутницы, также богато орнаментированные бисером.

По отношению к ним енисейские эвенки употребляли не только русское слово «натруска», но и свои собственные названия – *алалабун* и *мушнялабун* (МАЭ, опись колл. № 1004–119, 120 – илимпийские эвенки). Первое – *алалабун* – очевидно, происходит от *алаг* – лямка, *алала* – надеть на себя лямку, впрячься в лямку (об охотнике, тянущем за собой охотничью нарту) [ТМС, 1975, с. 28]. Второе – *мушнялабун* – включает в себя название кисета *мушня* (видимо, связанное с русским словом мошна – мешок для хранения денег) и переводится букв. как «то, что носит кисет» (МАЭ, опись коллекции № 1004, собиратель и регистратор В.Н. Васильев).

О большом значении, которое приобрели такие перевязи в традиционной одежде енисейских эвенков в конце XIX – начале XX вв., свидетельствует и то, что они входили в комплект самых нарядных мужских костюмов, надевавшихся только в особо торжественных случаях, в том числе и во время проведения древнего охотничьего обряда Икэнипкэ, посвященного ежегодному весеннему возрождению природы.

Таким образом, перенятые у русских ружейные ремни-перевязи были трансформированы эвенками в соответствии со своим эстетическим вкусом, благодаря чему они вошли в эвенкийскую традицию и стали восприниматься в качестве одного из этнокультурных признаков мужского костюма.

Рис. 36. Эвенки р. Сым. Мужской праздничный костюм с бисерной перевязью. МАЭ, № И–1473–73.

Эвенки, живущие в лесостепном Забайкалье и перенявшие от соседних монголов не только навыки скотоводства, но и многие элементы их материальной и духовной культуры, заимствовали вместе с одеждой монгольского типа и характерные для нее мягкие пояса в виде широкой и длинной полосы ткани. Ими

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

подпоясывались по монгольской традиции только мужчины, сохранявшие при этом и соответствующий способ многократного обертывания пояса вокруг талии.

Рис. 37. Забайкальские эвенки в одежде монгольского типа, подпоясанные мягкими матерчатыми поясами. МАЭ, № 2002–105.

Однако при выходе на охоту помимо «монгольских» поясов забайкальские эвенки дополнительно надевали и привычные ружейные натруски.

Не только монгольская, но также маньчжурская и нижнеамурская этнические традиции, наряду со своей исконной тунгусской, прослеживаются в поясах среднеамурских эвенков – манегров, бираров, конных ороченов, кочевавших в бассейне правых и левых притоков Амура и разводивших не оленей, а лошадей. Поясную одежду тунгусского типа они носили с нижними поясами обычного для эвенков образца в виде узких ремней с кольцами по бокам для крепления ноговиц.

С верхней одеждой носили пояса нескольких видов. Г.Ф. Гертфельд, наблюдавший манегров в середине XIX в., оставил следующее краткое сообщение о поясах мужчин. «Камзол опоясывается кожаным, тканым или сплетенным из конских волос поясом *омул*, который застегивается пряжкой *гурги* и заключает в себе различные вещи, необходимые для повседневного употребления» [Герстфельд, 1857, с. 295]. Эта довольно скупая информация имеет, тем не менее, большую ценность, так как в ней содержится упоминание о «сплетенных из конских волос» поясах, столь необычных, что нельзя не обратить на них внимание. Другое столь же лаконичное сообщение о подобных поясах было встречено в работе А.Ф. Миддендорфа, и касалось оно негидальцев, что вряд ли является случайным совпадением. Учитывая то, что негидальцы, в отличие от среднеамурских эвенков, лошадей не держали, а о манеграх известно, что они владели техникой

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

Рис. 38. Забайкальские эвенки в промысловой одежде перед выходом на охоту. Матерчатые пояса монгольского типа надеты вместе с ружейными «натрусками». МАЭ, № 2002–87.

плетения из конского волоса и изготавливали таким образом даже мешки на продажу [Сем, 1986, с. 97], следует считать такие пояса оригинальными изделиями манегров, от которых они попали и к негидальцам.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

Другие пояса представлены несколькими экземплярами, хранящимися в Российском этнографическом музее в составе коллекций, привезенных в начале XX в. Д.К. Соловьевым от зейских манегров и частично опубликованных [Василевич, 1976; Сем, 1986]. Благодаря этим материалам известно, что и мужчины, и женщины поверх халатов носили широкие короткие пояса *умул* из кожи или ткани, длина которых соответствовала объему талии. Изображения таких поясов встречается в литературе [Василевич, 1976, с. 113, рис. 2; Сем, 1986, с. 99, рис. 1, 8], однако источниками для подробного их описания мы не располагаем. С помощью специальных петель на них подвешивали мешочки для кремня, игольники, кисеты, чехлы для курительных трубок, кошельки и прочие принадлежности. Некоторые из этих вещей, судя по их форме и украшениям, были заимствованы от монголоязычных соседей, как, например, футляры курительных трубок (МАЭ, № 2649–35), сумочки для спичек (МАЭ, № 2649–33), кошельки для денег (МАЭ, № 2649–34) [Василевич, 1976, с. 109–110].

Особый интерес представляют фигурные петли-подвески, посредством которых на поясах манегров крепились различные предметы. Своей верхней частью эти петли прикреплялись к поясу, а внизу у них было отверстие, через которое пропускался ремешок для подвешивания (изображения таких петель см: [Иванов, 1963, с. 435; Сем, 1986, с. 102, рис. 2, 6]). Поясные фигурные петли манегры шили из материи, однако по форме они очень походили на поясные металлические подвески с кожаной петлей, широко употреблявшиеся даурами, монголами, бурятами, тувинцами, алтайцами, а также нижнеамурскими народами, которые, по мнению С.В. Иванова, заимствовали их из тюрко-монгольской среды [Иванов, 1963, с. 433–436].

Относительно проникновения к манеграм подобных петель-подвесок очевидны два предположения, из которых пока еще сложно сделать окончательный выбор. Одно позволяет связывать их с Нижним Амуром, скорее всего с нанайцами, а другое – с монголо-маньчжурским культурным ареалом через влияние соседних дауров, от которых среднеамурские эвенки приобрели многие культурные особенности. К последним следует отнести и мягкие матерчатые пояса, широкие и длинные, которые несколько раз оборачивали вокруг талии. Изображения манегров, подпоясанных такими поясами (в том числе и девушек, что допускалось монгольской традицией), встречаются на фотографиях [Василевич, 1976, с. 116, рис. 4].

Однако для занятий охотничьим промыслом манегры сохраняли незаменимую чересплечную натруску (РЭМ, № 6803–4), к которой привязывали деревянную пороховницу *мерк,* выдолбленную из наплыва на березе, мешочки *окторук* из меха косули и медведя для пуль и других мелочей, а также нож в ножнах (МАЭ, № 2650–43).

Для эвенов и юкагиров чересплечные натруски, по-видимому, были нехарактерны; во всяком случае, их нет среди музейных экспонатов, и в литературе упоминания о них не обнаружены. Мужчины, отправляясь на охоту, надевали традиционные пояса обычного типа. Эвенское их название в различных этнолокальных группах *калбу~калба~калбо* [ТМС, 1975, с. 365]. Точно так же называли пояса аянские, чумиканские и сахалинс-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

кие эвенки, а также негидальцы. Эвенский охотничий пояс – это кожаная лента шириной 1,5–3 см, закреплявшаяся либо при помощи петли с одной стороны и зауженного конца с другой, либо посредством довольно массивной металлической пряжки. Пряжки имели слегка вытянутую прямоугольную форму и язычок для застегивания, по краю их украшали насечкой. Эвены носили на таких поясах обычные охотничьи принадлежности, такие же, как эвенки – на натруске, но прикрепление их к поясу имело свои особенности. Чаще всего предметы подвешивали на ремешках, закрепленных в сквозных продольных прорезях, сделанных в нижней части пояса. Иногда эти ремешки прикреплялись и непосредственно к пряжке (МАЭ, № 422–36/2; АМЕИ, № 70/5696, № 70/5697, № 70/7873).

Оба эти способа характерны для поясов чукчей. К чукотскому влиянию следует отнести также и то, что пояса изготовлялись очень узкими, не расшивались бисером и снабжались пряжками чукотского типа. Возможно, это обусловлено тем, что четыре из пяти верхних эвенских поясов, которые имеются в нашем распоряжении, поступили в музейные собрания от анадырских эвенов, на протяжении длительного времени проживавших в окружении чукчей. Однако не только в Анадырском, но и в других районах Чукотки (Чаунском, Марковском) местные эвены, используя в качестве зимней промысловой одежды меховую чукотскую кухлянку, подпоясывали ее узким кожаным поясом с напуском, как чукчи [См. фото: Кузаков, 1960, с. 213].

Пояса эвенских женщин в анадырской группе, как можно понять из кратких литературных данных, также отличались некоторыми чукотскими признаками. Они имели вид узкой кожаной ленты, застегивались на пряжку и не расшивались бисером [Олсуфьев, 1896, с. 136]. В то же время у охотских эвенов женщины носили широкие пояса, обильно орнаментированные бисером [Слюнин, 1900, с. 371, рис. 13:], в чем надо видеть сохранение тунгусской традиции.

Набор подвесок на женских верхних поясах включал, прежде всего, швейные принадлежности (игольник и мешочек с наперстком), предметы для разжигания огня, а также многочисленные украшения. А.В. Олсуфьев особо подчеркивал значительное количество разнообразных поясных подвесок у эвенских женщин. Он писал, что «с тонкого пояса, стягивающего нагрудник, у женщин висят на ремешках и цепочках всевозможные безделушки. Тут есть как нужные предметы домашнего обихода: ножичек, огниво, расшитый бисером мешочек с кремнем и трутом, игольник, оканчивающийся медным колокольчиком, так и много других вещиц, служащих только украшением – медные кольца, медные фигурки, в форме висячего замка или старинного ламутского огнива, стальные и серебряные клинья, в виде наконечника копья и т.п. Такое же подобие копья очень часто прикрепляется женщинами к поясу, заменяя пряжку» [Олсуфьев, 1896, с. 136].

Тем более любопытно, что Я. Линденау, обычно обращавший внимание на любые детали, при описании одежды девушек у охотских эвенов назвал из подвесок на поясе только игольник и наперсток, не упомянув ни огнива, ни трута, ни украшений. «На поясе Onmoron с правой стороны висит футляр для железных иголок длиной в пядь, а на нем внизу малень-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

кий колокольчик – Tschitschegon. Около колокольчика висит кошелек – Siltag, в котором они держат кожаный наперсток – Unioepan» [Линденау, 1983, с. 57]. В связи с этим невольно возникает предположение, что подвески на поясах женщин накапливались постепенно, что их количество возрастало по мере прожитых лет и что некоторыми предметами отмечались какие-то важные события в жизни хозяйки пояса, и то, что А.В. Олсуфьев называл «всевозможными безделушками» или просто «вещицами», на самом деле представляло для их владелиц огромную ценность, заключавшую в себе большой магический смысл и глубокую символическую насыщенность.

Отдельно затронем вопрос о поясах, украшенных металлическими накладками, которые не так уж редко встречались у эвенков и эвенов, имевших контакты с якутами.

Рис. 39. Эвенская женщина в традиционном костюме, подпоясанном якутским наборным поясом (Радуга на снегу. Л., 1972).

Обычно их получали уже в готовом виде путем покупки, обмена или наследования. Якутские пояса, очевидно, и имел в виду К.М. Рычков, когда писал, что илимпийские эвенки носят пояса, «украшенные медным набором». Подобные пояса высоко ценились, особенно если пластины, покрывавшие кожаную основу, были серебряными. Эвенки называли такую вещь *хэломо тол* – «серебряный пояс». По некоторым сведениям за него отдавали в прошлом якутским купцам пять первосортных соболей [Лещенко, 1987, с. 45–47]. Не рассматривая специально якутские наборные пояса, изучение которых не

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

входит в задачи нашей работы, остановимся, тем не менее, на одном старинном наборном поясе, найденном в эвенском захоронении в конце XIX в.

Погребение находилось в устье р. Лены в местечке Сагостыр и было обнаружено в 1884 г. А.А. Бунге. Оно принадлежало одной эвенской женщине, что определяется по некоторым сохранившимся украшениям одежды. На погребенной находился и наборный пояс, который хранится ныне в фондах МАЭ под № 147–12. Он представляет собой достаточно необычный экземпляр, заслуживающий того, чтобы на нем остановиться подробнее. Несмотря на то, что пояс не сохранился целиком, все же имеется довольно большой фрагмент, позволяющий представить его полностью. Основой служил кожаный ремень шириной 3,5 см, с внешней стороны обшитый хлопчатобумажной тканью, в центральной части красно-коричневого цвета, по краям – черного. Снаружи были прикреплены металлические накладки удлиненной, чуть изогнутой формы, закругленные по краям, высотой 3–3,5 см, шириной около 1 см, изготовленные из меди или бронзы. Каждая пластинка имела вверху и внизу по два сквозных отверстия, через которые были пропущены узкие кожаные ремешки, крепившие ее к поясу. Общее количество пластин неизвестно, так как сохранилась только часть пояса с четырьмя накладками. Расстояние между ними составляет около 1 см. На сохранившемся конце пояса прикреплена металлическая пряжка длиной 4,5 см в форме овала, расширяющегося к наружному краю.

Самое любопытное в этом поясе то, что ни его пряжка, ни пластины не похожи по своей форме на накладки якутских наборных поясов, которые были либо прямоугольными, либо фигурными [Зыков, 1993, с. 135–136; Саввинов, 2001, с. 163, 157]. И, скорее всего, данный пояс представляет предмет собственно эвенской, а не якутской работы. Это не противоречит тому известному факту, что якутские кузнецы и ювелиры по праву славились самым высоким мастерством по всей Восточной Сибири и в прошлом снабжали своими изделиями многих северных соседей. И все же кузнечество и художественная обработка металла были развиты не только у якутов, но также, например, у коряков и у народов Нижнего Амура. Не являлись исключением эвенки и эвены, умевшие изготавливать литые и кованые металлические изделия, служившие украшениями на их повседневной одежде и подвесками на обрядовых шаманских костюмах. В пользу самобытной эвенской работы говорит и использование в качестве материала не серебра, предпочитаемого якутами, а какого-то сплава меди (бронзы или латуни), т.е. желтого металла, наиболее распространенного в художественных изделиях тунгусских народов.

Дополнительным аргументом может служить также простейший узор в виде коротких черточек, нанесенных (прорезанных или процарапанных) по краю пластин и пряжки пояса. С.В. Иванов называет подобный бордюрный орнамент «шпоры, или шипы» и считает, что этот древнейший мотив был широко распространен у тунгусов, встречаясь чаще всего в орнаменте приморских эвенов Гижигинского района с одной стороны, и в орнаменте илимпийских эвенков – с другой [Иванов, 1963, с. 260, 262, 264, 265]. Низовья р. Лены, откуда происходит данный наборный пояс, расположе-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

ны почти посередине между двумя этими крайними – восточной и западной – точками очерченного С.В. Ивановым ареала.

В некоторой степени подтверждением правомерности высказанных суждений является и наблюдение известного специалиста в области народно-прикладного искусства народов Севера Н.И. Каплан. Ею отмечено, что среди металлических блях и подвесок на эвенской и юкагирской одежде встречаются «выпуклые удлиненные пластинки мягко заоваленных очертаний, с полукруглой в центре выемкой и зубчатым краем, явно ассоциирующимся с зубами, с пастью зверя». По мнению исследователя, указанные пластинки выполняли некогда роль оберега, они должны были защищать своих владельцев [Каплан, 1972, с. 122]. Не заостряя сейчас внимания на пластинах как на обереге, что само по себе прекрасно укладывается в семантику любого пояса, и наборного в особенности, обратимся, в первую очередь, к характеристике их формы, которая словно бы «списана» с накладок нашего пояса. «Удлиненные пластинки мягко заоваленных очертаний с полукруглой в центре выемкой» – это буквально про пояс №147–12. Отсутствует лишь такой признак, как «зубчатый край» в центре выемки, однако его заменителем выступает бордюрный орнамент, «шипы» которого убедительно имитируют «зубы» и «пасть зверя».

С учетом всего сказанного предположение о возможном самостоятельном изготовлении эвенами в прошлом медных накладок для своих наборных поясов не столь уж беспочвенно, как это могло показаться на первый взгляд. К тому же в литературе встречено свидетельство конца XIX в. о том, что эвены покрывали процарапанными изображениями птиц металлические бляхи, прикрепленные к кожаному поясу, и среди птиц встречалась фигура гагары, известная эвенам под именем *кытылын* [Шкловский, 1892, с. 15]. Однако попытки С.В. Иванова найти в музейных собраниях подобные бляхи успехом не увенчались [Иванов, 1954, с. 205–206]. Видимо, постепенно, из-за широкого распространения поясов якутской работы и вытеснения ими самобытных местных форм свои собственные навыки в этой области эвены к XX в. уже потеряли.

О верхних поясах юкагиров известно очень мало. В одном из ранних источников середины XVIII в., а именно в ведомости об имуществе, захваченном чукчами в 1754 г. у юкагиров Чуванского рода, упоминается, наряду с другими предметами одежды и быта, «пояс ровдужный бисером нашит». О ценности такого пояса говорит то, что он был оценен по реестру в 4 рубля, а это столько же, сколько стоила кухлянка или олененок [Гурвич, 1957, с. 249, 256]. Покрой и особенности таких бисерных поясов нам неизвестны, так как в музейных собраниях обнаружить их не удалось, однако с большой долей вероятности можно считать, что бисерные пояса юкагиров были аналогичны тунгусским. К такому суждению склоняет не только совпадение в целом типа одежды у тунгусов и юкагиров, но также и то, что в отличие от других народов Северо-Востока юкагиры довольно широко пользовались бисерным шитьем, орнамент которого был очень близок к эвенскому и эвенкийскому [Иванов, 1963, с. 203].

Но были у юкагиров пояса и без бисерной отделки, представление о которых дают два музейных экземпляра (АМЕИ, № 70/8233, № 70/8244).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

Ширина их составляет 4–7 см, длина соответствует объему талии, к обоим концам пришито по ровдужному ремешку для завязывания. Их своеобразие заключается в том, что полотно пояса было составлено из нескольких продольных полос кожи контрастных цветов. В центре проходит полоса коричневого цвета, вокруг нее по периметру пришиты белая, затем черная и снова белая полосы. Такая техника стачивания (мозаики) отдельных кусочков (чаще всего полосок) различно окрашенной кожи считается характерной для юкагиров [Иванов, 1963, с. 198]. Поэтому очевидно, что они должны считаться наиболее самобытными для юкагиров, из-за присутствия в их орнаментике чисто юкагирских приемов украшений.

В сопроводительных документах оба пояса названы мужскими, на что указывает и характер их подвесок. Это предметы, необходимые на охотничьем промысле. С левой стороны подвешены деревянный проталкиватель для пуль и дробовница – ровдужный мешочек удлиненной формы, костяное горлышко которого затыкалось деревянной пробкой. С правой стороны – пороховница из коровьего рога желтовато-коричневого цвета и деревянная мерка для пороха, повторяющая форму оленьего копытца. Все предметы висят на ремешках, пришитых с изнанки к нижнему краю пояса.

Сзади на спинке, посередине пояса пришиты рядом друг с другом по два ровдужных ремешка длиной около 20 см. Назначение их точно не известно, но можно предполагать, что они использовались подобно тому, как это делали чукчи, для подвешивания амулетов, которые владельцы поясов оставили у себя.

***

Такова характеристика поясов у эвенков, эвенов и юкагиров. Однако к материалам, рассмотренным в данном разделе, примыкают и пояса долган, подробное описание которых мы опускаем в связи с тем, что оно уже было выполнено ранее А.А. Поповым на основе коллекций МАЭ и сопровождалось фотоиллюстрациями [Попов, 1958, с. 102–109]. В то же время для проведения сравнительного анализа и включения данных по долганам в общую типологию необходимо дать их краткую характеристику, опирающуюся на указанную публикацию А.А. Попова.

И мужчины, и женщины у долган носили нижние пояса *тэлэгии*, к кольцам которых привязывали ремешки от верхней части голенищ высокой обуви. Они были того же типа, что и рассмотренные ранее у эвенков, эвенов и юкагиров, и точно так же женские нижние пояса подвесок не имели, а к мужским *тэлэгии* подвешивались ножны с ножом, кисет, огниво и трутница, в которой хранились трут и кремень. Ножны располагались с правой стороны в вертикальном положении, и нижней своей частью они дополнительно привязывались к ноге, во избежание их свободного раскачивания.

Однако делалось это не при помощи узкого ремешка, как было описано выше у эвенков и нганасан, а посредством более сложной конструкции с использованием широкой кожаной ленты. Одним своим концом эта лента крепилась к нижней части ножен через отверстие в них, а вторым была подвешена к поясу на длинном узком ремешке, идущем параллельно нож-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

нам, как изображено на рис. 68а в статье А.А. Попова [Там же, с. 103]. Когда ленту застегивали на пуговицу, она кольцом охватывала ногу, плотно прижимая ножны к бедру (аналогичным образом крепился у долган и футляр с курительной трубкой. См. рис. 72б [Там же, с. 107]). Такой способ фиксации можно увидеть на фотографии нганасанского мальчика (см. рис. 26), но у нганасан он не описан, так же как не отмечен и у эвенков.

Учитывая то, что основные материалы и по долганским, и по нганасанским поясам принадлежат одному и тому же исследователю – А.А. Попову, великолепно разбиравшемуся в этнографии обоих этих народов – более вероятно считать подобный прием долганским. А то, что аналогичным образом закреплены ножны на поясе нганасанского мальчика, может быть объяснено тесными контактами нганасан и долган и их частыми межнациональными браками, посредством которых данный способ мог легко попасть и в среду нганасан. Тем более что фотография, о которой идет речь, была сделана Г.Н. Грачевой в 1971 г. году в районе, где уже давно совместно проживали нганасаны и долганы.

Верхние пояса назывались долганами якутским словом *кур*, но их форма и отделка были аналогичны эвенкийским образцам. Это были широкие (7–9 см) короткие (70–80 см) пояса, соответствовавшие примерно обхвату талии, которые застегивались спереди на пуговицы и петли. Их делали из сукна (обычно красного, реже черного цвета), который нашивали на полосу ровдуги и обязательно украшали снаружи бисером. Однако в отличие от эвенков бисер покрывал внешнюю сторону поясов не сплошь, а лишь в виде отдельных орнаментальных узоров, характерных в целом для долганской одежды. Аналогичный прием бисерной вышивки был отмечен выше в поясах илимпийских эвенков, а также в погребальных поясах нганасан, что, очевидно, имеет долганский характер происхождения.

Мужские и женские пояса *кур* были однотипными по конструкции, но при этом различались, как и у эвенков, по линии подвесок. Мужчины носили верхние пояса, как с подвесками, так и без них, причем последнее встречалось чаще, поскольку все необходимые предметы обычно крепились у них на нижнем поясе тэлэгии. Женские нижние пояса, наоборот, всегда делались без подвесок, женщины носили их на верхних поясах.

Отдельного внимания в работе А.А. Попова заслуживают два женских пояса, отнесенных им к разряду старинных и уникальных. Один из них (МАЭ, № 1525–31) представляет собой узкую кожаную ленту, длиной по обхвату талии, не имеющую никаких украшений. С правой стороны к этому поясу подвешены на двух отдельных ремешках маленькая сумочка для наперстка и игольник простейшего типа из лебяжьей трубчатой кости, какие были характерны в прошлом для большинства народов Севера.

Другой старинный пояс (МАЭ, № 1070–105) состоит из трех полос ровдуги, заоваленных по краям, из которых одна средняя (длинная) и две боковые (короткие) соединены между собой двумя круглыми медными бляхами с прорезным орнаментом. Эти накладки аналогичны по форме ажурным пластинам, которые подвешивались к нижнему краю погребальных поясов нганасан. В нижней части каждая бляха имеет еще по одному ушку, на которых крепятся на длинных ремешках все пояс-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

ные подвески: железное огниво в медной оправе, трутница с откидной крышкой и игольник. Кроме того, все полотно пояса покрыто сплошной бисерной вышивкой.

Оба пояса заметно отличаются от обычных бисерных поясов долган и, возможно, отражают различные этапы формирования и развития собственно долганской традиции. Первый пояс представляет собой очень простой образец, в котором очевидны архаичность формы, неразработанность отделки и отсутствие этнической выразительности.

Второй пояс, наоборот, отличается более сложной конструкцией, отдаленно напоминающей пояса наборного типа, сходство с которыми придает ему составность полотна из трех отдельных частей, места соединения которых обозначены двумя круглыми металлическими накладками. Кроме того, он интересен еще и тем, что расшит бисером не в виде отдельных узоров, а сплошь, как это было принято у эвенков. Таким образом, в специфике этого пояса проявляется какое-то сложное сочетание тунгусских, якутских и самодийских традиций. В целом оба старинных пояса в своеобразной форме отражают собой специфику этнокультурного сложения долганского этноса на основе тесного взаимодействия различных этнических составляющих: тунгусской, якутской, самодийской, а также, возможно, и аборигенной, тундровой.

Часто характерным дополнением к долганской одежде выступали настоящие наборные пояса, состоявшие из серебряных пластин прямоугольной формы с гравированным растительным рисунком, укрепленных на широком ремне из кожи или ровдуги. Однако их распространение напрямую связано с якутским производством, поставлявшим наборные пояса такого типа во многие районы Сибири, в том числе и ближайшим соседям-долганам, культура которых вобрала в себя много якутских элементов, не говоря уже о долганском языке, являющемся диалектом якутского.

Широко распространенными у долган были и чересплечные ремни-перевязи, называемые *нотурууска* – натруски. Однако они использовались только в качестве охотничьего снаряжения для ношения ружейных принадлежностей, не перейдя в разряд особого элемента мужского костюма, как это произошло у эвенков и изредка встречалось у кетов.

***

Приведенный сравнительный обзор поясов эвенков, эвенов и юкагиров, дополненный опубликованными ранее материалами о долганах, позволяет выделить характерные для них общие признаки, а также отметить ряд особенностей, присущих поясам отдельных народов и некоторых этнолокальных групп. По способу ношения все пояса, бытовавшие у названных народов в конце XIX – первой половине XX вв., разделяются на нижние и верхние. Первые надевались на натазники, а с появлением нижней одежды – поверх нее, но обязательно под верхние парки и кафтаны. Эти пояса, служившие для прикрепления верхнего края ноговиц и голенищ высокой обуви, были одного типа у всех рассмотренных народов, несмотря на незначительные разновидности, не носившие, по всей видимости, этнической окраски.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

Верхние пояса эвенков, эвенов, юкагиров и долган представлены несколькими типами; преобладали короткие (сходящиеся на талии встык) широкие пояса из кожи или сукна, расшитые бисером. Чаще всего такие пояса снабжались по краям дополнительными узкими ремешками для завязывания, которые со временем стали заменяться пуговицами с петлями, а реже – и лишь в местах контактов с бурятами, якутами, чукчами – металлическими пряжками.

У долган бисерные пояса носили и мужчины, и женщины. У эвенков и эвенов они были в описываемый нами период преимущественно женскими. Это объясняется тем, что у эвенков мужчины перешли к преобладающему ношению чересплечных ремней-натрусок, а у эвенов чаще использовали узкие кожаные пояса с металлическими пряжками чукотского типа, по-видимому, перенятые у чукчей вместе с глухими кухлянками.

У долган, а также у эвенков и эвенов в районах их контактирования с якутами встречались и наборные пояса, приобретаемые у якутов в готовом виде. Не исключено, однако, что в некоторых тунгусских группах существовали в прошлом и свои собственные центры по изготовлению наборных поясов, пластины которых имели самобытную оригинальную форму, отличную от якутских поясных накладок.

В ряде юго-восточных групп эвенков отчетливо выявляется также влияние монгольско-маньчжурского культурного круга. Так, мужчины у забайкальских эвенков подпоясывались мягкими поясами, заимствованными у дауров и монголов. А у среднеамурских эвенков-коневодов зафиксированы три типа поясов: 1) мягкие длинные матерчатые пояса монголо-маньчжурского образца, 2) сплетенные из конских волос, аналогичные негидальским, и 3) широкие короткие кожаные пояса тунгусского типа, которые, однако, не расшивались бисером, а украшались вышивкой с нижнеамурским орнаментом. Как видим, эвенкийская специфика в поясах среднеамурских конных групп если и сохранялась, то только в остаточных и очень завуалированных формах. Точно так же и слово *умул*, употребляемое ими для верхних поясов, отличалось от общеэвенкийских названий и было идентично обозначению, принятому у народов Нижнего Амура и Сахалина.

У юкагиров, наряду с бисерными тунгусскими поясами, существовали и свои, той же формы, что и у эвенков, но без бисерной отделки, а составленные из мозаично подобранных полос кожи.

В целом приходится констатировать, что пояса эвенков и эвенов, не говоря уже о юкагирах, изучены недостаточно. Эвенкийские словари дают целый ряд слов для их обозначения, зафиксированных в разные периоды в различных этнолокальных группах. Некоторые из них остаются для нас пока только названиями, как, например, *калбу* или *сэгдэптун*. В чем состояло их своеобразие, установить не удалось, так как, кроме словарных упоминаний, сведения о них не выявлены.

По имеющимся материалам, наиболее самобытной для эвенков и эвенов следует считать форму широких коротких кожаных поясов, которые со временем стали делать также из сукна, но как они оформлялись до широкого распространения бисерного шитья, точно не знаем. Можно лишь предполагать, что до появления бисера в отделке поясов применялись те

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

же материалы, что и в одежде в целом – кожа, мех, подшейный олений волос. Швы из оленьего волоса, белого или окрашенного в красновато-коричневый цвет, считаются наиболее древними декоративными швами у эвенков и эвенов [Иванов, 1963, с. 277–278]. Вид каждого такого шва очень похож на ряд бисера. Для украшения эвенки делали несколько рядов (линий) одного из таких швов, а промежутки закрашивали черной, бурой или коричневой краской [Василевич, 1969, с. 96]. Такое сочетание внешне очень напоминает сплошную бисерную вышивку плотными рядами, характерную для эвенкийских поясов. Поэтому не исключено, что бисер занял место именно этого типа отделки с использованием волоса оленя.

В целом приходится констатировать, что, хотя определенная информация о поясах эвенков, эвенов и юкагиров все же получена, она далеко не полна и крайне отрывочна. Работу по ее собиранию необходимо продолжить, и, возможно, новые данные внесут какие-то коррективы в предлагаемую сейчас схему.

Народы Северо-Востока Сибири – коряки, чукчи, кереки, азиатские эскимосы, ительмены

Общей особенностью для народов этого региона было различие в традициях ношения поясов у мужчин и женщин. Литературные данные и материалы музейных коллекций свидетельствуют о том, что пояса являлись обязательным элементом в мужской одежде, но не использовались, за редким исключением, в женской. Поэтому все рассматриваемые в данном разделе пояса являются мужскими. Второе, на что хотелось бы обратить внимание: музейные собрания по народам Северо-Востока содержат значительно большее количество поясов в сравнении с собраниями по остальным регионам Сибири. Во многом это явилось результатом работы Северо-Тихоокеанской Джезуповской экспедиции 1897–1903 гг. Участвовавшие в ней с российской стороны В.Г. Богораз и В.И. Иохельсон собрали не только огромный научный материал, опубликованный затем в серии трудов Джезуповской экспедиции, но также и значительные этнографические коллекции по народам Чукотки и Камчатки, содержащие и материалы по поясам. К сожалению, в соответствии с условиями работы в экспедиции М.К. Джезупа все собранные в ее ходе экспонаты поступили в фонды Американского музея естественной истории (АМЕИ) в Нью-Йорке. Лишь небольшая их часть, оформленная затем в виде коллекции № 956, насчитывающей около 200 предметов, была передана в 1905 г. в Музей антропологии и этнографии в Санкт-Петербурге. В двух этих музейных центрах материалы В.Г. Богораза и В.И. Иохельсона хранятся и по сей день. Лучше всего в этих коллекциях представлены корякские пояса, составляющие в общей сложности 16 экземпляров. Из них 12 поясов находятся в АМЕИ и 4 – в МАЭ. Чукотских насчитывается 11 экземпляров: 4 в АМЕИ и 7 в МАЭ. Кроме этого, имеется два пояса по эскимосам (по одному в АМЕИ и МАЭ), один ительменский (камчадальский) пояс в АМЕИ и 3 пояса кереков в МАЭ.

Хотя корякские пояса представлены наибольшим количеством экземпляров (16), изучение их ненамного облегчается этим благоприятным, каза-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

лось бы, обстоятельством. Два фактора создают здесь определенные трудности. Первый обусловлен значительной дробностью корякского этноса, в составе которого в разные периоды исследований лингвисты и этнографы выделяли до девяти этнолокальных подразделений, не считая того населения, которое вообще трудно было причислить к какой-то определенной группе. Это прежде всего два самых крупных корякских подразделения – оленные чавчувены и разделявшиеся на кочевых и оседлых алюторцы (последние выделены в настоящее время в самостоятельный этнос), а также семь оседлых приморских групп – паланцы, каменцы, паренцы, итканцы, карагинцы, апукинцы, кереки (последние тоже считаются теперь отдельным этносом). Их история отражает сложные этнические взаимодействия, протекавшие как внутри этноса, так и вне его – с соседними ительменами, чукчами, юкагирами, эскимосами, эвенами. Поэтому при всей общности конструкции и художественного оформления традиционной одежды каждая корякская группа отличалась своими специфическими чертами, проявлявшимися в каких-то локальных особенностях костюма в целом и поясов в том числе.

Второй фактор, создающий сложности для воссоздания более или менее цельной картины и некоторых общих выводов, – это то, что среди музейных поясов корякские группы представлены крайне неравномерно. Лучше обеспечены материалом те коряки, которые были обследованы В.И. Иохельсоном, т.е. расселенные по побережью Пенжинского залива, откуда привезено 14 поясов. Из них больше всего данных по каменцам (7 экз.) и итканцам (3 экз.). Однако четыре пояса из этой местности происходят, судя по их локализации (с. Кушка в устье р. Гижиги и р. Таполаска/Таполярка – современная Тополовка?) от оседлого корякского населения западного побережья Гижигинской губы, которое уже в конце XIX в. из-за сильной ассимиляции не относилось ни к какой локальной группе. Большая часть этих коряков обрусела, и родной язык если и знали, то плохо и не все. Как писал В.И. Иохельсон, «они говорят своим особым русским наречием, а также по-тунгусски, так как часто приходят в соприкосновение с тунгусами, приезжающими летом в Наяхан на ярмарку. Живут они <...> в бревенчатых избах по образцу русских» [Иохельсон, 1997, с. 36].

Еще два пояса были привезены В.И. Иохельсоном с восточного побережья Камчатки от карагинцев, сформировавшихся, как показали исследования С.Н. Стебницкого, в результате тесного взаимодействия между коряками-алюторцами и северо-восточными ительменами [Стебницкий, 2000, с. 35–36]. Три пояса характеризуют также культуру кереков. Таким образом, представлены только четыре этнолокальные группы, выделяемые до последнего времени среди коряков, причем самые малочисленные из них, а также сильно обрусевшее население побережья Гижигинской губы. Из оседлых приморских групп отсутствуют пояса по наиболее многочисленным алюторцам и паланцам, а также по менее крупным апукинцам и паренцам. Но главная проблема состоит в том, что в музейных материалах совершенно не представлена оленная часть корякского этноса – тундровые оленеводы-чавчувены, что к тому же усугубляется почти полным отсутствием информации об их поясах и в литературе. Поэтому необходимо иметь в виду, что нам приходится рассматривать корякские пояса, основываясь только

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

на данных по оседлым береговым группам, что, к сожалению, снижает уровень обобщений и степень достоверности работы. При этом везде, где материал все-таки позволяет сделать это, подчеркиваются локальные особенности поясов.

Коряки. У коряков пояс был важным элементом мужской одежды, а в женской он встречался очень редко.

Рис. 40. Сцена национальной корякской игры. Все мужчины подпоясаны, а женщины – нет. МАЭ, № 2826–1128.

Мужчины носили подпоясанными два вида кухлянок: домашние ровдужные и короткие меховые дорожные. Длинные дорожные кухлянки и камлейки не подпоясывали [Иохельсон, 1997, с. 128]. В работе Н.В. Слюнина об этом сказано так: верхняя домашняя коряцкая кухлянка «всегда носится с поясом, вторая, ради свободы движений, – без онаго» [Слюнин, 1900, с. 381]. Женщины подпоясывались только в том случае, когда они, находясь вне яранги, надевали для работы или в дороге поверх своего традиционного комбинезона верхнюю одежду, совпадавшую по покрою и материалу с мужской зимней кухлянкой. Такую кухлянку, имевшую свободный просторный крой, женщины и подвязывали, как пишет Н.В. Слюнин, широким поясом [Там же, с. 381–382]. Однако как он выглядел и отличался ли чем-нибудь от мужского пояса, точно мы не знаем, поскольку ни в музейной документации, ни в опубикованных описаниях указаний на женские пояса не встречено. Пояс не входил и в женскую погребальную одежду, в то время как у мужчин он составлял ее обязательную часть [Иохельсон, 1997, с. 128].

Свидетельства использования мужчинами поясов в отдаленные времена имеются и в фольклоре. Судя по преданиям, коряки употребляли в про-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

шлом на войне пращу, представлявшую собой длинный (150–180 см) и узкий нерпичий ремень с петлей на одном конце и расширенной средней частью, в разрез которой вкладывался камень для метания. Герои носили эту пращу, обвязывая вокруг талии как пояс, а камень служил им вместо пуговицы [Антропова, 1957, с. 197]. Предание о герое, использующем в сражении пращу, содержит много символического. В приводимом В.И. Иохельсоном тексте один из героев оказался застигнутым врасплох, «когда у него не было ни лука, ни копья, а только праща, которую он носил как пояс. Увертываясь от стрел врага, он с такой силой метнул в него пращу, что ремень несколько раз обвился вокруг тела противника и разрезал его пополам» [Иохельсон, 1997, с. 101]. Праща предстает здесь самым древним и мощным оружием коряков, с помощью которого они сказочно легко побеждают своих врагов. Причем праща всегда находится у героя под рукой, он постоянно держит ее при себе, надевая как пояс, что еще более усиливает ее защитную функцию.

Пояса называются по-корякски *йийит* [Прыткова, 1976, с. 52]. Обычно их изготовляли из одного слоя выделанной нерпичьей кожи. Однако подчеркнем, что такой материал дают нам лишь музейные экземпляры, привезенные, как уже отмечалось, от оседлых береговых групп. В литературе же встречаются упоминания и о поясах из оленьей шкуры [Смолицкий, 1981, с. 87; Чубарова, 1981, с. 98; Декоративно-прикладное искусство, 2000, с. 15], которую, надо думать, использовали коряки-оленеводы. Ширина поясов варьировала от 1–2 см до 7–10 см, длина примерно соответствовала обхвату талии с учетом толщины меховой кухлянки. На обычных повседневных поясах сохранялся естественный цвет кожи либо ее окрашивали в светлые тона – белый (МАЭ, № 442–18, № 408–82 – кереки) или желтый (АМЕИ, № 70/8107 – карагинцы). А та часть коллекционных

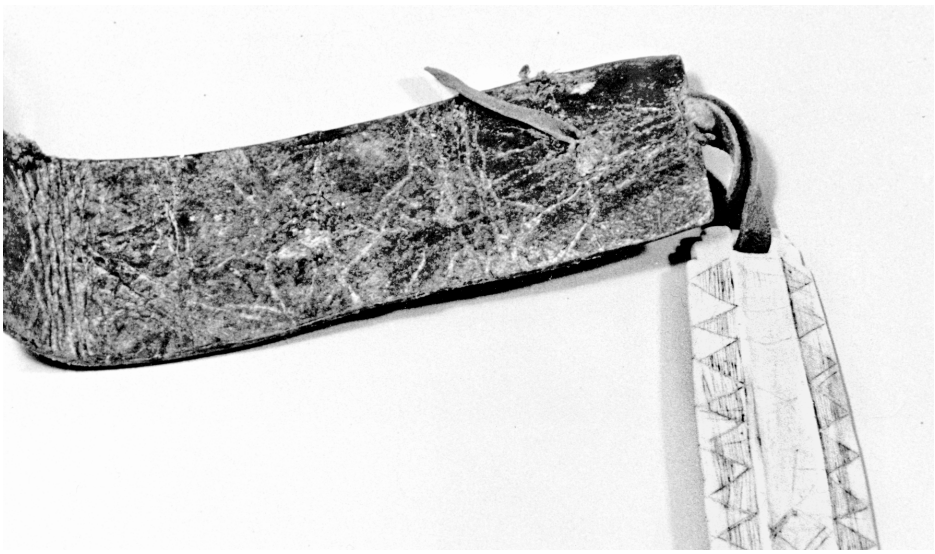

Рис. 41. Коряки (карагинцы). Старинная костяная пряжка на мужском поясе. МАЭ, № 956–140.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

экземпляров, которая окрашена в черный или темно-коричневый цвета, по-видимому, должна быть отнесена к погребальным, на что указывают прямые или косвенные данные (подробнее об этом ниже).

Свою широкую глухую кухлянку коряки подпоясывали с напуском, застегивая пояс спереди при помощи пряжки. Более распространенными к концу XIX в. стали металлические пряжки, но прежде их делали из клыков моржа или мамонта. Среди музейных экземпляров костяные пряжки присутствуют на двух поясах, принадлежавших карагинцам. В обоих случаях пряжки имеют вытянутую прямоугольную форму размерами 9,5 х 4 см (МАЭ, № 956–140) и 12 х 4,5 см (АМЕИ, № 70/8107). Изнутри каждая пряжка снабжена крючком для застегивания, а снаружи обе они украшены резным орнаментом в виде ряда треугольников, чередующихся с прямыми линиями. Любопытно, что сами пояса, на которых прикреплены такие нарядные пряжки, никак не украшены, хотя ширина их составляет 4,5 и 5,5 см.

Подобные пряжки были распространены у коряков и в середине XIX в. В этом можно убедиться, сравнив вышеописанные музейные экспонаты с двумя образцами, изображенными в альбоме-приложении к книге И. Булычева «Путешествие по Восточной Сибири» (Ч. I. Якутская область, Охотский край [1856, таблица «Изделия коряков», рис. 13–14]). И хотя И. Булычевым не уточняется, из какого именно района происходят эти костяные пряжки, все же ясно, что принадлежали они северным корякам, проживавшим на территории Охотского побережья. А значит, в прошлом ареал их бытования у коряков был значительно шире, чем у карагинцев.

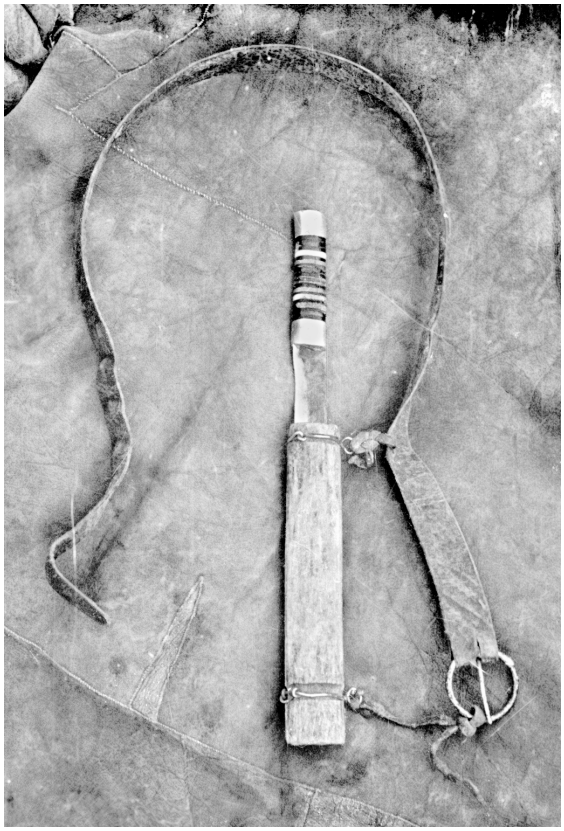

Рис. 42. Коряки. Мужской пояс из нерпичьей кожи с металлической пряжкой. МАЭ, № И–1964–98.

Металлические пряжки были двух типов: 1) небольшие, размером около 3 см, округлой или подпрямоугольной формы, с прямым подвижным язычком для застегивания. Изготовлены из железа, украшений не имеют. Укреплены на простых поясах без отделки.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

2) крупные пряжки, от 5 до 13 см длиной, в виде удлиненного прямоугольника. Изготовлены из меди или латуни, украшены насечкой или инкрустацией. Подвижный язычок в месте своего крепления S-образно изогнут, и нередко в его основание продеты дополнительные декоративные подвески. Эти пряжки, независимо от их локальной принадлежности, укреплены на поясах, имеющих особенно красивую отделку, в том числе и на погребальных.

Полотно узких поясов, в 1–2 см шириной, не украшали, а более широкие виртуозно расшивали красочными узорами. В этнографической литературе, начиная еще с работ В.Г. Богораза, существует суждение, что традиционная одежда коряков отличалась от одежды соседних народов более высоким мастерством художественной отделки [Иванов, 1963, с. 164–165; Прыткова, 1976, с. 71; Кочешков, 1989, с. 59]. В определенной степени это относится и к корякским поясам, которые выглядят самыми нарядными на Северо-Востоке Сибири.

Применялись различные способы украшений и самый разнообразный материал: кожа, олений волос, бисер, фабричные нитки. Аппликация кожей по коже встречается на поясах в виде кругов и квадратиков, вырезанных из светлой кожи белого или желтого цветов и нашитых на темную основу. Использовали и такую разновидность аппликации, как пришивание к коже маленьких прямоугольных кусочков (язычков) светлой кожи. Их либо пришивали к основе одним верхним краем (и тогда они имели вид «флажков»), либо крепили плотно и вверху, и внизу. Коряки-каменцы украшали пояса четырьмя рядами светлых кожаных язычков, пришитых только сверху, как маленькие «флажки» (АМЕИ, № 70/3069).

Применялись в корякских поясах и декоративные швы из белого подшейного волоса оленя. Такая вышивка использовалась обычно в комбинации с какой-либо другой техникой декора. Прямые горизонтальные швы из оленьего волоса могли сопровождать аппликацию в виде кожаных квадратиков коричневого и белого цветов (МАЭ, № 956–-54 – погребальный пояс итканцев), или края темно-коричневого пояса, расшитого оленьим волосом, обшивались горизонтальными полосками белой кожи (МАЭ, № 956–16 – каменцы).

Часто встречается на корякских поясах и особый комбинированный шов, при котором олений волос пропускался через кожаные петли, образуемые светлыми ремешками, продетыми через вертикальные разрезы в черной или коричневой коже. Этот способ, названный В.И. Иохельсоном техникой прорезной вышивки (slit embroidery), был впервые описан им в начале XX в. [Jochelson, 1908, с. 690]. С.В. Иванов при рассмотрении данного приема в «Орнаменте народов Сибири» также использовал термин slit embroidery, принятый в англоязычной этнографической литературе [Иванов, 1963, с. 203]. Основа пояса при этой технике окрашивалась в черный или коричневый цвет. В поясе делали ряды вертикальных парных прорезей, через которые пропускали светлый ремешок, а затем в промежутки между светлым ремешком и темной основой пропускали олений волос, создавая неповторимый своеобразный узор, различные комбинации которого очень характерны для корякских поясов.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

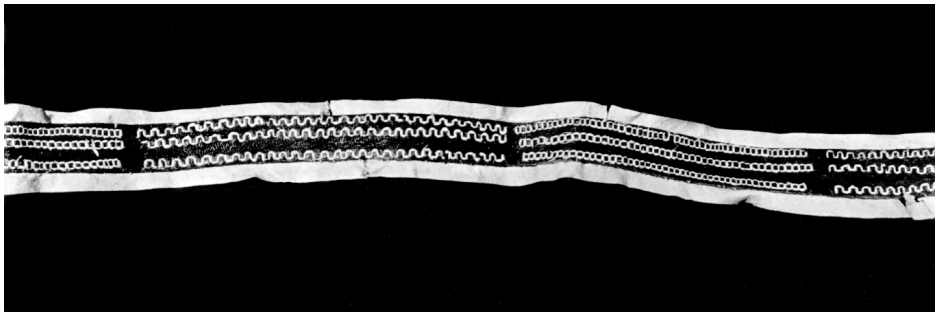

Рис. 43. Коряки (каменцы). Пояс, расшитый оленьим волосом в технике прорезной вышивки. МАЭ, № 956–16.

Среди коллекционных корякских поясов этот способ, считающийся одним из древних приемов декорирования кожаных изделий у народов Северо-Востока, встречается на пяти экземплярах. Во всех случаях полотно пояса окрашено в черный или темно-коричневый цвет. О двух поясах имеются указания, что они предназначались для погребальной одежды (АМЕИ, № 70/3499 – обрусевшие гижигинские коряки, № 70/3344 – итканцы). Еще три пояса, привезенные от каменцев, судя по характеру украшений, скорее всего, тоже являются погребальными (АМЕИ, № 70/2889, № 70/3235, МАЭ, № 956–16), хотя музейная документация об этом умалчивает. Случайно ли такое совпадение или здесь имеется какая-то связь, пока неясно, но к этому вопросу мы вернемся позже, в сюжете о погребальных поясах.

Бисер редко употреблялся народами Северо-Востока, но коряки применяли и этот материал, расшивая им и пояса, и подвешенные к ним сумочки. По-видимому, бисерные пояса чаще встречались в приморских (береговых) группах, в то время как для тундровых оленеводов-чавчувенов они были менее характерны. Во всяком случае именно о приморских коряках писал В.И. Иохельсон, когда отмечал, что у них «пояса часто вышиты стеклянным бисером», и из всех приморских групп он выделял в этом отношении алюторцев [Иохельсон, 1997, с. 129, 163]. Это подтверждается и данными Н.Ф. Прытковой, отметившей, что у алюторцев в районе бухты Корфа были распространены широкие пояса (около 10 см), сплошь расшитые цветным бисером, расположенным концентрическими овалами [Прыткова, 1976, с. 52].

Среди музейных экземпляров отсутствуют пояса из алюторской группы, но есть бисерный пояс, привезенный от ближайших южных соседей алюторцев коряков-каменцев (АМЕИ, № 70/2957, этот же пояс изображен в монографии В.И. Иохельсона [1997, с. 129, рис. 88]. Правда, из всех корякских поясов, хранящихся в фондах МАЭ и АМЕИ, он единственный отделан бисером. Такое соотношение, очевидно, нужно расценивать как признак того, что все-таки бисерные пояса были не столь уж распространенными у коряков.

В связи с этим крайне любопытно замечание Е.П. Орловой, сделанное ею в статье, написанной по результатам обследования в 1926–1927 гг. не-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

скольких групп оленеводов-чавчувенов, кочевавших в камчатской тундре к югу от р. Тигиля. Описание Е.П. Орловой – это, пожалуй, единственное свидетельство, об употреблении бисера оленными коряками, которым мы располагаем, поэтому приведем его полностью. «Обычно, – пишет Е.П. Орлова, – бисером украшают детские костюмы, иногда даже сзади на поясе детской одежды пришивают колокольчики и в местах прикрепления их делают розетки из яркого бисера. Для украшения одежды взрослых идет большей частью не мелкий бисер, а крупные «корольки» [Орлова, 1929, с. 87–88]. Здесь очевидно проявление защитной функции бисера, пришиваемого на детскую одежду вместе с колокольчиками. Но, главное, что важно для нашей темы: у оленных коряков «иногда одежда обшивается бисером», что, по мнению автора, «заимствовано от ламутов» [Там же, с. 87]. Аналогичное мнение высказывал и В.Г. Богораз относительно чукчей. Он считал, что чукчанки в вышивании бисером лишь подражают эвенским женщинам [Богораз, 1991, с. 163].

Рассмотрим подробнее, как выглядит единственный бисерный пояс, которым мы располагаем, принадлежавший каменцам и хранящийся в АМЕИ. Ширина его 7 см, общая длина 110 см. Расшитая бисером часть составляет 70 см. С левой стороны к поясу прикреплена массивная металлическая пряжка, украшенная насечкой, справа – зауживающийся к концу ремешок длиной 32 см с рядом сквозных отверстий для застегивания. Бисер нашит концентрическими рядами. Начиная от центра к краю идут три красных ряда, затем – три белых (причем в среднем ряду здесь добавлено равномерное чередование с черным цветом), опять три красных, один белый, и последний к краю ряд опять составляет белый с чередованием черного. В книге В.И. Иохельсона [1997, с. 163] при публикации этого пояса почему-то вместо красного назван синий цвет (видимо, это типографская ошибка или описка).

В музейной документации МАЭ сохранилось краткое описание еще одного корякского пояса, «сплошь орнаментированного бисером». Он происходил, как и выше рассмотренный пояс, из локальной группы каменцев, но был впоследствии утрачен, поэтому данные о нем ограничиваются только записью регистратора, которую приведем полностью. В описи зафиксировано, что орнамент представлял собой «прилегающие друг к другу прямые линии вдоль пояса. Три средние линии из красного бисера, шесть крайних (по три с обеих сторон красных линий) – из белого бисера, причем средняя полоска составлена вперемежку из белого и синего бисера» (МАЭ, опись коллекции № 956–34 ав, регистратор В.Н. Васильев). Как видим, в основном это описание совпадает с тем, что было приведено выше и по цветовой гамме (заменен только черный цвет на синий), и по узору, состоявшему, как и в первом случае, из замкнутых рядов бисера.

Принцип расположения бисера концентрическими рядами сохраняется и в современных корякских поясах. Однако на них мы видим иной орнаментальный узор, включающий не только полосы, но и ромбы, насколько можно судить по двум экземплярам второй половины XX в., хранящимся в Сахалинском областном художественном музее. Правда, каталог этого музея, в котором опубликованы краткие аннотации и фотографии данных

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

поясов, называет местом их происхождения Камчатку без уточнения локальной группы или района проживания коряков, но при этом подчеркивается, что бисер нашит на ровдужную полосу, «как это предписывалось традиционной старинной техникой» [Декоративно-прикладное искусство.., 2000, с. 15]. Здесь, во-первых, очень важно упоминание ровдуги, свидетельствующее об изготовлении данных поясов не из нерпичьей кожи, а из оленьей, скорее всего коряками-оленеводами. Во-вторых, делается упор на старинную технику, поэтому есть основания считать, что, несмотря на современный характер изделий, в этих поясах сохранен традиционный стиль украшений. А это значит, что музейные собрания рубежа XIX–XX вв. отражают лишь малую часть того многообразия орнаментальных рисунков, которыми в действительности могли обладать в прошлом бисерные пояса коряков.

Коряки подвешивали к поясу нож в ножнах и кисет (или футляр с табакеркой), иногда щипчики для выдергивания волос. Как пишет Е.П. Орлова об оленных чавчувенах, «парка мужчин всегда туго подпоясана ременным поясом, на котором спереди привешен нож в ножнах, а с боку колтон с лемешиной, стальные щипчики для выщипывания волос из усов и бороды и стальная же ковырялка для ушей». Колтон – это коробочка с плотно закрывающейся крышечкой, где хранили так называемую лемешину – специально приготовленную смесь с табаком, которую периодически закладывали за щеку [Орлова, 1929, с. 89]. Обратим внимание на расположение ножен «спереди», к чему вернемся позднее, и перейдем к рассмотрению ножей.

У коряков существовало несколько видов ножей, различавшихся по размеру и назначению. Из них на поясе носили лишь тот, который назывался поясным – *itit-wal* или *yecet-wal*. Его использовали чаще других и с самыми разнообразными целями, как пишет В.И. Иохельсон: для еды, потрошения рыбы, закалывания оленя, срезания шерсти с оленьих шкур, вырезания предметов из дерева, резьбы по кости. Длина ножа вместе с ручкой в среднем 30 см, длина лезвия 17–18 см. Каждый коряк, даже 6–7-летний мальчик, уже имел у себя на поясе такой нож [Стебницкий, 2000, с. 141]. Женщины носили его обычно заткнутым в голенище обуви и очень редко у пояса [Иохельсон, 1997, с. 135].

Ножны делали деревянными, составленными из двух пластинок, скрепленных проволокой или ремнями, либо изготавливали их из толстой нерпичьей кожи. Подвешивали ножны на поясе обычно рядом с пряжкой – непосредственно за ней или на расстоянии 4–5 см от нее, так что нож оказывался «спереди», как и подчеркивала Е.П. Орлова.

Крепили ножны на двух ремешках, либо плотно пришитых к поясу, либо закрепленных в нем через сквозные прорези. Ремешки для подвешивания делали разной длины, чтобы ножны находились в наклонном положении и рукоятка ножа была слегка приподнята вверх. На музейных поясах ножны чаще всего располагаются справа, но встречается и левостороннее крепление. Даже в книге В.И. Иохельсона [1997, с. 129] на иллюстрации, изображающей рядом друг с другом два корякских пояса, на одном ножны подвешены справа, а на другом – слева. В литературе указаний на

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

Рис. 44. Коряки. Современный оленевод в традиционной одежде с поясом (Новая жизнь народов Севера. М., 1967).

предпочтение в локализации ножен у коряков – справа или слева – не встречено. Но исходя из сопоставления с чукотско-эскимосской традицией, предписывавшей ношение ножен справа, можно полагать, что и у коряков было в принципе принято то же. А случаи левостороннего крепления ножа должны объясняться индивидуальными привычками левши.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

Есть сведения, что мужчины носили на себе еще один нож, который по сравнению с поясным был более внушительным по размерам. Его общая длина составляла 45–50 см, а лезвие было 20–25 см при ширине 4–5 см. Назывался он *yo-wal*, что значит бедренный нож, потому что, как объясняет В.И. Иохельсон [Там же, с. 135], «его носят не на поясе, а привязывают у правого бедра, под кухлянкой, так что его легко вытащить правой рукой». Из данного описания остается, однако, неясным, каким именно образом крепился этот нож. В другой работе находим пояснение, что такой нож «охотники носят на ремне, прикрепленным к поясу под верхней паркой, и, чтобы ножны не болтались при ходьбе (ведь нож достаточно массивен и тяжел), их привязывают еще и ремнем над коленкой» [Каплан, 1980, с. 84]. Очевидно, эту информацию надо понимать так, что для подвешивания бедренного ножа корякские мужчины надевали под кухлянку второй пояс, и крепление на нем ножен было аналогично способу, рассмотренному выше у нганасан, юкагиров, эвенов и эвенков.

Вторым предметом, который коряки обычно носили на поясе, был кисет. Его крепили двояко: либо на противоположном от ножен конце пояса, либо с той же стороны, где и ножны, непосредственно под ними (АМЕИ, № 70/3101 – каменцы; № 408–82 – кереки. См. этот способ на рис. 45). Кисет мог быть пришит плотно к самому полотну пояса (АМЕИ, № 70/3410 – гижигинские оседлые коряки, №70/3101 – каменцы), или его подвешивали на двух ременных петлях, надетых на пояс. В последнем случае имелся дополнительный ремешок, который фиксировал положение петель и не позволял кисету сдвигаться в сторону (МАЭ, № 956–67 – гижигинские оседлые коряки).

Кисет или футляр с берестяной табакеркой, трутом и кремнем представлял собой сумочку квадратной или близкой к квадрату (11,5 х 11,5 см, 11 х 10 см, 14 х 12 см) формы, сшитой из нерпичьей шкуры мехом наружу или из оленьей ровдуги. Отверстием служила прорезь, расположенная на 2–3 см ниже верхнего края. К краям прорези пришивали два ровдужных ремешка, на концы которых надевали бусины, обычно синего цвета (АМЕИ, № 70/3101 – каменцы). Скорее всего, они играли здесь ту же роль, что и бусины, подвешенные в других местах (к браслетам, к косичкам и т.д.), где, по представлениям коряков, они являлись оберегами от злых духов [Антропова, 1971, с. 79]. Наружную часть ровдужного кисета нередко сплошь расшивали бисером синего и белого цветов (АМЕИ, № 70/3410), а иногда использовали в его орнаменте и изображения человеческих фигурок [Иохельсон, 1997, с. 129, 163].

Необходимо остановиться также на погребальных поясах, которые обязательно входили в комплект мужской погребальной одежды. Несмотря на то, что подобная одежда в научной литературе описана довольно подробно, пояса в ней только упоминаются, и музейные коллекции могут дать здесь важный дополнительный материал. Для сравнения отметим, что у чукчей тоже существовала традиция изготовления мужской погребальной одежды, но в музейных собраниях она совсем не представлена, а ее опубликованные описания [Прыткова, 1976, с. 33–35] не содержат данных о поясах.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

В музейной документации из 16 корякских поясов погребальными названы четыре экземпляра, три из которых принадлежат итканцам (МАЭ, № 956–54; АМЕИ, № 70/3343, 70/3344), а четвертый, привезенный из с. Кушка, – обрусевшим гижигинским корякам (АМЕИ, №70/3499). Однако можно полагать, что к погребальным следует отнести большее количество поясов, чем указано в сопроводительных материалах. Основание для этого дают некоторые косвенные данные, прежде всего – особенности украшения самих поясов, а также сравнительный материал по погребальной одежде в целом.

По исследованию Н.Ф. Прытковой, проведенному на основании разнообразных источников, включая и основополагающую монографию В.И. Иохельсона, погребальную одежду коряки делали всегда белого или – реже – светло-серого цвета и особым образом ее украшали, так как по традиции погребальная одежда должна была быть очень красивой [Прыткова, 1976, с. 63, 64]. Пользовались такими приемами, как вшивание в продольные швы полос черной кожи, орнаментированных белым оленьим волосом или кожаной аппликацией, а также подвески с нанизанными кисточками из шерсти нерпы, окрашенной в красный цвет. Все четыре пояса, определенно названные погребальными, тоже окрашены в темный – черный или коричневый – цвет и отделаны каким-либо из перечисленных способов.

Кроме того, известно, что погребальную одежду готовили заранее и, как правило, полностью не завершали при жизни человека, для которого она предназначалась, опасаясь, что это может ускорить наступление его смерти. Из-за этого хранили погребальную одежду в незаконченном виде – без опушки у капюшона, без подошв у обуви и т.д. Пояса по этому же принципу оставляли без пряжек. В музейных коллекциях хранятся четыре таких поясных заготовки (у которых отсутствуют пряжки), принадлежавшие каменцам, итканцам и керекам. Три из них окрашены в черный цвет и одна – в темно-коричневый.

Обращает на себя внимание и то, что ни на одном поясе из числа тех, которые точно или хотя бы предположительно можно отнести к погребальным, нет никаких подвесок, даже ножа в ножнах. Таким образом, выделяются несколько признаков принадлежности пояса к погребальной одежде. Полотно пояса должно быть окрашено в темный цвет, особенно тщательно украшено, часто с использованием оленьего волоса и крашеного меха нерпы, пряжки богатые либо их нет совсем, а также полностью отсутствуют подвески. Конечно, каждый из названных признаков сам по себе еще не может означать именно погребальной принадлежности пояса, но взятые в комплексе они достаточно убедительно свидетельствуют об этом. Совпадение всех выявленных признаков обнаруживается на девяти поясах, т.е. получается, что свыше половины коллекционных экземпляров могут быть отнесены к погребальным. Почему так много? Возможно, повлияло как раз то, что, будучи заранее сшитыми для погребального обряда, эти пояса хранились у их владельцев, и именно поэтому В.И. Иохельсону удалось приобрести их.

Три погребальных пояса привезены от итканцев и определены в качестве погребальных самим собирателем. На двух из них (МАЭ, № 956–54;

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

АМЕИ, № 70/3343) в средней части нашиты кружки белого цвета, вырезанные из кишок морских животных, а сверху и снизу от кружков идут по две полосы, вышитые подшейным волосом оленя, между которыми в шахматном порядке пришиты квадратики белой кожи. Пояс под № 956–54 обшит, помимо этого, по краям полосками белой кожи. Третий пояс итканцев (АМЕИ, № 70/3344), а также пояс гижигинских коряков (АМЕИ, № 70/3499) декорированы прорезной вышивкой. Эта же техника представлена, как уже говорилось выше, еще на трех поясах, привезенных от каменцев и определяемых нами тоже в качестве погребальных (АМЕИ, № 70/2889, № 70/3235; МАЭ, № 956–16). Интересно, что на других корякских поясах, не имеющих признаков погребальных, прорезная вышивка не встречается. Исходя из этого можно предположить, что такая трудоемкая старинная техника, требующая от мастериц больших затрат сил и времени, к концу XIX в. применялась уже в первую очередь для изготовления именно обрядовых погребальных поясов, требовавших не только самого высокого уровня отделки, но и безусловного соблюдения традиций.

Помимо прорезной вышивки, на погребальном поясе гижигинских коряков пришиты еще шесть меховых подвесок, расположенных примерно на равном расстоянии друг от друга. Каждая такая подвеска длиной около 14 см составлена из нашитых на тонкий кожаный ремешок маленьких кусочков меха молодой нерпы, окрашенного в красно-коричневый цвет (АМЕИ, № 70/3499). Богатое декоративное оформление данного пояса обращает на себя внимание еще и потому, что является свидетельством сохранения гижигинскими обрусевшими коряками самобытных черт своей традиционной культуры, несмотря на давно идущие у них процессы ассимиляции. Пояс, таким образом, выступает здесь ярким выразителем этнической традиции, проявляющейся в нем не менее выпукло, чем в других элементах культуры – хозяйства, быта, мировоззрения.

Чукчи. Сведения о поясах чукчей в литературе крайне редки. Даже такой великолепный знаток их культуры, как В.Г. Богораз, очень кратко упоминает о них при описании одежды в монографии, посвященной материальной культуре чукчей [Богораз, 1991, с. 177–178]. Но благодаря тому, что мы располагаем 11 музейными экземплярами, удается все же составить о них более или менее цельное представление. Причем, несмотря на то, что чукотских поясов у нас значительно меньше, чем корякских, о них складывается довольно ясная картина. Причина в том, что, хотя по хозяйственному признаку чукчи, как и коряки, разделяются на оленных и приморских (береговых), все же их этнос сохранил гораздо большую компактность и значительное единство в языке и культуре. Поэтому в чукотских поясах мы не видим того мозаичного разброса признаков, с которым столкнулись на примере коряков.

Выше уже отмечалось, что чукотские женщины поясов не носили. А мужчины обязательно подпоясывались поверх плечевой одежды, которая была у них того же типа, что и у коряков. Стянутая поясом широкая глухая меховая кухлянка высоко поднималась, образуя напуск и давая, таким образом, полную свободу движений рукам и телу [Каллиников, 1912, с. 69].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

Чукотское название пояса *ричит* [Прыткова, 1976, с. 12]. На изготовление поясов шли выделанные нерпичьи или оленьи (чаще камусные) шкуры. Простейший пояс представлял собой узкую полосу кожи длиной около 1 м. В некоторых случаях эта ременная полоса обшивалась с изнанки хлопчатобумажной тканью, так что края подклада чуть выступали наружу в виде узкого канта (МАЭ, № 1791–173, №1791–175). Но чаще чукчи, в отличие от коряков, шили пояса двухслойными, для чего складывали вдвое один цельный кусок кожи либо два куска сшивали вместе. Это могли быть две полосы меха (мех нерпы внутрь, камусный – наружу), или одна полоса нерпичьего меха внутрь, а другая кожаная наружу, или два слоя нерпичьей кожи.

Застегивались пояса спереди на пряжку, пуговицу или крючок. Самым простым способом было привязывание к одному концу пояса обычного маленького камушка, который, как пуговицу, продевали в петлю, прорезанную на противоположном конце пояса [Богораз, 1991, с. 178]. В.Г. Богоразом было высказано предположение, что подобные пояса с маленькой галькой вместо пуговицы могли являться подражанием боевой праще, которая была широко распространена у чукчей, так же как и у коряков [Антропова, 1957, с. 197]. Более сложным было применение в застежке специальных костяных пуговиц (МАЭ, № 1791–171) или крючков (МАЭ, № 1791–172).

Но самым характерным являлось застегивание пояса при помощи пряжки. В этом случае противоположный от пряжки конец пояса был заужен и имел ряд сквозных отверстий. Пряжки делали округлыми или в форме вытянутого прямоугольника, из кости или железа. Металлические пряжки с подвижным язычком были двух видов. Среди них встречаются как очень простые и небольших размеров экземпляры, так и довольно массивные, украшенные насечкой (АМЕИ, № 70/6615). О разнообразии пряжек и, возможно, об отсутствии в их формах жестких канонов свидетельствует замечание Н.Ф. Калиникова о том, что пояса у чукчей скреплялись «какой-либо пряжкой, сообразно фасону и вкусу владельца» [Калинников, 1912, с. 69].

Декоративную отделку имели только широкие (в 3–5 см) пояса, в то время как узкие, в 1–2 см шириной, не украшались. Эти последние обычно и сочетались с простыми пряжками. Распространенным материалом как для изготовления самих поясов, так и для их художественной отделки была мандарка – особым способом обработанная шкура нерпы, которая после удаления с нее волосяного покрова в результате тщательной выделки приобретала красивый белый или мягкий бежевый цвет [Чубарова, 1981, с. 92].

При украшении поясов часто использовали аппликацию кожей по коже – в виде полосок или квадратиков, а также четырехугольных розеток (МАЭ, № 1791–175). Встречался и такой прием, как пропускание узких ремешков через разрезы в коже (АМЕИ, № 70/6615) – способ отделки, широко распространенный также у коряков и азиатских эскимосов [Иванов, 1963, с. 198]. Применяли и вышивку подшейным оленьим волосом, а позднее и фабричными нитками (МАЭ, № 1791–173; № 408–81). Орнамент всегда был строго геометрический с преобладанием прямолинейных форм.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

Каждый мужчина обязательно носил на поясе нож в ножнах, реже к поясу крепились и некоторые другие предметы. Как пишет Н.Ф. Калликников, у мужчины на поясе всегда висит «нож в кожаной оправе, без которого чукча никогда не обходится, маленькая коробочка или кошелек из кожи, куда кладется щепоть табаку, пара гвоздей и тому подобная мелочь, и, наконец, маленький брусок, просверленный на одном конце и на особом ремешке привешиваемый к поясу сзади» [Калиников, 1912, с. 69]. Однако все прочие вещи, кроме ножа, чаще подвешивали на ремне вокруг шеи, так что они оказывались спрятанными на груди под меховой кухлянкой. По описанию доктора К. Мерка, посетившего чукчей в конце XVIII в., как правило, это были кисет с табаком, курительная трубка, предметы для высекания огня – кремень и огниво, а также оселок для затачивания ножей и «полая трубочка из ноги большой птицы для посасывания воды во время путешествий» [Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции, 1978, с. 111].

Рис. 45. Чукчи. Современный оленевод в традиционной одежде с поясом, на котором подвешены сдвоенные ножны (Северные просторы, 1989, № 1).

Таким образом, единственным предметом, который всегда подвешивали к поясу, был только нож, а расположение остальных вещей могло варьироваться (либо на поясе, либо на шее). Нож вкладывали в ножны, сшитые из сложенного пополам целого куска кожи. Ножны крепились к поясу с правого бока. Их подвешивали на двух ремешках, один из которых (более длинный) привязывали непосредственно к пряжке, а второй (покороче) прикрепляли к полотну пояса, так что ножны находились спереди в наклонном положении (АМЕИ, № 70/6615; № 70/6221). Встречались у чукчей и сдвоенные ножны, в которые одновременно вкладывались два ножа, но их конструкция,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

как это видно по фотографии, отличалась от устройства подобных ножен и у юкагиров, и у манси.

Наряду с ношением ножа на поясе у чукчей отмечен еще и способ его крепления на бедре, аналогичный корякскому. Причем, так же как у коряков, данные об этом способе очень кратки и не совсем понятны, поэтому приведем их полностью. А.В. Олсуфьев отмечал, что «маленький ножик» висит на тонком ременном поясе, которым обычно стянута кухлянка, а «большой нож прикреплен сбоку, вдоль бедра, к штанам» [Олсуфьев, 1896, с. 103]. Это совпадает с тем, что было принято у коряков, которые разные виды ножей тоже носили по-разному: меньшего размера нож – на поясе, а более крупный – на бедре. Но любопытно, что К. Мерк в конце XVIII в. несколько разделял информацию на эту тему относительно оленных и береговых чукчей. Он писал: «Обычно каждый оленный чукча носит нож на наружной стороне правого бедра». А оседлые чукчи носят свои ножи «или подвязанными на пояс, или на правом бедре» [Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции, 1978, с. 111–112]. Не располагая, ввиду недостатка данных, какими-либо уточнениями на этот счет, остановимся пока на самом общем суждении, что чукчи, подобно корякам, практиковали оба способа ношения ножей - и на поясе, и на бедре.

Прикрепление к поясу являлось у чукчей и одним из широко употребляемых способов ношения амулетов, наряду с тем, что их подвешивали также на шее или крепили непосредственно к самой парке. Эти предметы играли роль личных охранителей и имели самую разнообразную форму – от простейшего изображения человека до обычной бусины. Но наиболее распространенными являлись вырезанные из развилок ветвей дерева схематичные антропоморфные фигурки размером 3–6 см, которые воспринимались индивидуальными защитниками их владельцев. К. Мерк в конце XVIII в. так описал эти изделия: у чукчей есть «маленькие божки – Gamangau, или Okamak, которые они носят прикрепленными к поясу или, как у женщин и детей, прикрепленными сверху к меховой парке и которых считают своими защитниками и охранителями. Божки представляют собой вилкообраз-

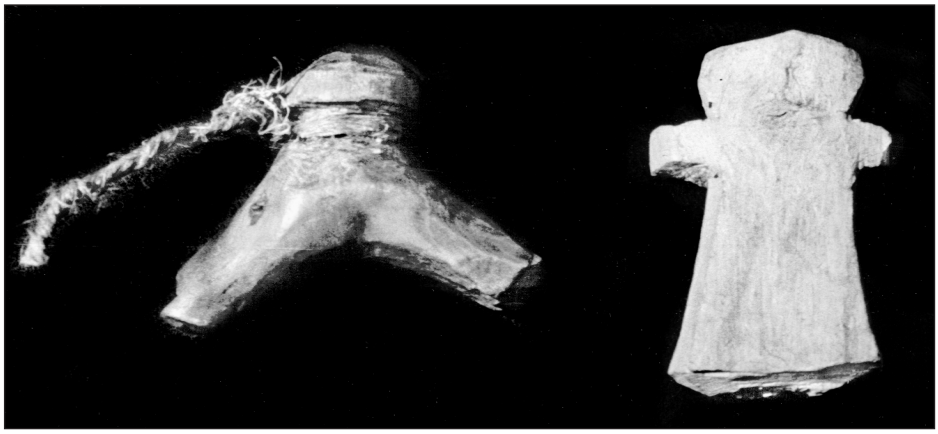

Рис. 46а. Чукчи. Личные охранители, носимые на поясах.
МАЭ, № 422–71, № 422–72.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

Рис. 46б. Чукчи. Личные охранители, носимые на поясах.
МАЭ, № 422–71, № 422–72 (связка).

ные веточки, на нижних концах которых вырезаны как бы ступни ног, а наверху имеют закругление в виде головы, за которую чукчи и привязывают их ремешками» [Там же, с. 101].

Другим видом личных охранителей, подвешиваемых на поясе сзади примерно посередине спины, были цветные бусины (АМЕИ, № 70/6946), которые, судя по сообщению Г.У. Сведрупа, почитались прежде всего чукчами-оленеводами. «Почти у всех пастухов, – пишет Г.У. Сведруп, – встречались короткие низки, состоящие из трех бус, как правило синего, белого и красного цвета. Эти низки привязывались сзади на пояс. Служили они охранителями оленеводов во время дальних путешествий и при выпасе оленей» [Сведруп, 1930, с. 320]. Подвешивали к поясу и вырезанные из кости фигурки животных, как, например, на поясе, хранящемся в АМЕИ под № 70/6221. Здесь сзади на коротком ремешке прикреплена костяная фигурка какого-то зверя, возможно собаки, с двумя головами, и рядом с ней голубая бусина.

В.Г. Богораз об охранителях на чукотских поясах написал следующим образом: «Иногда пояса грубо украшаются бубенцами, пуговками и прочими звучащими предметами. Сзади пришиваются ремешки, связанные в узлы; они играют роль амулетов» [Богораз, 1991, с. 177–178].

Судя по литературе у маленьких детей и женщин из-за отсутствия у них поясов амулеты либо подвешивались на шее, либо пришивались прямо к кухлянке. Но в музейных коллекциях имеется один детский пояс с охранителями, принадлежавший, очевидно, мальчику-подростку. Этот

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

пояс (АМЕИ, № 70/6615 аб) числится детским по музейной регистрации, и он действительно выделяется небольшими размерами, характером отделки и подвесками. Как и для взрослых, пояс изготовлен двухслойным (мехом нерпы внутрь, кожаной полосой светло-желтого цвета наружу) и снабжен массивной металлической пряжкой, отделанной насечкой. Сверху он сплошь украшен в технике пропускания узких ремешков, в данном случае темно-коричневого цвета, через разрезы в коже основы (здесь она светло-желтая). На поясе, в соответствии с чукотской традицией, одним ремешком к пряжке, другим – недалеко от нее прикреплены ножны из сложенного пополам куска кожи, прошитого одним продольным швом.

В остальном пояс выделяется следующими особенностями. Во-первых, на его поверхности, прямо на кожаный узор, составленный из пропущенных в прорези ремешков, нашиты примерно на равном расстоянии друг от друга восемь старинных металлических пуговиц на ножке с изображением якоря. Во-вторых, сзади подвешен на коротеньком ремешке металлический колокольчик, изготовленный, по-видимому, из меди. И пуговицы, и колокольчик, несомненно, выступают здесь в функции детских оберегов, играющих роль «личных защитников», хотя по форме они несколько отличаются от «охранителей», обычно подвешиваемых на поясах взрослых мужчин. К данному поясу по особенностям отделки и характеру подвесок примыкает еще один коллекционный экземпляр, принадлежащий керекам, материалы по которым заслуживают того, чтобы рассмотреть их отдельно.

Кереки до недавнего времени причислялись к корякам, составляя среди них одно из самых малочисленных локальных подразделений, ныне же они получили статус самостоятельного этноса. Расселенные на самой северо-восточной окраине корякского ареала, в непосредственном соседстве с чукчами, они административно входят в состав Чукотского автономного округа. Исследования последней трети XX в., проведенные у кереков В.В. Леонтьевым, позволили ему отнести их к более древнему, чем чукчи и коряки, населению Северо-Востока Азии, которое в процессе своего исторического развития последовательно впитало в себя многие элементы сначала ительменской, а затем корякской и чукотской культур. Однако, несмотря на такое сложное этнокультурное воздействие, а также вопреки тому, что в течение последних двух столетий кереки пережили еще и значительную ассимиляцию со стороны более многочисленных чукчей, они все же до сих пор сохраняют самобытные черты культуры и многие этнические признаки [Леонтьев, 1973, с. 36–39; 1983].

Благодаря тому, что в 1898 г. МАЭ получил большое собрание этнографических предметов, собранное управляющим Анадырским округом Н.Л. Гондатти у нескольких народов этого региона, в том числе и кереков, мы располагаем уникальными материалами по их традиционной культуре, среди которых есть и три пояса. Два из них прямо обозначены как керекские, в то время как принадлежность третьего пояса не уточнена, но на нее указывают несколько признаков, прежде всего – своеобразный орнамент. Это пояс № 408–82, белое кожаное полотно которого обшито снаружи узкими полосками коричневой кожи. Полосы эти, группируясь попар-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

но, располагаются поперек пояса, и расстояние между каждой парой составляет примерно 6–7 см. Этот узор как бы пересекает полотно пояса несколькими рядами двойных полос, что очень напоминает орнамент из опо-

Рис. 47. Кереки. Пояс с ножнами и кисетом. МАЭ, № 408–82.

ясывающих линий, который В.В. Леонтьев считает типичным для керекской культуры. Кереки украшали таким рисунком наконечники стрел и копий, амулеты в виде фигурок [Леонтьев, 1983, с. 49–50]. Судя по данному поясу, его использовали также и в работе с мягкими материалами, вводя в декор предметов из кожи и меха.

Однако, кроме этого орнаментального признака, керекские пояса, пожалуй, не обнаруживают больше каких-то явных проявлений своей самобытности. В целом можно сказать, что они полностью укладываются в

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

тот общий тип, который характерен для остальных народов Северо-Востока Сибири. Их специфику составляет удивительное переплетение корякских и чукотских признаков. Так, керекские пояса либо изготавливались по-корякски из одного слоя кожи (МАЭ, № 442–18, № 442–38), либо делались по-чукотски двухслойными (МАЭ, № 408–82). При этом так же, как у коряков, повседневные пояса были белыми или светлыми, а погребальные шили из кожи, окрашенной в черный цвет (МАЭ, № 442–38). Застежкой служили металлические пряжки с подвижным язычком, среди которых встречались и совсем простые (маленькие четырехугольные), и более заметные (массивные, вытянутые, размером 13 х 5 см, с закругленными углами, украшенные насечкой и даже инкрустацией). На последних пряжках к основанию язычка прикреплялись дополнительные металлические подвески, изогнутые в виде крючка или лиры (МАЭ, № 442–18).

Для декоративного убранства керекских поясов наряду с рассмотренной выше кожаной аппликацией, воспроизводящей традиционный орнамент из двойных опоясывающих линий, была характерна вышивка оленьим волосом и сухожильными нитями, а позднее и цветными фабричными. Вышиваемые узоры состояли из геометрических фигур в виде концентрических кругов и различных волнообразных линий. Нить мастерицы не пропускали через кожу насквозь, а лишь слегка прихватывали ее за верхний край, поэтому на обратной стороне нет следов от швов (МАЭ, № 442–38), что характерно в целом и для всех корякских поясов.

С правой стороны к поясу подвешивались ножны. Два ремешка, на которых они держались, пришивались прямо к поясу, как у коряков, либо один из них по-чукотски крепился непосредственно к пряжке. Кисет пришивали к поясу с той же стороны непосредственно под ножнами, как было принято у коряков.

Один из керекских поясов выделяется тем, что в нем наиболее заметно влияние чукотских традиций. Кроме того, что ножны на нем крепятся по-чукотски - одним ремешком к пряжке, он имеет особые украшения и характерный набор подвесок (МАЭ, № 442–18). Так, подобно рассмотренному выше чукотскому детскому поясу, на данный пояс тоже нашиты сзади десять медных старинных пуговиц на ножке, распределенных с небольшой разрядкой. Но, самое главное, что здесь же, на спине, укреплены две вырезанных из дерева антропоморфные фигурки. Одна из них – высотой 5 см, остроголовая и более схематичная, плотно пришита непосредственно к полотну пояса. Вторая – менее условная, с круглой головой и прямыми плечами, высотой 2 см – подвешена на длинном узеньком ремешке. К сожалению, музейная опись не содержит никаких дополнительных разъяснений, но по аналогии с чукотскими поясными «охранителями» можно полагать, что данные амулеты также воспринимались «личными защитниками» владельца этого керекского пояса.

По исследованиям В.В. Леонтьева известно, что кереки подвешивали к поясу в качестве амулетов и другие изображения, например, фигурки птиц, в частности совы, вырезанной из моржовой кости и покрытой орнаментом из опоясывающих двойных и тройных линий. У шеи такая фигур-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

ка имела сквозное отверстие для продергивания ремешка. Для погребального обряда кереки шили специальную одежду, в состав которой входил и пояс, к которому подвешивали личные вещи умершего. Если покойника хоронили в море, то ему на пояс привязывали лодочку [Леонтьев, 1980, с. 239; 1983, с. 50, 63].

Эскимосы. У азиатских эскимосов, перенявших чукотский покрой верхней одежды – мужской кухлянки и женского кэркэра [Леонтьев, 1973, с. 103], пояса носили – так же, как у чукчей, только мужчины. Однако про эскимосов американского побережья Берингова пролива известно, что у них пояса использовались и женщинами. Об этом свидетельствуют, в частности, сообщения экспедиции К. Мерка конца XVIII в., а также несколько экспонатов, хранящихся в МАЭ [Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции, 1978, с. 89, 91; Степанова, 1949, с. 62, 65]. Поэтому нельзя исключать, что подобная традиция существовала в прошлом и у эскимосов Сибири, хотя вопрос этот требует дополнительного изучения.

Азиатские эскимосы называют пояс *тафси* [Орлова, 1941, с. 217; Меновщиков, 1959, с. 75]. Способ его ношения с образованием на одежде большого напуска был также аналогичен чукотскому. По описанию Г.А. Ушакова, у мужчин кухлянка «достигает колен или даже закрывает их; подпоясываясь, эскимос высоко поднимает подол и собирает его в большую складку под поясок, который держится над самыми бедрами. Таким образом, надежно прикрывается живот. Кроме того, складки заменяют карманы, эскимосы прячут в них трубку, кисет, спички, патроны, а в поездках даже бутылку с водой для намораживания льда на полозья нарты» [Ушаков, 1972, с. 155].

Как и чукчи, эскимосы изготавливали пояса из двух слоев обработанной нерпичьей кожи в виде ленты шириной 3–5 см, снабженной с одной стороны металлической прямоугольной пряжкой с язычком для застегивания. Однако любопытно, что на двух эскимосских поясах, хранящихся в фондах МАЭ (№ 4211–31) и АМЕИ (№ 0/338), при наличии на них пряжек в обоих случаях на противоположном конце пояса отсутствуют сквозные отверстия. Внешний вид поясов не оставляет сомнений в том, что они находились в длительном употреблении, следовательно, их носили, не прибегая к использованию язычка на пряжке, в которую, очевидно, просто продергивали противоположный конец пояса. В связи с этим невольно возникает вопрос, является ли такое совпадение случайным или за ним кроется этническая традиция, однако ответить на него пока не удается.

Небезынтересно отметить и то, что один из двух имеющихся в нашем распоряжении поясов великолепно украшен (№ 0/338), в то время как другой вообще не имеет декоративной отделки (№ 4211–31). Возможно, это обусловлено разницей во времени их изготовления: если первый пояс поступил в АМЕИ в конце XIX в., то второй был приобретен для МАЭ лишь в 1929 г. На украшенном поясе представлены два излюбленных приема эскимосского декоративного искусства: стачивание (мозаика) отдельных

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

кусочков кожи, окрашенных в различные цвета, и продергивание ремешков через разрезы в коже. Данный пояс составлен из нескольких чередующихся светлых и темно-коричневых частей, на которых аппликацией нашиты кусочки кожи контрастного цвета, вырезанные в виде узких полосок и арок. А между ними помещены узоры, выполненные путем продергивания узких ремешков через разрезы основы.

Оба приема декоративной обработки кожи характерны в целом для Северо-Востока Сибири, и уже отмечалось, что они широко использовались также чукотскими и корякскими мастерицами. Но орнаментальный узор, составленный из мелких прямоугольничков кожи, нашитых на кожаную же основу, С.В. Иванов считает древним, общеэскимосским, присущим также и эскимосам Гренландии [Иванов, 1963, с. 211].

Кроме того, по некоторым литературным данным известно, что наружную поверхность поясов эскимосы нередко украшали узорами, вырезанными из светлого и темного оленьего меха, или вышивали их белым оленьим волосом, сухожильными нитками, а позднее и шелком [Орлова, 1941, с. 217–218].

С правой стороны эскимосы подвешивали к поясу нож в ножнах, сшитых из одного куска грубой нерпичьей кожи, который складывали вдвое и прошивали по краю. Ножны крепили, как и чукчи, на двух ремешках, один из которых пришивали с изнанки к нижней части пояса, а другой привязывали к пряжке. Отмечена у эскимосов и традиция ношения второго, более крупного ножа, так называемого бедренного. Как свидетельствует Г.А. Ушаков, у эскимоса на поясе «всегда висит нож *савик*», но, «отправляясь на охоту, эскимосы берут с собой еще и большой охотничий нож *стыглик*, который носят на бедре и прикрепляют деревянной застежкой к поясу штанов» [Ушаков, 1972, с. 158]. Обращает на себя внимание упоминание специальной деревянной застежки, посредством которой нож крепился у верхнего края штанов. Очевидно, он носился под кухлянкой подобно тому, как было принято у чукчей и коряков.

На поясе же носили еще обычно небольшую – примерно 9 х 12 см – сумочку, полукруглой формы с крышечкой в виде клапана, изготовленную из нерпичьей кожи и игравшую роль кисета или трутницы. Ее пришивали на двух коротких ремешках почти к самому краю пояса справа рядом с ножнами, так что она оказывалась расположенной спереди между пряжкой и ножом (АМЕИ, № 0/338).

Кроме того, как и чукчи, азиатские эскимосы использовали пояса для подвешивания амулетов, прикрепляя их точно так же сзади со стороны спины. С этой целью в нужном месте к полотну пояса пришивали специальный ремешок, как это сделано, в частности, на поясе № 4211–31ас, хранящемся в МАЭ. Таким образом, владелец пояса в любое время мог привязать к нему необходимые обереги, которые широко использовались как в повседневной жизни, так и при исполнении специальных обрядов. Г.А. Ушаков при описании эскимосской мужской одежды подчеркивает, что на поясе всегда висит не только нож, но «и несколько корольков стеклянных бус. Последние – про запас, для жертвы злому духу» [Ушаков, 1972, с. 158]. С ритуальными целями к поясам подвешивались и более сложные амуле-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

ты. Их вырезали из дерева в виде антропоморфной фигурки или одного человеческого лица, олицетворявшего доброе начало Камак. На эскимосских праздниках, по наблюдениям Н.Ф. Калинникова, еще в начале XX в. подобные изображения вырезались десятками и развешивались не только на столбах вокруг яранг, но и на поясе у каждого принимающего участие в празднике [Калинников, 1912, с. 101–103].

Ительмены. Из поясов народов Северо-Востока Азии, имеющихся в нашем распоряжении, остался нерассмотренным еще один экземпляр, о котором музейные документы сообщают только то, что он принадлежал камчадалам (АМЕИ, № 70/2108). По своей конструкции и отделке данный пояс заметно выделяется на фоне тех общих признаков, которые были выявлены у коряков, чукчей и эскимосов. Но интерес к нему определяется не столько самой этой спецификой, сколько информацией, которую он может добавить к решению проблемы, связанной с традицией бытования поясов у ительменов (камчадалов).

Ситуация с поясами ительменов кажется уникальной в сравнении с остальными сибирскими народами. Дело в том, что ни в одном литературном или архивном источнике не удалось найти ни малейшего упоминания об употреблении ительменами поясов. Такие известные исследователи их культуры, как Е.П. Орлова и Н.К. Старкова, написавшие об ительменах не только статьи, но и солидные монографии [Орлова, 1999; Старкова, 1976], не дают никакой информации на этот счет. Авторы последнего обобщающего труда «История и культура ительменов», изданного в 1990 г. коллективом дальневосточных ученых, тоже не восполняют данного пробела. Невольно складывается впечатление, что пояс как элемент традиционной одежды у ительменов вообще не существовал. Но тогда как объяснить наличие музейного экземпляра, не похожего, судя по его признакам, на результат прямого заимствования из культуры соседних коряков, с которыми у ительменов с весьма давнего времени существовали длительные и тесные контакты?

Сравнительно рано, уже с середины XVIII в., ительмены оказались также и под значительным влиянием русской культуры, что привело в результате этнической метисации их с русскими к образованию на Камчатке особого населения – камчадалов, являвшихся потомками первых смешанных браков.

Вследствие этих этнокультурных воздействий ительмены почти полностью утратили свою самобытную одежду уже к концу XIX в., когда наиболее распространенной среди них стала одежда, заимствованная от коряков, а также одежда местного русского населения [Прыткова, 1976, с. 87]. Может быть, в числе прочих утрат произошла и потеря поясов как части традиционного костюма? Ответить на этот вопрос помогают известные труды таких ранних исследователей Камчатки, как С.П. Крашенинников и Г.В. Стеллер, которые застали ительменов в пору еще сравнительно свободного функционирования их традиционной культуры. На протяжении нескольких лет они изучали жизнь и быт ительменов первой половины XVIII в., о чем подробно рассказали в своих книгах [Крашенинников, 1949; Steller // Архив МАЭ], содержащих уникальные этнографические характе-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

ристики самых разных сторон ительменской действительности того времени. Однако и в них не обнаруживается сведений о поясах, чем весьма существенно подкрепляется суждение об отсутствии данной традиции в культуре ительменов.

Решить вопрос в пользу такого вывода помогают и данные по алеутской одежде, дающие важный сравнительный материал. Еще С.П. Крашенинников отмечал черты сходства в одежде ительменов и алеутов. А в наше время его наблюдения подтвердились в исследованиях Н.Ф. Прытковой [1976, с. 87–88] и Р.Г. Ляпуновой [1975, с. 177], независимо друг от друга пришедших к выводу об общности типа одежды обоих этих народов, имеющей черты южного происхождения, в отличие от одежды чукчей и коряков. Так вот, относительно алеутов тоже не встречено сведений о ношении ими поясов, отсутствие которых, очевидно, можно считать исконной общей чертой как алеутской, так и ительменской традиции. Во избежание недоразумений необходимо уточнить, что характерный для обоих этих народов еще в XVIII в. так называемый пояс стыдливости, носимый мужчинами и состоявший из ремня и мешочка [Крашенинников, 1949, с. 390; Ляпунова, 1975, с. 175], представлял собой что-то вроде набедренной повязки, т.е. являлся совершенно иным элементом одежды, чем те пояса, которые находятся в центре рассмотрения нашей работы.

Итак, мы пришли к выводу, что изначально поясов в традиционной одежде ительменов не было, следовательно, тот пояс, который определен в музейном собрании как принадлежавший «камчадалам», нужно отнести все-таки к разряду заимствований. Очевидно, вместе с верхней зимней одеждой, перенятой ительменами у коряков, к ним попали также и корякские пояса, необходимые для более удобного и комфортного ношения широких меховых кухлянок. В книге С.П. Крашенинникова есть несколько иллюстраций [1949, с. 388, 389, 391, 397], изображающих камчадалов в зимней одежде, и, хотя пояса на них не видны, все же нельзя исключать, что эти люди подпоясаны, так как они имеют силуэты, напоминающие характерный для коряков способ ношения одежды с напуском.

Обратимся теперь к самому камчадальскому поясу, в связи с которым возникло столько вопросов, что еще не на все из них найдены ответы. Он представляет собой двойную полосу кожи шириной 3 см и длиной 75 см. Концы его закруглены, и к ним пришито по одному ровдужному (примерно в 10 см длиной) ремешку для завязывания пояса на талии. Никаких подвесок на поясе нет, а высокая степень художественной отделки свидетельствует, скорее всего, о том, что это очень нарядный экземпляр. Наружное полотно пояса изготовлено из темно-коричневой кожи, окантованной по краю тремя чередующимися узкими полосками контрастных цветов – желтого, коричневого и снова желтого. Эти полосы расположены концентрическими рядами, напоминающими по своему узору замкнутые ряды разноцветного бисера на поясах коряков. Центральная же часть пояса покрыта вышивкой в виде ломаной линии или крупного зигзага, острые углы которого почти упираются вверху и внизу в контрастную окантовку.

Таким образом, несмотря на некоторое сходство в орнаменте с бисерными поясами коряков, данный пояс имеет все же гораздо больше отличий

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

и представляет собой в целом достаточно своеобразный экземпляр. Видимо, на некоторые части и элементы заимствованной корякской одежды, в том числе и на пояса, ительменами были перенесены со временем свои традиции и художественные приемы, за счет которых эти предметы приобрели особую специфику, отличающую их от исходных корякских образцов.

К сожалению, указаний на конкретный район Камчатки, откуда был доставлен рассматриваемый пояс, у нас нет. Но обращает на себя внимание то, что он назван не ительменским, а камчадальским. А такая принадлежность подразумевает значительную метисацию населения и особенно смешанный характер культуры, в которой, наряду с древними алеутскими и даже айнскими чертами, дополненными впоследствии значительным корякским воздействием, присутствовали и позднейшие русские напластования. Каким образом все эти инокультурные влияния вплетались в самобытную ительменскую основу – вопрос очень сложный, что, впрочем, всегда бывает в подобных случаях, и наша работа не призвана давать на него ответ. То немногое, что было сказано по поводу происхождения загадочного камчадальского пояса, очевидно, является лишь началом поисков решения данной проблемы. Однако оставить такой материал без рассмотрения было бы неверно, так как он крайне интересен для исследований не только самих ительменов (камчадалов), но и народов Сибири в целом. Кроме того, данный пример является подтверждением высокой этнической значимости поясов в системе традиционных ценностей и связей, что лишний раз доказывает возможность и необходимость привлечения сведений о поясах к исследованиям этногенетических и этнокультурных процессов.

***

Народы Северо-Востока Сибири, пояса которых представлены в данном разделе, обнаруживают по характеристике данного элемента культуры в целом довольно единообразную картину. Во-первых, пояс являлся у них обязательной принадлежностью только мужской одежды и если и использовался женщинами, как отмечено, например, в виде исключения у коряков, то лишь в тех случаях, когда они надевали мужские кухлянки для работы вне дома или отправляясь в дорогу.

Во-вторых, все рассмотренные пояса, независимо от их этнической принадлежности, по своей конструкции могут быть отнесены к одному комплексу. Это твердые короткие (по объему талии) кожаные пояса, которые крепились спереди при помощи пуговиц, крючков или пряжек. Способ подпоясывания с образованием на одежде большого напуска также был общим для всех народов этого региона. Однако по более частным признакам, таким как ширина поясов, особенности их застежек, приемы отделки, способы подвешивания ножен и т.п., в пределах одного этого северо-восточного комплекса выделяются разновидности, имеющие определенную этническую окраску. Немаловажным является и то, что у каждого этноса был свой собственный термин для обозначения поясов.

Наиболее близки между собой чукотские и эскимосские пояса. И те, и другие делались из двух слоев кожи, шириной от 1–2 до 3–5 см. В отличие

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

от них корякские пояса были из одного слоя кожи, и их ширина варьировала от 1–2 до 7–10 см. Определенная специфика выявляется и в особенностях поясных пряжек, несколько различавшихся у коряков, с одной стороны, и чукчей и эскимосов – с другой.

Ножны у всех народов подвешивались с правой стороны, спереди, на двух ремешках разной длины, так что нож оказывался в наклонном положении рукоятью назад. Однако расположение ножен имело свои особенности. На чукотско-эскимосских поясах один из ремешков закреплялся непосредственно на пряжке, а коряки крепили его рядом с пряжкой или на небольшом расстоянии от нее.

Общим принципом было и то, что узкие (в 1–2 см шириной) пояса отделки не имели, а более широкие, как правило, украшались различными декоративными приемами, традиционными для каждого народа. При этом корякские пояса характеризуются более сложными и разнообразными способами художественной отделки, включавшими, в частности, и особый старинный комбинированный шов, вошедший в литературу под названием «техники прорезной вышивки». Кроме того, в отличие от чукчей и эскимосов, коряки использовали в отделке поясов вышивку бисером, по-видимому, перенятую ими от эвенов. В то же время на корякских поясах не отмечено употребления цветных фабричных ниток, которые чукчи и эскимосы стали использовать в традиционной вышивке, заменяя ими подшейный волос оленя.

Чукотско-эскимосская традиция выделяется еще и тем, что она включала в себя использование поясов в качестве места для подвешивания амулетов, которыми чаще всего были деревянные антропоморфные фигурки-охранители, цветные бусины, а также обычные кожаные ремешки, связанные в узлы. Подобный обычай отмечен и у кереков, пояса которых дают сочетание корякских и чукотских признаков, из-за чего они занимают как бы промежуточное положение между поясами чукчей и коряков.

Необходимо обратить внимание еще на один пока не совсем ясный для нас момент, связанный с тем, что по ряду косвенных сообщений у коряков, чукчей и эскимосов, по-видимому, существовали в прошлом также и нижние, нательные пояса, которые надевались под кухлянку. На таком поясе мужчины подвешивали самые большие, так называемые «бедренные» ножи, привязывая их дополнительно в нижней части ремнем к ноге над коленом. К информации об этом, обнаруженной в нескольких литературных источниках, примыкает и музейная запись, характеризующая один из чукотских предметов, хранившийся ранее в собрании МАЭ под № 434–48, как «поясной тельный ремень *Риччит*». Данная запись была сделана В.Г. Богоразом, а сама коллекция собрана в 1989 г. Н.Л. Гондатти, поэтому возможность ошибки маловероятна, вследствие чего наше предположение о наличии нижних поясов у народов Северо-Востока, сделанное с большой долей осторожности, выглядит не столь уж беспочвенным. Однако из-за отсутствия более развернутых сведений данная информация требует дополнительной проверки и поиска новых источников для окончательного решения этого вопроса.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

Народы Нижнего Амура и Сахалина – нанайцы, ульчи, негидальцы, удэгейцы, орочи, уйльта (ороки), нивхи

Пояса народов этого региона сравнительно часто упоминаются при характеристике их традиционной одежды. Такие сведения можно встретить и в работах XIX в., и в этнографических исследованиях более позднего периода, включая вторую половину XX в., ознаменованную выходом в свет целого ряда новых монографий почти обо всех этносах Приамурья и Сахалина, исключая разве что негидальцев. Однако обычно эти данные представляют собой лишь краткую констатацию самого факта использования поясов или, в лучшем случае, содержат очень беглые упоминания об их общем виде и материале. Исключением являются, пожалуй, только две монографии: Ю.А. Сема – о нанайцах [1973] и А.В. Смоляк – о народах всего региона [1984]; в них рассмотрению поясов уделено специальное внимание. Здесь приводятся более подробные, чем обычно, данные о конструкции поясов разных видов, способах их ношения, отделке, использовании, а также высказаны некоторые интересные предположения сравнительно-исторического характера. Материалы указанных авторов в значительной степени привлекаются в настоящей статье, поскольку они являются важным дополнением к имеющимся у нас музейным свидетельствам. Последние довольно значительны по объему (в общей сложности они составляют 18 экземпляров, не считая отдельных пряжек и подвесок), но по народам распределены крайне неравномерно. Больше всего поясов нанайцев (9 экземпляров), неплохо представлены нивхи (6 поясов) и ороки (3 пояса), в то время как ульчи, негидальцы, удэгейцы и орочи по интересующему нас вопросу совсем не отражены в собраниях МАЭ. При этом меньше всего материалов по негидальцам, о поясах которых мы располагаем только краткой информацией середины XIX в. из труда А.Ф. Миддендорфа.

Как для нивхов, так и для тунгусоязычных народов данного ареала в целом была характерна одежда единого образца, имеющая, несмотря на этнические различия, очень много общего. В качестве верхней одежды использовались распашные левополые халаты покроя «кимоно», а поясная одежда состояла из натазников и ноговиц, т.е. была аналогична рассмотренной выше у эвенков и эвенов. В связи с этим у народов Нижнего Амура и Сахалина, так же как у северных тунгусов, различались два вида поясов: нижние (нательные), служившие для прикрепления ноговиц, и верхние (наружные), которыми подпоясывали халаты.

Нижние пояса, одинаковые для мужчин и женщин, были того же типа, что у эвенков и эвенов, и названия у тех и других также совпадали. Если в эвенкийском и эвенском языках они звучали как *тэлэги~тэлги*, то тунгусо-маньчжурские народы Приамурья и Сахалина называли их *тэлэ~тэли* (нанайцы, ульчи), *тэлихэ* (удэгейцы), *тэлехэ* (орочи), *тэлэju* (ороки). Нивхи употребляли для подобного пояса слово *тык* [Смоляк, 1984, с. 146, 172; Роон, 1996, с. 135; Ларькин, 1964, с. 61; История и культура удэгейцев, 1989, с. 45]. Пояса этого типа представляли собой узкую ленту, вырезанную из кожи или ткани либо сплетенную из разноцветных тесемок. Спе-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

реди они имели два небольших колечка, к которым крепились завязки ноговиц [Смоляк, 1984, с. 146]. У удэгейцев, кроме этого, пояс использовался для поддержания натазников, имевших в своей верхней части четыре петельки, в которые и вставлялся пояс [История и культура удэгейцев, 1989, с. 45, рис. на с. 49]. Любопытно, что у верховых нанайцев, по свидетельству А.В. Смоляк [1984, с. 172], женщины не носили поясов *тэлэ*, а прикрепляли ноговицы к специальным завязкам *пэру хэни,* которые пришивались сзади к натазникам и завязывались спереди, в чем можно усмотреть очевидную аналогию со способом, принятым у удэгейцев. Такое совпадение неудивительно, если вспомнить, что верховые нанайцы и удэгейцы издавна контактировали друг с другом в районах соприкосновения [Народы Дальнего Востока... 1985, с. 76–77].

Что касается подпоясывания верхней одежды, то здесь народам Нижнего Амура и Сахалина было присуще значительное разнообразие. При этом у мужчин верхний пояс являлся если не обязательным, то все же очень распространенным элементом одежды (его, например, непременно носили на промыслах), в то время как женщины подпоясывались значительно реже. Так, из литературных источников известно, что удэгейские мужчины стягивали поясом все халаты, независимо от их покроя и материала [История и культура удэгейцев, 1989, с. 46]. У орочей мужчины тоже носили пояса повседневно, а женщины – лишь по праздникам [Ларькин, 1964, с. 59]. На фотографиях нанайских, ульчских, нивхских женщин, изображенных в национальной одежде, мы чаще всего видим их неподпоясанными. Однако с рабочей одеждой женщины у всех народов Амура носили пояса, в принципе не отличавшиеся от мужских [Смоляк, 1984, с. 180]. Например, у нивхов как мужчины, так и женщины во время работы надевали поясной ремень с ножом в специальных ножнах, который составлял «необходимое снаряжение рыбаков и охотников, а также женщин, занимающихся разделкой рыбы и морского зверя» [Таксами, 1970, с. 172].

Названия верхних поясов у тунгусо-маньчжурских народов идентичны: *уму* (орочи и удэгейцы), *умали* (ульчи), *омол* (нанайцы*)*, *умул (*ороки), в то время как нивхи для их обозначения использовали собственный термин – *вивс* [Смоляк, 1984, с.203; Ларькин, 1958, с. 18; 1964, с. 59; Сем, 1973, с. 208; Роон, 1996, с. 149; Таксами, 1970, с. 179]. Что касается распределения по типам поясов, то здесь сколько-нибудь серьезных различий между нивхами и тунгусоязычными этносами Приамурья не наблюдается, поэтому при рассмотрении мы не будем разделять их по этому признаку.

Наибольшее и повсеместное распространение, независимо от этнической принадлежности, имели длинные ременные пояса из узких полос кожи. Их носили обычно во время работы: и дома, и на промыслах. Причем женщины подпоясывались ими, как и мужчины, если были заняты какой-то работой. В литературе сведения о таких поясах предельно кратки, они едва ли не ограничиваются упоминаниями С. Браиловского об удэгейцах и Р. Маака относительно ульчей [Браиловский, 1901, с. 222–223; Маак, 1859, с. 207]. Кроме этого имеется еще опубликованное, хотя и недостаточно понятное изображение подобного пояса у орочей [Марга-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

Рис. 48. Узкий длинный кожаный пояс с принадлежностями (Маак, Атлас, табл. 4).

ритов, 1888, табл. III, рис. 15]. В фондах МАЭ пояса такого типа представлены в коллекциях нанайцев (5 экз.), нивхов (3 экз.) и ороков (1 экз.), что позволяет составить о них довольно полное представление, которое, очевидно, можно экстраполировать и на другие народы приамурско-сахалинского региона.

Пояса имели вид длинной (около 2 м) и узкой (1–2 см) ленты, которую вырезали из кожи или ровдуги лося или нерпы (последнюю использовали нивхи и ороки). Надевали пояс, прикладывая его сначала к животу, а затем дважды оборачивая вокруг талии, после чего закрепляли спереди при помощи пряжки или простого узла. В последнем случае (при отсутствии пряжки) пояс имел зауженные концы и несколько большую длину (до трех метров), необходимую для завязывания узла. Концы оставляли свободными или подтыкали под пояс.

Нивхи и ороки застегивали такие пояса одинаковыми костяными пряжками, имевшими вид пластинки вытянутой формы длиной от 5 до 14 см с расширением на свободном конце. Последнее вставлялось в прорезь на противоположном конце пояса, т.е. пряжка застегивалась по типу пуговицы. Снаружи пряжки покрывались резным орнаментом. Нивхи называли их словом *кен* [Смоляк, 1984, с. 210], орокское наименование установить не удалось.

Нанайские пряжки назывались *киди* (по записи Р. Маака), *кидзяко* или *омол кидзякони*, букв. «пояса застежка» (МАЭ, № 5747–62, опись Н.А. Липской), и были двух типов. Пряжки первого типа аналогичны нивхским и орокским. Они имели близкую к ним форму и тот же принцип крепления – по типу пуговицы (МАЭ, № 344–27, 28). Пряжки второго типа имели небольшой выступ, цеплявшийся за отверстие на противоположном конце пояса, т.е. застегивались по типу крючка. Их нанайцы делали

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

не только из кости (МАЭ, № 5747–62), но и из металла, используя для этого медные китайские монеты (МАЭ, № 5747–63).

Подобные пряжки встречаются в коллекциях МАЭ не только прикрепленными к поясам, но и отдельно от них, как самостоятельные изделия. Особенно много, почти 20 штук, было приобретено у нивхов и ороков, чуть меньше привезено от нанайцев. Среди их собирателей встречаются очень известные имена – Л. Шренк (сбор 1857 г.), И.С. Поляков (сбор 1881 г.), А.Н. Липский (сбор 1936 г.). Хронология сборов охватывает период с середины XIX в. почти до середины XX в. Все они представляют собой великолепные образцы традиционной резьбы по кости. Возможно, именно этим определялось приобретение их исследователями. Но остается неясным, почему имелось такое значительное количество пряжек в виде отдельных предметов? Может быть, они оставались от старых изношенных поясов или, наоборот, заранее изготавливались для новых? Информации об этом не найдено; неизвестно также, легко ли расставались со старыми экземплярами их владельцы или же вырезали по заказу собирателей так называемый «новодел».

Пояса рассматриваемого типа использовались прежде всего во время различных работ, поэтому они обязательно снабжались необходимыми для этого предметами, присутствующими также и на всех музейных экземплярах. Предметы подвешивались к поясу на ремешках, которые крепились тремя способами:

1) вставлялись в прорези, сделанные в полотне пояса (МАЭ, № 344–27; № 138–71, 72);

2) держались на ременных петлях, свободно скользящих по поясу (МАЭ, № 202–68), нивхи к этим петлям прикрепляли еще металлические кольца (МАЭ, № 1764–63);

3) крепились с помощью металлических петель, которые в литературе принято называть фигурными подвесками.

Последний способ был самым распространенным, бытовавшим у всех народов Приамурья, за исключением, как полагал С.В. Иванов, лишь удэгейцев [Иванов, 1963, с. 433]. Фигурные подвески на поясах нижнеамурских народов состояли обычно из двух частей: кожаной петли, которая надевалась на пояс, и металлической или костяной пластины, имевшей в нижней части отверстия для продевания ремешков с подвешенными предметами. Пластины, называвшиеся по-нанайски *cumaxo* (МАЭ, № 5747–64, 65, опись Н.А. Липской) делали из меди, бронзы, кости размером 4 х 4, 6 х 4, 6,5 х 6,5 см, в форме круга или овала, с фигурно вырезанными краями. Снаружи их украшали рельефной резьбой (МАЭ, № 691–14; № 344–28; № 5747–65, 66).

Реже на нижнеамурских поясах встречались фигурные подвески, состоявшие из трех частей: 1) кожаной петли, надевавшейся на пояс, 2) прямоугольной медно-бронзовой пластинки, 3) прикрепленной к ней на шарнирах второй металлической пластинки овальной формы, имевшей в нижней части отверстие для продевания ремешков от тех предметов, которые крепили на поясе (МАЭ, № 1764–76; № 4424–92). Изображения подобных подвесок у нивхов, нанайцев, ульчей и орочей приводит в своей работе С.В. Иванов [1963, с. 436–437].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

Аналогичного устройства фигурные подвески, состоящие из трех частей, характерны для поясов монголов, бурят, дауров, тувинцев. На основе сопоставления с ними С.В. Иванов сделал вывод о том, что металлические поясные подвески с кожаной петлей первоначально были усвоены народами Приамурья из тюрко-монгольской среды [Там же, с. 434–435]. Но в дальнейшем они научились изготавливать их сами или заказывали корейским и русским мастерам [Там же, с. 343]. Орочи для отливки таких подвесок пользовались специальными формами из песчаника [Народы Сибири, 1956, с. 847]. Нанайцы модели поясных подвесок вырезали из дерева или бересты, с них делали оттиски в глине и по ним отливали подвески [Иванов, 1963, с. 343].

Рассматриваемые пояса по своей конструкции были одинаковыми для мужчин и женщин, но различались подвесками. У женщин на поясе висел обычно нож для кройки, костяной игольник и расшитая орнаментом сумочка. Мужчины подвешивали два ножа, один с прямым, другой с кривым лезвием (использовался для строгания), костяной развязыватель узлов, сумочку с кремнем, трутом или спичками, а также огниво. На охоте к этим предметам добавлялись пороховница, пистонница и другие ружейные принадлежности. Последние нередко носили также на

Рис. 49. Нивхская женщина, подпоясанная плетеным поясом с металлической эвенкийской пряжкой (Смоляк, 2001, с. 267).

чересплечных охотничьих ремнях-перевязях аналогичного с эвенками типа (МАЭ, № 2373–5 – нанайцы). Названия их, как и в целом по Сибири, были производными от русского слова натруска: *наторуска* – у негидальцев, *натрас* у орочей, *нутараске* у нанайцев и ульчей [ТМС, т. 1, 1975, с. 586].

В литературе уже обращалось внимание на то, что в состав мужских поясных наборов у народов Приамурья непременно входили игольники [Иванов, 1970, с. 207]. В других регионах Сибири мужчины их носили довольно редко, только если надолго уходили из дома. А на Амуре подобный обычай следует рассматривать в качестве стойкой этнокультурной традиции.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

В отличие от длинных узких кожаных поясов, преимущественно рабочих и промысловых, имевших на Амуре универсальное распространение и идентичную форму у разных этносов, повседневные и праздничные пояса заметно различались по конструкции, материалу и характеру отделки, поэтому их удобнее рассматривать по народам, а когда позволяют общие признаки – по группам народов.

У нанайцев, орочей, удэгейцев повседневными поясами у мужчин служили полосы ткани, сшитые вдвое. Их дважды обертывали вокруг талии и завязывали спереди двумя узлами, подбирая концы под пояс [Смоляк, 1984, с. 146; Ларькин, 1958, фото на с. 19]. По свидетельству Л.Я. Штернберга, нанайцы в прошлом приобретали такие пояса у торговцев, в том числе и якутских [Штернберг, 1933, с. 510].

У ульчей и нивхов в качестве повседневных наиболее распространены были плетеные пояса, которые носили и мужчины, и женщины.

Их изготавливали на специальных станочках, позаимствовав это умение в конце XIX – начале XX вв. от айнов [Смоляк, 1984, с. 146]. Плетеные пояса носили и в качестве праздничных, тогда их делали особенно яркими и разноцветными, в то время как повседневные плели из белых и коричневых нитей. Длина пояса (примерно 2,5 м) позволяла обернуть его вокруг талии 2–3 раза (при этом первый оборот шел спереди назад) и завязать так, чтобы оставшиеся концы спускались свободно вниз, с расстоянием в 10–15 см между ними.

Рис. 50. Ульчские женщины, подпоясанные плетеными поясами (Смоляк, 2001, с. 162).

Мужские плетеные пояса заканчивались обычно бахромой, а женские имели на концах особые трапециевидные кусочки ткани, вышитые снаружи цветными нитями и обшитые по краю мехом или несколькими металлическими бляшками (МАЭ, № 6751–23 – нивхи). Женщины также пришивали с изнанки пояса на расстоянии 35–40 см от его концов дополнительные ремешки, которые завязывали спереди на узел, в то время как концы пояса свободно спускали вниз.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

Нанайцы тоже носили плетеные пояса в качестве повседневных, но гораздо реже, чем нивхи и ульчи, и в отличие от последних не делали их сами, а приобретали готовыми. Один из таких поясов, китайской работы, привезен в МАЭ от нанайцев Сахачи-Аляна. Длина его 2,6 м, ширина 2,8 см, нити на обоих концах расплетены и образуют длинные (14–15 см) кисти (МАЭ, № 1765–253).

В качестве праздничных нанайские мужчины использовали очень широкие короткие пояса из тканей, покрытые красочным орнаментом. Ширина их составляла около 20 см, длина соответствовала объему талии. Они выделялись еще и тем, что имели особое название *пойкаптун* [Смоляк, 1984, с. 146, 201]. Наружную их часть, изготовленную из сукна или бархата, уплотняли изнутри подкладом из ткани или легкого слоя ваты и богато орнаментировали, выполняя узоры вышивкой и плетением из разноцветных тесемок. Для застегивания к краям пояса пришивали с одной стороны воздушные петли, а с другой – крючки или пуговицы. Возможно, с этим и связано название пояса, производное от слова *пойка* («петля») [Петрова, 1935, с. 65]. Реже такие пояса крепились при помощи завязок, как это изображено на рисунке, опубликованном в работе А.В. Смоляк [1984, с. 174, рис. 17/4]. Подобные пояса, но только без украшений, нанайцы носили и на охоте [Там же, с. 146].

Рис. 51. Нанайцы. Нарядный мужской пояс пойкаптун. МАЭ, № И–1548–24.

Аналогичный этому пояс, названный в регистрационной описи «набрюшником» (видимо, из-за своей ширины), был привезен Л.Я. Штернбергом в 1910 г. от нивхов из Тэбаха (МАЭ, № 1764–30). Ширина его 17 см, длина 93 см, застежка состоит из пяти медных китайских пуговиц с одной стороны и двух рядов навесных петель из черного шнура с другой. Изнутри пояс подбит слоем ваты, покрытым снаружи полосами ткани синего и желтого цвета. В центральной части по всей длине он расшит спиральными узорами, выполненными в технике аппликации. В музей-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

ной документации данный пояс назван Л.Я. Штернбергом «парадным экземпляром, носимым женихами».

По исследованиям А.В. Смоляк, распространение подобных поясов ограничивалось верховыми нанайцами, а также удэгейцами на Амуре, т.е. в тех местах, где они соседствовали с нанайцами. Даже у крайних низовых нанайцев они не встречались, не было их и у ульчей [Смоляк, 1984, с. 146]. Других свидетельств бытования таких поясов у нивхов также не зафиксировано. Поэтому мнение А.В. Смоляк, считавшей нивхский пояс, привезенный в МАЭ Л.Я. Штернбергом, нанайским по происхождению, возражений не вызывает. Оно согласуется также и с информацией о том, что нивхи часто покупали у нанайцев праздничную одежду [Там же, с. 230]. Очевидно, и к манеграм подобные широкие пояса из тканей, расшитые орнаментом, попадали аналогичным путем, поскольку известно, что манегры встречались с нанайцами на ярмарках, где продавали им свои меховые изделия [Шренк, 1899, с. 161, 185] и взамен могли получать какие-то нанайские товары.

Бытование таких поясов у верховых нанайцев и среди наиболее близкой к ним части удэгейцев, возможно, связано с монгольским влиянием, так как аналогичные предметы встречались у монголов и бурят. Последние называли их *бэлхэнсэг* и использовали для утепления [Бурятско-русский словарь, 1973, с. 131]. Однако по характеру отделки нанайские пояса производят впечатление подчеркнуто национальных.

Нанайские женщины в качестве праздничных нередко использовали бисерные пояса, что расходится с общей амурской традицией, для которой отделка одежды бисером была не характерна. Нанайские невесты делали себе специальные пояса из кожи или ткани, сплошь зашивая их бисером. Они и назывались *чичема омоль* [Смоляк, 1984, с. 180], букв. «бисерный пояс». Судя по экземпляру, хранящемуся в МАЭ (№ 5530–165), подобные пояса имели ширину около 7 см, длину 75 см, соответствующую примерно обхвату талии, и завязывались спереди при помощи пришитых к концам пояса тесемок. По краю бисер располагали концентрическими рядами со следующим чередованием цветов: зеленый, черный, синий, черный, красный, черный, синий, а в середине вышивали бисерный узор, в данном случае ромбы, между которыми пришивали еще маленькие пуговички.

Учитывая то, что этот пояс происходит из местности с левого притока Амура, р. Тунгуски, т.е. из района, где нанайцы соседствовали с эвенками, можно полагать, что подобные бисерные пояса стали следствием заимствования их из эвенкийской культуры. Скорее всего, на это оказали влияние смешанные браки, о чем косвенно свидетельствует и название «бисерный пояс», в котором можно видеть кальку с эвенкийского языка.

Ороки (уйльта) в качестве нарядных носили расшитые ровдужные пояса очень необычного покроя, о чем можно судить по экземпляру № 1156–39, привезенному в МАЭ в 1907 г. с восточного побережья Сахалина из района р. Даги. Пояс длиной 80 см и шириной 4,5 см сшит из четырех кусков светлой кожи, выкроенных таким образом, что при соединении они образуют полосу чуть изогнутой к центру формы, благодаря чему достига-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

ется более плотное облегание стана. Снаружи пояс украшен спиральным орнаментом, вышитым нитками красного, желтого и синего цветов, а по краю этого узора проложен олений волос, также прихваченный стежками нитей, за счет чего край вышивки выглядит рельефней. К сожалению, данные об этом своеобразном поясе далеко не полны, так как застежка на музейном экземпляре отсутствует и нет сведений, носили его мужчины или женщины. При этом аналогий с поясами других народов не встречено, поэтому вопрос о его происхождении и назначении остается открытым.

В дополнение к информации о рассмотренном поясе можно добавить, что в лексике ороков (уйльта) зафиксировано несколько разных названий, обозначающих пояс [Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков, 1975, 1977]. Из них два (*тэлэги* и *умул*) являются общими с тунгусоязычными народами региона, а три других неясны по происхождению: *ками* – широкий женский пояс, *питу* – мужский пояс и, наконец, *мумулки* – пояс (без уточнения). Не исключено, что какое-то из этих названий имеет отношение к выше рассмотренному поясу. В любом случае, лексический анализ может оказаться полезным для получения новых сведений, способных пролить свет на особенности поясов уйльта – народа, сложного по своему происхождению и неоднородного в этнокультурном плане.

У орочей также отмечен необычный тип поясов, зафиксированный, правда, только в литературе. Это нарядные женские пояса, изготовлявшиеся из шкурок с утиных голов, которые перемежались вставками, расшитыми бисером [Штернберг, 1933, с. 442]. Такое сочетание, с одной стороны, чрезвычайно архаичного материала, каким являются птичьи шкурки, а с другой – нового вида отделки (бисерного шитья), очевидно, заменившего здесь какую-то старинную технику, скорее всего, свидетельствует об особом предназначении данного пояса, связанном, возможно, со свадебным или иным обрядом жизненного цикла.

Относительно негидальцев удалось обнаружить только одно очень краткое свидетельство об использовании ими, во-первых, наборных поясов с металлическими накладками и, во-вторых, поясов «из конских волос», на которых были «китайские монеты, служившие пряжками» (Миддендорф, 1869, с. 749). Однако ни те, ни другие пояса не могут быть признаны собственно негидальскими. Первые были якутского изготовления, а вторые, как уже отмечалось ранее при рассмотрении поясов манегров, скорее всего, попадали в готовом виде от среднеамурских конных эвенков. Трудно сказать, почему из всех нижнеамурских народов именно у негидальцев оказались зафиксированными плетеные из конских волос пояса манегров. Возможно, объяснение кроется просто в отсутствии информации из других районов, но нельзя исключать и того, что это как-то связано с общими эвенкийскими корнями негидальцев и манегров, благодаря которым они и впоследствии продолжали сохранять тесные взаимные связи.

Ситуация с наборными поясами у негидальцев не является чем-то особенным для нижнеамурского региона, так как эти пояса имели здесь самое широкое распространение. Их носили и мужчины, и женщины, о чем свидетельствует, например, наблюдение Л.И. Шренка, встречавше-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

го орокских женщин, одетых в шубы, «которые придерживались вокруг талии широким поясом с металлическими накладками» [Шренк, 1899, с. 95]. В XIX – XX вв. большинство наборных поясов в амуро-сахалинском регионе были привозными, якутскими или бурятскими по происхождению, как, например, негидальский пояс с типично якутскими накладками, изображенный в работе А.Ф. Миддендорфа [1869, с. 747].

Один из нанайских наборных поясов, привезенный в МАЭ Л.Я. Штернбергом из Сахачи-Аляна (№ 1765–185), судя по форме его накладок представляет собой изделие бурятского происхождения. Однако в регистрационной записи собирателя он назван поясом «гольдской старинной работы (от 7 колена)», следовательно, данный предмет попал к нанайцам очень давно и, очевидно, со временем стал восприниматься как элемент собственной культуры. К тому же, по ряду свидетельств, некогда у нанайцев действительно существовали наборные пояса местного изготовления. Их называли *дурду (дурдумэ омол)* и украшали металлическими пластинками с гравировкой в виде криволинейного амурского орнамента. Такие пояса надевали на свадьбу, во время праздников, игр и соревнований, а в древности, по воспоминаниям стариков, «такие пояса носили только во время родовой мести и межродовой борьбы. Ими были снабжены воины рода. Не надев дурду, нельзя было преследовать врага рода» [Сем, 1973, с. 211].

Существование подобных поясов не кажется невероятным, поскольку художественная обработка металлов у амурских народов носила довольно сложный характер. Им была известна инкрустация серебром и медью по железу и зубчатая нарезка краев железных предметов [Иванов, 1963, с. 340–342]. Археологические источники также свидетельствуют о ранних местных корнях высокоразвитого металлообрабатывающего ремесла, существовавшего на юге Дальнего Востока уже в культурах мохэ (VII–IX вв.), а затем и у чжурчжэней (X–XIII вв.). Это мастерство проявлялось, в частности, и при изготовлении ими наборных поясов. Причем в их отделке наблюдается значительное укрепление самобытных амурских традиций примерно к X в. Так, если на поясах мохэ металлические накладки еще часто копировали своей формой и орнаментом аналогичные тюркские пластины, то у чжурчжэней уже полностью возобладал собственный тип поясного набора. Основным его элементом стала прямоугольной формы пластина крупных размеров, с прорезным узором и зубчатым (преимущественно нижним) краем [Медведев, 1975, с. 211–219; Деревянко, 1981, с. 143–144, 187–188].

Хотя между чжурчженями и современными амурскими народами существует большая временная лакуна и значительная разница в культурах, все же чжурчженей принято считать в известном смысле предками последних. Поэтому есть основания полагать, что старинные наборные пояса нанайцев должны восходить своими корнями к чжурчженьским образцам. Однако так ли это было на самом деле, точно не знаем, поскольку форма пластин на нанайских поясах остается невыясненной.

С распространением на Амуре бурятских и якутских поясов самобытные наборные пояса местного изготовления стали вытесняться из употребления. Появилась мода на пояса чужой работы (не только якутов и бурят,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

но также корейцев и русских), носить которые считалось престижным. Известно, например, что состоятельные нанайцы в начале XX в. заказывали изготовление гравированных серебряных пластин для нарядных женских поясов русским ювелирам из Хабаровска [Иванов, 1963, с. 343].

В собрании МАЭ по амуро-сахалинским народам хранится значительно больше обрядовых поясов, чем в собраниях по другим регионам Сибири. Такое соотношение, очевидно, нужно расценивать в качестве того, что не только среди музейных коллекций, но и в реальной жизни подобные пояса имели на Амуре широкое распространение. Выше уже приводился материал о бисерных поясах нанайских невест, которые, правда, производят впечатление не чисто ритуальных, а скорее просто более нарядных, праздничных. То, что в целом свадебная одежда не имела у приамурских народов каких-то особенных отличий и надевалась также во время других праздников, отмечала А.В. Смоляк в своей монографии, где она не относит свадебную одежду к ритуальной, в которую включает только погребальную и шаманскую [1984, с. 192]. В то же время специальные обрядовые пояса во время свадебных церемоний все же использовались. Есть, в частности, свидетельство, что у ульчей во время свадебного угощения, когда отец невесты кормил в тайге духа – хозяина местности, новобрачные сидели в жилище, подпоясанные поясами из ритуальных стружек [Смоляк, 1980, с. 71].

В погребальной обрядности обычаи, связанные с поясом, были выражены более заметно. По различным сведениям, нанайцы, ульчи, нивхи одежду на покойном (а точнее – верхний халат, поскольку надевали их несколько) подпоясывали. Относительно нивхов есть уточнение, что таким образом поступали и с умершими женщинами [Таксами, 1975, с. 145], хотя по другим народам подобной информации не найдено. Нанайцы к поясу умершего «подвешивали мешочек с крупами, кисет, трубку, маленькую модель заплечных носилок» [Смоляк, 1980, с. 178] – предметы, в обычной жизни на поясе не прикреплявшиеся. Имел отличия и сам погребальный пояс, который делали в знак траура из ткани белого цвета [Штернберг, 1933, с. 326; Сем, 1973, с. 225]. Белым поясом опоясывался и шаман, если он участвовал в поминках [Шимкевич, 1896, с. 25]. У нанайцев вдова вплоть до последних поминок тоже носила белый пояс из куска ткани, к концу которого прикрепляли колокольчик: по его звуку душа умершего якобы следила за вдовой и знала, куда она ходит [Смоляк, 1984, с. 187]. П.П. Шимкевич писал о ношении белых поясов в течение трех лет в знак траура по взрослым покойникам [1898, с. 38].

Пояс надевали и на фигурку, изображавшую умершего, которую нивхи ставили в надгробный домик при устройстве проводов души в селение мертвых. «На пояс вешали кусочек рыбьей кожи, миниатюрные рукавицы, кисет с табаком, курительную трубку» [Таксами, 1975, с. 147]. Таким образом, пояс как бы сопровождал умершего при его уходе в мир мертвых. Подобная символика, только в зеркальном отображении, просматривается и по отношению к новорожденному ребенку, который тотчас после попадания в мир людей получал от матери ее пояс. Такой сюжет встречается, например, в нанайском фольклоре. «Женщина родила сына. Сняла с себя нижнюю шелковую рубашку, завернула в нее ребенка, затем

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

сняла с себя шелковый пояс, разорвала его пополам и запеленала сына» [Шимкевич, 1898, с. 107].

В этой связи перестает казаться преувеличением сообщение Лаперуза, относящееся к концу XVIII в., о том, что у орочей «мужчины всех возрастов, даже грудные дети, носят пояса» [Смоляк, 1984, с. 136]. Хотя на первый взгляд подобное кажется маловероятным, все же нельзя исключать, что в прошлом пояса могли надевать даже на самых маленьких детей, возможно, в чрезвычайных ситуациях, связанных с угрозой жизни или здоровью ребенка, когда требовалось постоянное присутствие на нем специальных оберегов. Кроме того, необходимо заметить, что в связи с практиковавшимся у амурских народов длительным кормлением материнским молоком «грудными» считались дети до 5–6 лет [Лопатин, 1922, с. 177–178].

Примерно с этого времени и начинали подпоясывать детскую одежду [Смоляк, 1984, с. 189], поскольку отныне ее изготавливали по образцу взрослой. Л.И. Шренк при описании одежды детей у нивхов отмечал, что она «с точностью воспроизводит одежду взрослых. <...> У пояса, который придерживает шубу и передник на маленьких гиляках, висят все те же предметы, как и у взрослых: трутница, огниво, орудие для очистки трубки и т.д. Только все эти вещицы вырезаны из дерева в миниатюре» [Шренк, 1903, с. 14]. При этом есть основания считать, что пояса надевали только на мальчиков, хотя прямых указаний на это нет. Косвенно же об этом свидетельствуют музейные материалы, не содержащие предметов с поясов девочек, а также логика самой амурской традиции.

В собрании МАЭ хранится детский пояс, привезенный с Сахалина в конце XIX в. (№ 138–44, собиратель И.С. Поляков, время собирания 1881–1882 гг.). Сопроводительная документация определяет его как пояс мальчика у нивхов или ороков. Он представляет собой длинный узкий ремень размером примерно 95 х 0,5 см, зауженный с обоих концов для завязывания на узел. К нему подвешены нож, вырезанный из кости, и костяная же табакерка. Оба предмета украшены резьбой с геометрическим и спиральным орнаментом.

Хотя данный пояс не содержит амулетов, известно, что вообще они очень часто встречались на детских поясах у народов Амура. Свидетельства этому имеются в литературе [Иванов, 1977], а также в коллекциях МАЭ, среди которых хранится немалое число поясных подвесок, игравших роль детских охранителей. Чаще других в этом качестве выступали когти и клыки различных хищных животных, оберегающие детей от злых духов. Среди музейных оберегов, происходящих с детских поясов нанайцев, нивхов, ороков, больше всего встречается челюстей и косточек с ног рыси (МАЭ, № 656–16, 17, 18 – нивхи, ороки; № 5747–67, 68, 69 – нанайцы). Считалось, что такая подвеска должна сделать мальчика хорошим охотником (МАЭ, опись № 5530–2). Более редкими были амулеты, вырезанные из березового гриба, например в виде летучей мыши (МАЭ, № 656–19 – нивхи). Очень интересна комбинированная нанайская подвеска, состоящая из пяти косточек с ног рыси, прикрепленных к фигурной пластинке, вырезанной из копыта изюбра (МАЭ, № 5530–2).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

Особой эстетикой отличались комплекты нанайских подвесок, которые в сопроводительной музейной документации зафиксированы под названием *кангиакта*. Каждый такой комплект крепился на фигурной поясной подвеске, бывшей копией тех, что рассмотрены выше при описании взрослых поясов. В центре подвески – отлитая из бронзы ажурная пластинка *ситахо*, к нижней части которой на нескольких ремешках (встречаются 6 и 9) подвешены все те же косточки с ног рыси (по одной или две на каждом ремешке), а также вырезанные из дерева миниатюрные изображения огнива и трутницы (сумочки для хранения трута) (МАЭ, № 5747–67, 68). При малейшем движении такие подвески издавали мягкое мелодичное позвякивание, звуковой эффект которого усиливал защитную мощь амулета. Из-за этого они и получили свое название, производное от *канги-*, что значит «звеня, со звоном (о колокольчиках, бубенчиках)» [ТМС, т. I, 1975, с. 373].

Подвески-обереги встречались и на взрослых поясах, к которым они подвешивались с аналогичными целями, главным образом для удачи в промысловой деятельности и обеспечения здоровья. В первом случае это были, например у нанайцев, деревянные антропоморфные фигурки высотой около 6 см со схематично нанесенными лицами, но без рук, с остроконечными головными уборами. Подобные изображения, называвшиеся по-нанайски *манхлекан* (МАЭ, № 5747–8, 9), возможно от слова *манга* «сильный, крепкий» [ТМС, т. I, 1975, с. 529–530], соединялись обычно попарно и носились охотником на поясе поверх одежды.

Амулеты другого вида предназначались для исцеления от болезней. Они тоже представляли собой различные фигурки, снабженные какими-то характерными особенностями, по которым можно было догадаться об их назначении. Эти изображения вырезал из дерева шаман, придавая их внешнему виду необходимые специфические признаки. Так, нивхская фигурка, предназначенная для исцеления головной боли, имела большую голову и нависший лоб, от боли живота – вздутый живот [Орлова, 1964, с. 232–233], от боли в пояснице – согнутую искривленную спину (МАЭ, № 1156–28). Отверстие для подвешивания фигурки находилось как раз в том месте, для лечения которого она предназначалась.

Существовали у народов Амура и специальные «лечебные» пояса, которые надевали для исцеления от недугов. Например, у нанайцев больной чахоткой носил пояс, вырезанный из грубой неокрашенной ровдуги, на котором красной и синей краской были нарисованы изображения змей (МАЭ, № 1765–108). Из литературы известно, что кожаные пояса с нашитыми на них кожаными же змеями использовались для лечения болезней и ульчами [Шренк, 1903, с. 120].

Очень самобытно выглядит орокский пояс для излечения органов пищеварения, приобретенный для МАЭ Б.О. Пилсудским (МАЭ, № 2803–43). Он представляет собой широкую, в 10 см, полосу бересты, обшитую по краям узким кантом черной ткани. Концы пояса, сходящиеся встык при его надевании, украшены вырезанным спиралевидным орнаментом. Сзади на спинке пояса пришита деревянная антропоморфная фигурка (высотой в 3,5 см) с выпученным животом, которая, очевидно, и являлась средством борьбы с болезнью.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

***

Резюмируя материалы, представленные в данном разделе, отметим общее и особенное в характеристике поясов у народов амуро-сахалинского региона. У всех из них, независимо от этнической принадлежности, совпадали два вида поясов: 1) нижние, нательные и 2) верхние, которые использовались как рабочие и промысловые. Первые относились к тому же типу, что и аналогичные пояса у эвенков и эвенов, и их происхождение, несомненно, обусловлено тунгусским компонентом в составе народов Нижнего Амура и Сахалина.

Вторые не встречают сходства в других северных районах, составляя специфическую особенность народов этого региона. Это длинные (2–3 м) узкие кожаные пояса, которые дважды оборачивались вокруг туловища. Их обязательно носили мужчины и реже женщины.

Способ подпоясывания был также единообразным у всех народов. Сначала пояс прикладывали к животу, так что концы его шли за спину, где они перекрещивались и возвращались обратно, закрепляясь спереди при помощи пряжки или просто узла. Функциональное назначение таких поясов, помимо поддерживания одежды, заключалось в подвешивании различных предметов, главными из которых были ножи, игольники, трутницы, а также ружейные принадлежности.

Повседневные и праздничные пояса народов Амура подвесок не имели, их использовали главным образом как дополнительное украшение ансамбля одежды. Среди поясов этого рода выявляется совершенно иная картина, характеризующаяся большим разнообразием вариантов по отдельным народам, которые нередко представлены единичными и весьма оригинальными экземплярами.

Мужчины и женщины у нивхов и ульчей, реже у нанайцев, использовали длинные узкие плетеные пояса, которыми оборачивались два–три раза, прикладывая сначала пояс к животу, как это практиковалось с промысловыми поясами.

Мужчины у нанайцев, орочей, удэгейцев носили пояса из двух слоев ткани, которые завязывались спереди двумя узлами.

Нанайские пояса представлены наибольшим числом разновидностей. Кроме двух отмеченных выше типов у них были очень широкие короткие пояса из ткани, уплотненные подкладом, расшитые снаружи красочным орнаментом (их носили только мужчины) и широкие короткие пояса, украшенные бисером, скорее всего, заимствованные у эвенков (их носили только женщины).

Своеобразные пояса, не встречающие аналогий, зафиксированы у ороков (из четырех полос ровдуги изогнутой формы) и орочей (из шкурок с утиных голов, чередующихся бисерными вставками).

Негидальцы носили пояса, плетенные из конского волоса, которые поступали к ним, по всей видимости, от среднеамурских эвенков-коневодов.

Кроме того, по всему региону были распространены привозные наборные пояса якутского и бурятского производства. Кроме этих поясов, получаемых уже в готовом виде, в отдаленном прошлом на Амуре, по-видимо-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

му, существовали самобытные наборные пояса местного изготовления. Сведения об их бытовании касаются, в частности, нанайцев.

Наконец, еще одной особенностью региона было широкое использование населяющими его народами разнообразных обрядовых поясов, среди которых выделяются свадебные, погребальные, а также предназначавшиеся для охраны здоровья и исцеления от болезней.

***

Во вступительной части статьи уже были выделены признаки, имеющие, на наш взгляд, основное значение при изучении традиций использования поясов различными народами Сибири. С опорой на них и был рассмотрен значительный этнографический материал, составивший основной объем источников. Большая часть этих данных представляет собой не публиковавшиеся ранее материалы из музейных коллекций середины XIX – XX вв. Они имеют немалый научный интерес как важный первоисточник, привлечение которого пополняет этнографическую базу данных о коренных народах Сибири и расширяет наши представления об их традиционной культуре.

В ряде случаев в разделах была проведена и первичная систематизация данных о поясах отдельных народов. Но теперь нам предстоит перейти к выполнению второй задачи, а именно – к классификации всего собранного материала и распределению его, по возможности, по типам и комплексам.

Пояса, бытующие или бытовавшие в недалеком прошлом у народов Сибири, весьма разнообразны. По своему функциональному назначению они могут быть объединены в две большие группы или категории: 1) нижние (нательные, или внутренние) и 2) наружные, надеваемые на верхнюю одежду.

В отличие от наружных поясов, характеризующихся значительным количеством типов, нижние пояса дают в целом единообразную картину. И у мужчин, и у женщин они имели вид узкого кожаного ремешка длиной по объему талии, который либо завязывался спереди узлом, либо, позднее, застегивался на пуговицу. С обеих боковых сторон к поясу крепилось по одному–два металлических кольца для привязывания к ним верхней части ноговиц или голенищ высокой обуви. Такова основа конструкции, выявляемой у всех народов, за исключением Северо-Восточного региона, недостаток сведений по которому не позволяет пока дать однозначного ответа о форме нижних поясов коряков, чукчей и эскимосов.

Однако в пределах этого типа имеют место локальные варианты, характерные для определенных районов и этнических групп. Главные различия заключаются в том, что одни народы носили нижние пояса с подвесками, которыми были нож в ножнах, курительная трубка в чехле, кисет, трутница, огниво, а другие – без них, в чем и отражалась основная этническая специфика. Дополнительные особенности, связанные с ношением нижних поясов, проявлялись еще в двух характеристиках. Во-первых, важно, что именно – высокую обувь или ноговицы – подвязывали к нижнему поясу, и, во-вторых, какого покроя – глухого или распашного – была верхняя плечевая одежда.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

Первый вариант – нижний пояс с подвесками – был характерен прежде всего для эвенков и эвенов, а также для тех восточно-сибирских этносов, которые издавна находились с ними в тесных контактах (юкагиры) либо вобрали в себя значительный тунгусский компонент (нганасаны и долганы). Причем важно отметить, что подвески у всех из них носили только мужчины, в то время как на женских поясах они отсутствовали. Народы этой группы, за исключением нганасан с энцами, составляющих случай особого рода, требующий этнолокального их выделения, прикрепляли к нижним поясам ноговицы и носили одежду распашного типа.

Второй вариант – нижний пояс без подвесок – фиксируется, с одной стороны, у народов Нижнего Амура и Сахалина, а с другой, - на севере Западной Сибири. Но оба этих региона различаются дополнительными особенностями, которые требуют разделения их на подварианты. В амуро-сахалинском ареале традиционным было, как и у эвенков, ношение отдельных от натазников ноговиц и верхней плечевой одежды распашного покроя. По этим характеристикам тунгусо-маньчжурские народы, к которым примыкают и нивхи, образуют один комплекс с эвенками, эвенами, долганами и юкагирами.

Среди западно-сибирских этносов нижние пояса зафиксированы у кетов, у женщин ненцев и восточных хантов, а также у мужчин нганасан и энцев. Данный регион характеризуется чрезвычайным разбросом признаков, очевидно, ввиду значительной этнокультурной пестроты населяющих его народов, поэтому здесь выделяется ряд разновидностей. Кеты крепили к нижним поясам ноговицы и носили одежду распашного покроя. Ненецкие и восточно-хантыйские женщины подвязывали к поясам высокую обувь, но верхняя их одежда тоже была распашной.

У нганасанских и энецких мужчин пояса употреблялись для поддержания обуви и ношения различных принадлежностей – ножей в ножнах, курительных трубок и пр. Следовательно, нганасано-энецкая традиция обнаруживает смешение признаков, характерных, с одной стороны, для западно-сибирских этносов, а с другой – для эвенков и эвенов. Специфическим является и то, что нижний пояс использовался нганасанами и энцами в комплекте с одеждой глухого типа.

Относительно народов Северо-Востока мы располагаем только косвенными данными, позволяющими считать пока в порядке предположения, что нижние пояса встречались в мужской одежде коряков, чукчей и эскимосов. Но достоверно и в полном объеме выявить их сходство или различие с другими регионами не представляется возможным из-за отсутствия необходимых сведений. С уверенностью можно говорить лишь о том, что такие пояса надевались под одежду глухого покроя и использовались для прикрепления к ним больших – «бедренных» – ножей. По обоим этим признакам народы Северо-Востока обнаруживают поразительное сходство с нганасанами и энцами, что добавляет еще одну аналогию к тем параллелям, которые ранее уже были выявлены в их традиционной одежде [Прыткова, 1952, с. 22; Долгих, Файнберг, 1960, с. 41–43].

Этнолокальной особенностью коряков, чукчей и эскимосов является очевидное отсутствие на их нижних поясах специальных ремешков или колец,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

обязательных в остальных районах Сибири. Такая особенность обусловлена тем, что традиционные для народов Северо-Востока штаны со штанинами длиной до щиколоток и короткая обувь исключали их подвязывание к поясу.

Переходя к классификации верхних поясов, подчеркнем еще раз, что они представлены у народов Сибири различными типами, среди которых наблюдается большое разнообразие в конструкции, форме, материале, видах украшений, манере подпоясывания, наборе подвесок, способах их крепления и прочих деталях. Эти отличительные признаки были положены в основу для выделения типов и вариантов.

I. К первому (простейшему) типу следует отнести пояса из узких полос кожи, ширина которых не превышала 1–2 см, а полотно не имело никаких украшений. Материалом для их изготовления служили шкуры оленя, лося или нерпы, в зависимости от того, какое из этих животных являлось главным объектом промысла. Так, оленные чукчи и коряки использовали шкуру оленя, оседлые – нерпы, так же как нивхи и ороки; а шкуру лося употребляли кеты, тунгусоязычные народы Амура и некоторые группы манси. Независимо от этнической принадлежности такие пояса являлись прежде всего рабочими, промысловыми, поэтому у всех народов к ним подвешивались предметы, необходимые для занятий охотой, рыболовством, оленеводством. Эти пояса были преимущественно мужскими, но их могли надевать и женщины во время работы и промысловой деятельности.

Бытование узких кожаных поясов охватывает три ареала: весь Северо-Восток, целиком амуро-сахалинский регион и два района на севере Западной Сибири. Каждый из них отличался способом крепления пояса, манерой подпоясывания и некоторыми другими деталями, на основании которых выделяются следующие варианты:

1. Северо-восточный. Коряки, чукчи и эскимосы делали такие пояса длиной по обхвату талии или чуть больше – с запасом на застегивание. Для застежки использовались пряжки – костяные с крючком или металлические с подвижным язычком, простые крючки и пуговицы, которыми нередко служили небольшие гальки. Способ подпоясывания – с большим напуском. Корякские пояса были однослойными, чукотско-эскимосские – чаще из двух слоев кожи. Предметы подвешивались на ремешках, которые либо плотно пришивались к поясу, либо закреплялись в нем через сквозные отверстия. Чукчи и эскимосы один из двух ремешков, на которых крепились ножны, привязывали к поясной пряжке.

2. Амуро-сахалинский. У всех народов этого региона пояса были длинными, их дважды оборачивали вокруг талии. Причем сначала пояс прикладывали к животу, а затем концы его соединяли впереди, где застегивали на костяную пряжку или завязывали на узел. В последнем случае концы оставляли свободными или подтыкали под пояс. Длина пояса с пряжкой составляла примерно 2 м, без пряжки – около трех. Пряжки были двух типов, одни застегивались как пуговицы, другие – как крючки. Необходимые предметы подвешивались на ремешках, которые крепились через прорези в полотне пояса или на ременных петлях, а также с помощью так называемых фигурных подвесок, аналогичных тем, что использовались народами тюрко-монгольского круга.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

3. Западно-сибирский.

А) Кеты изготавливали узкие кожаные пояса длиной примерно 115–130 см и застегивали их спереди при помощи оригинального приспособления, не встречавшегося у других народов – в виде железного кольца, крепившегося с одной стороны, и костяного или деревянного штыря с изогнутым краем – с другой. Подвески крепились на ремешках, привязанных к прорезям в полотне пояса. Способ подпоясывания – низкий, по бедрам, с образованием небольшой пазухи.

Б) Манси использовали такие пояса в качестве мужских летних и носили с глухой одеждой. Их делали длиной по обхвату талии и застегивали спереди на костяную пряжку или пуговицу. Носили с подвесками. Способ подпоясывания - с большим напуском.

У других народов Севера подобные пояса встречались либо в качестве заимствованных (у эвенов они были чукотского происхождения), либо как очень архаичные экземпляры, отражающие, очевидно, какие-то древние формы (у долганских женщин и женщин лесных ненцев, а также в погребальной одежде нганасан и энцев).

Таким образом, по материалам XIX – XX в., узкие кожаные пояса были наиболее характерны для северо-восточных и амуро-сахалинских народов, а также кетов, в то время как у манси их бытование было довольно ограниченным. В каждой из этих этнических групп выявляется своя традиция, имеющая различное происхождение. Наиболее самобытны пояса этого типа у кетов, с одной стороны, и чукчей, коряков и эскимосов – с другой. У амуро-сахалинских народов они имеют аналогии с монголо-маньчжурскими длинными матерчатыми поясами по своей длине, двойному оборачиванию вокруг талии и специфическим фигурным подвескам.

В самодийской и тунгусской традициях пояса этого типа в исторический период времени не фиксируются. Однако единичные экземпляры, встречавшиеся у лесных ненцев и долган (причем в женской одежде, сохраняющей обычно более древние формы), а также упоминания в фольклоре свидетельствуют о том, что у самодийцев и тунгусов подобные пояса некогда тоже существовали. Так, в одном из сказаний урмийских эвенков упоминается пояс героя из сухожилия важенки [Исторический фольклор эвенков, с. 222].

II. Второй тип поясов, широко распространенных в Сибири, можно охарактеризовать как широкие, короткие (по обхвату талии или чуть больше, с запасом на застегивание) пояса из кожи или ткани, концы которых соединялись спереди при помощи завязок или пуговиц с петлями, а также пряжек. Очевидно, изначально их делали только из кожи, заменителем которой со временем стала выступать ткань – преимущественно толстое сукно или фланель, на Амуре также бархат. Такие пояса встречались в каждом из четырех регионов, но со своими особенностями, позволяющими выделить среди них следующие варианты:

1. Северо-восточный. У коряков, чукчей и эскимосов эти пояса в целом были очень сходными с узкими кожаными поясами первого типа. Они совпадали с ними по длине, материалу (только из кожи), способам застегивания, манере ношения, креплению подвесок, но отличались шириной (у ко-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

ряков до 7–10 см, у чукчей и эскимосов до 3–5 см), а также тем, что имели красочную отделку в виде кожаной аппликации, вышивки подшейным оленьим волосом, позднее фабричными нитками. На корякских поясах встречалась еще и бисерная отделка, которая, по всей видимости, была заимствованной от эвенов.

2. Восточно-сибирский (тунгусский) – у эвенков, эвенов, юкагиров, долган, а также нганасан с энцами (только в погребальной одежде). Здесь пояса этого типа известны лучше по эвенкийским и долганским образцам, в то время как по эвенам и юкагирам сведения очень расплывчаты и не полны. Это были полосы из кожи или сукна, нашитого на кожаную основу, реже из сукна с тканевым подкладом, шириной 4–9 см. У эвенков края пояса часто закруглялись. Застегивались они, как правило, на пуговицы и петли либо завязывались на дополнительные узкие ремешки, пришитые по краям. У долган имели равное распространение в женской и мужской одежде, у эвенков и эвенов характерны преимущественно для женщин. Мужчины носили такие пояса, как правило, без подвесок, женщины подвешивали к ним все необходимые принадлежности, которые крепились на отдельных ремешках (часто с металлическими кольцами и разнообразными украшениями), пришитых с изнанки к нижнему краю пояса. Одна из главных особенностей – обильная вышивка бисером: и эвенков и эвенов сплошная, плотными концентрическими рядами, у долган и в погребальной одежде нганасан и энцев – в виде отдельных орнаментальных узоров. Юкагирские пояса, наряду с бисером, сохраняли также традиционную отделку в технике стачивания (мозаики) нескольких полос кожи контрастных цветов.

3. Западно-сибирский. Здесь они наиболее характерны для кетов, в то время как у угорских и самодийских народов встречаются локально и имеют очень ограниченные сведения.

А) У кетов такие пояса носили только мужчины, используя их в качестве повседневных. Ширина их составляла 7–10 см, длина 80–90 см. Их делали двухслойными из сукна и хлопчатобумажной ткани, сверху темного цвета, с окантовкой из яркого контрастного. Края закругляли. Застегивали на две пуговицы и петли. Декоративное оформление дополнялось вышивкой оленьим волосом, бисером и позднее фабричными нитками. По нижнему краю крепились провисающие нити с нанизанным на них бисером. Подвески на таких поясах не носили.

Б) Угорские пояса имели отделку бисером и крепились при помощи завязок или пуговиц с петлями. У манси они известны как мужские. У восточных хантов их носили также и женщины, причем их пояса по ряду признаков были особенно близки мужским кетским, а также эвенкийским.

В) В самодийской среде такие пояса носили женщины у селькупов и лесных ненцев, а также мужчины юраков (восточных ненцев). У всех они украшались бисером, но различались способом крепления. Мужские пояса юраков застегивались на парные медные пряжки обычного ненецкого типа. Селькупские женские пояса завязывались на ремешки. У лесных ненцев указание на эту деталь отсутствует. Аналогичные пояса в погребальной одежде нганасан и энцев в точности повторяли долганские образцы.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

4. Нижне-амурский. Зафиксирован только у нанайцев в двух праздничных разновидностях – а) пояса невест, сплошь зашитые бисером, шириной около 7 см, и б) очень широкие, до 20 см, пояса из сукна и бархата, подбитые легким слоем ваты, которыми мужчины подпоясывали нарядную одежду. Они застегивались на пуговицы и воздушные петли и богато орнаментировались вышивкой и плетением из разноцветных тесемок. Как видим, амурский вариант имел очень ограниченное распространение, причем первая его разновидность, очевидно, была обусловлена влиянием эвенков, тогда как вторая находит аналогии в костюмах монголов и бурят.

Пояса народов Северо-Востока должны рассматриваться в русле развития своей местной традиции. С поясами первого типа они образуют единый комплекс, изменения в котором касались только увеличения их ширины и добавления нарядной отделки на основе традиционных материалов.

В Восточной и Западной Сибири пояса второго типа наиболее характерны для кетов и тунгусов, от которых они ведут свое происхождение у юкагиров, долган и в погребальной одежде нганасан с энцами, а также у восточных хантов и, возможно, лесных ненцев. Яркой их особенностью является употребление большого количества бисера, очевидно, вытеснившего традиционные материалы, прежде всего вышивку подшейным оленьим волосом. У селькупов и манси такие пояса имеют, скорее всего, местные корни, хотя нельзя исключать и их возникновения путем упрощения поясов наборного типа, в которых металлические накладки были заменены бисерным украшением. Последний случай очевиден для мужских поясов восточных ненцев.

III. Третий тип составляют так называемые наборные пояса – широкие, короткие, украшенные поверх кожаной, а позднее и суконной основы накладными пластинами либо пуговицами-бляшками и застегивающиеся парными металлическими пряжками. Оставляя за пределами рассмотрения широко распространившиеся по Восточной Сибири и на Нижнем Амуре наборные пояса якутской и бурятской работы, попадавшие на места уже в готовом виде, мы должны констатировать, что традиция их собственного изготовления к началу XX в. достоверно зафиксирована лишь в одном регионе – на севере Западной Сибири. Краткая информация о возможном бытовании в прошлом самобытных наборных поясов у нанайцев носит исторический характер, а фрагменты пояса с пластинами оригинальной формы, обнаруженные в эвенском (?) захоронении в районе устья р. Лены, требуют дополнительного изучения для решения вопроса об их атрибуции. Поэтому, не исключая вероятности некогда более широкого распространения местных наборных поясов, в частности на Амуре и у северных тунгусов, все же достоверно можно говорить пока лишь об одном очаге их локализации – у западно-сибирских народов.

Здесь наборные пояса отмечены в первую очередь у угров и ненцев, но, по некоторым сведениям, они бытовали и у селькупов. Важной особенностью этих поясов было то, что их носили только мужчины и лишь с одеждой глухого покроя. Способ подпоясывания – с большим напуском. У ненцев, с одной стороны, и у хантов и манси, с другой, такие пояса имели много общего в формах накладок и типе пряжек, поэтому сейчас разделить их традиции, опираясь только на этнографические материалы, по-видимому,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

невозможно. Точно так же очень трудно установить, был ли у них изначально общий очаг происхождения, находившийся далеко за пределами севера, или одна из сторон заимствовала эту традицию от своих соседей уже в местах своего нынешнего обитания. Актуальным остается и вопрос предполагаемых, но пока еще не вполне доказанных связей с древнетюркскими наборными поясами.

IV. Четвертый тип поясов – длинные, плетеные или тканые, называемые еще опоясками. Они отмечены в двух регионах, в связи с чем имеют место два варианта.

1. Западно-сибирский. Встречался у обских угров и селькупов в мужской и женской одежде, у ненцев – только у женщин. Такие пояса использовались лишь с одеждой распашного кроя. В южных и восточных группах угров опояски изготавливали сами в технике плетения или тканья, в северных же, как и у ненцев, приобретали готовыми, русской или коми-зырянской работы. Ширина их варьировала, длина составляла обычно 2,5–3 м, на концах часто делали кисти. При несомненном внешнем сходстве опояски имели этнические различия в способах ношения. Так, восточные ханты оборачивали их дважды или трижды вокруг туловища и при завязывании оставляли свисающие концы. Мужчины завязывали пояс спереди, а женщины – сзади, спереди или сбоку. Ненецкий способ, принятый также у женщин северных хантов, был сложнее, с использованием большого медного кольца, игравшего роль пряжки. При этом пояс складывался вдвое. Ненецкие женщины носили опояски без подвесок, угры и селькупы могли прикреплять к ним при необходимости различные предметы.

2. Нижне-амурский. Отмечен у ульчей, нивхов и нанайцев, использовавших такие пояса (шириной около 3 см, длиной 2,5 м) в качестве повседневных или праздничных. И мужчины, и женщины при надевании сначала прикладывали их к животу и два или три раза оборачивали вокруг туловища. Оставшиеся концы свободно спускали вниз. Ульчи и нивхи изготавливали плетеные пояса сами на специальных станочках, позаимствовав этот навык от айнов. Нанайцы приобретали такие пояса только в готовом виде.

Происхождение плетеных поясов в Западной Сибири и на Амуре, несмотря на их поразительное сходство, при большой удаленности этих регионов и отсутствии между ними прямых контактов не принято рассматривать проявлением общей историко-культурной традиции. Исследователи хантов и манси вполне правомерно считают опояски элементом финно-угорского или даже финноугро-самодийского культурного единства, основываясь на том, что аналогичные пояса характерны также для народов Поволжья, с одной стороны, а с другой – для шорцев и кумандинцев Северного Алтая [Лукина, 1985, с. 196, 198; Федорова, 1994, с. 145]. В то же время такой авторитетный специалист по Амуру, как А.В. Смоляк, рассматривает их бытование у ульчей и нивхов в качестве заимствования от айнов, правда при этом упор делается прежде всего на проникновение «айнского искусства плетения поясов в начале XX в.» [Смоляк, 1984, с. 235].

В принципе соглашаясь с обеими этими точками зрения, нельзя не отметить, однако, и такое важное информационное свидетельство, как обна-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

ружение плетеного пояса-шнура в одном из погребений пазырыкской культуры. Данный пояс принадлежал женщине, в одежде которой он являлся едва ли не главным элементом костюма. Его длинные концы, украшенные гроздьями кистей, придавали особую пышность всему наряду. По мнению Н.В. Полосьмак, открывшей и описавшей это захоронение, подобный пояс может быть сопоставлен с плетеными шерстяными шнурами, игравшими большую роль в индоиранской ритуальной практике, где они являлись знаком принятия в религиозную общину. В связи с этим «зороастрийцы стали носить шнур как пояс, повязывая его поверх нижней белой рубахи, трижды обернув вокруг талии, – это был знак посвященного». Поэтому плетеный шнур в культуре пазырыкцев Н.В. Полосьмак считает «принадлежностью индоиранской культуры (в широком значении этого понятия)» [Полосьмак, 2001, с. 117–118].

Такая информация не может быть оставлена без внимания при рассмотрении интересующего нас вопроса о происхождении плетеных поясов у народов Сибири. Сопоставление с ней позволяет выявить истоки этой традиции, по крайней мере в западно-сибирских культурах. Амурский регион имеет меньше оснований для подобного рода сравнений, однако импульсы иранского влияния могли в древности доходить и до него.

Исследователи угров выделяют в их культуре обширный пласт разнообразных заимствований, свидетельствующих о длительном контакте предков хантов и манси (до их переселения на север) с ираноязычным населением. В.Н. Чернецов отмечал, что «пришельцы, угры по языку, во время своего пребывания в степи первоначально входили в состав скифо-сарматского мира, насыщенного иранскими элементами. Этим обусловливается и наличие многих иранских черт в языке, фольклоре и обрядах остяков и вогулов. Иранским источникам угры обязаны и многими культурными навыками» [Чернецов, 1947, с. 114–115]. Очевидно, не будет ошибкой отнести к ним и использование хантами и манси плетеных поясов, во всяком случае каких-либо серьезных возражений такому суждению мы не видим.

Относительно появления поясов этого типа у ненцев и селькупов можно предполагать пока с равной долей вероятности, что они либо вынесли эту традицию с мест своего исторического пребывания в Южной Сибири, либо заимствовали ее уже на севере у обских угров. Последняя точка зрения скорей относится к селькупам, культура которых характеризуется значительным хантыйским влиянием, тогда как ненецкие пояса с их особым приемом застегивания на оригинальную пряжку в форме большого кольца представляют собой скорее какую-то локальную разновидность.

Предполагаемое в историческом плане соотнесение плетеных поясов народов Амура с традицией древних иранцев, не имеющее пока под собой убедительных оснований (кроме, разве что совпадения в типе пояса и обычае многократного им оборачивания), выглядит достаточно спорным и уязвимым. Однако не в последнюю очередь это обусловлено вообще слабой разработкой в этнографической литературе вопроса о ранних связях Амурского региона с культурами Запада. При этом археологами все же отмечаются древние контакты народов Нижнего Амура с населением

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

Енисея и Тувы в эпоху бронзы и в тюркский период [Дэвлет, 1978]. Бесспорной западной чертой в культуре народов Нижнего Амура А.В. Смоляк считает наличие у них срубной техники в ритуальных и хозяйственных постройках середины XIX в., аналогичной той, что хорошо известна на западе, судя по скифским погребениям [Смоляк, 1973]. Поэтому, на наш взгляд, нет оснований отказываться от того, чтобы усматривать в нижнеамурской традиции плетеных поясов следы возможного иранского влияния.

К тому же своеобразный этногеографический мостик в распространении данного элемента культуры в сторону амурского региона могут составить упоминавшиеся выше у среднеамурских эвенков-коневодов пояса, плетенные из конского волоса. К сожалению, отсутствие подробных сведений об этих поясах не позволяет воспользоваться данной информацией в полной мере. Однако даже простое упоминание о них заслуживает того, чтобы включить это важное свидетельство в общую канву наших рассуждений о возможных иранских корнях происхождения плетеных поясов у исследуемых народов и о разнонаправленных волнах распространения этой традиции на Север и Дальний Восток.

V. Пятый тип – мягкие матерчатые пояса в виде длинных и широких полос ткани. Отмечены локально у ряда народов севера Западной Сибири и Нижнего Амура, а также у южных скотоводческих групп эвенков. Каких-либо заметных региональных различий в их форме не наблюдается, поэтому в выделении вариантов нет необходимости. Этнические особенности касались лишь способов подпоясывания и деления по половой принадлежности.

В Западной Сибири подобные пояса длиной от 2 до 3–4 м, шириной 15–30 см носили кеты (только женщины) и ханты и манси независимо от пола. Их дважды или трижды оборачивали вокруг туловища. Кеты завязывали пояс спереди, подтыкая оставшиеся концы. У хантов мужчины завязывали пояс спереди, женщины – спереди или сзади, длинные концы при этом спускались вниз.

На Нижнем Амуре длинные матерчатые пояса носили только мужчины у нанайцев, орочей и удэгейцев. После двукратного оборачивания их завязывали спереди, а концы подбирали под пояс.

Среди эвенков пояса этого типа встречались у забайкальских хамниганов и коневодческих групп Среднего Амура. В первом случае их носили только мужчины, во втором, как свидетельствуют фотографии манегров, могли надевать также и девушки. И те, и другие после многократного обертывания концы пояса подтыкали.

Мягкие матерчатые пояса являлись типичной чертой мужской одежды у всех монголоязычных этносов, в том числе и их этнических предшественников – киданей, у которых они были заимствованы маньчжурами. К нанайцам, орочам и удэгейцам, а также к конным эвенкам Среднего Амура такие пояса попали вместе с другими элементами маньчжурской культуры. У забайкальских же эвенков-хамниганов, длительное время находившихся под сильным влиянием ближайших южных соседей – дауров и монголов, одежда являлась по сути дела монгольской, поэтому важное место в ней занимал и матерчатый пояс.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

Все названные народы восприняли вместе с монгольскими поясами и сопутствующий им обычай, по которому замужние женщины пояса не носили, в то время как девичья одежда могла подпоясываться наравне с мужской, что нашло отражение, в частности, в культуре манегров.

Менее понятным для нас является происхождение мягких матерчатых поясов в культурах кетов и угров. Монгольское влияние здесь маловероятно в виду значительной территориальной удаленности, а также из-за различия в традициях ношения таких поясов. У угров их носили женщины наравне с мужчинами, а у кетов вообще только женщины, что в принципе исключается монгольскими обычаями.

В связи с этим следует вспомнить, что аналогичные пояса встречались еще в одном регионе – у тюрков Южной Сибири (алтайцев, тувинцев, хакасов). Рассматривая это совпадение в культурах угорских и алтайских народов, Н.В. Лукина считает, что «общность традиций основана, очевидно, на том, что их формирование происходило на единой территории, где осуществлялись контакты между уграми, тюрками и монголами. Наиболее вероятно, что этой территорией был Алтай. Исходя из существующих точек зрения, можно полагать, что матерчатые пояса у тюрков и угров появились от монголов» [Лукина, 1985, с. 198].

Однако согласиться с таким заключением мешает некоторая хронологическая нестыковка. Дело в том, что проникновение монгольских элементов одежды к алтайским тюркам датируется не ранее периода Чингис-хана, в основном же оно протекало в XV–XVIII вв., во время господства на Алтае западных монголов (ойратов) [Потапов, 1951, с. 53–54]. Ханты и манси проживали к этому времени уже значительно севернее, не имея непосредственных контактов с народами Алтая. К тому же алтайская традиция ношения длинных матерчатых поясов имеет те же отличия от монгольской, что и угорская и кетская, поскольку женщины у алтайцев не были лишены возможности подпоясывания [Потапов, 1951, с. 36; Дьяконова, 2001, с. 86, 96].

В связи с этим, встает вопрос, не следует ли искать для матерчатых поясов саяно-алтайских тюрков, а вместе с ними кетов и угров, иной источник происхождения, не связанный с монголами. Ответом на него, в порядке предварительного предположения, может рассматриваться материал по одежде хуннов, обнаруживающий интересные параллели. Есть свидетельства, что хунны подпоясывали свои халаты не только наборными поясами, но еще и широкими поясами из материи [Руденко, 1962, с. 39; История Сибири, 1968, с. 244]. Известно также, что к гуннскому времени восходят многие черты культуры алтайцев, тувинцев и других народов Саяно-Алтая, ставшего во II–I вв. до н.э. и в первые века н.э. частью гуннской периферии. Немаловажным фактом, который нужно принять во внимание в связи с вопросом о матерчатых поясах, является то, что в этот период знать алтайских кочевников начала получать через посредство гунно-китайских связей китайские шелковые ткани, из которых она шила нарядные одежды [Потапов, 1951, с. 52].

Отдавая себе отчет в том, что высказанное предположение о возможных хуннских истоках традиции матерчатых поясов у народов Саяно-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

Алтая и севера Западной Сибири носит очень предварительный характер, требующий дополнительных уточнений, в первую очередь в материалах самих хуннов, отметим все же, что оно не лишено исторических оснований, по крайней мере для кетов, в языке и культуре которых специалисты выявляют очевидные гуннские соответствия [Алексеенко, 1973, с. 8–10].

Итак, верхние пояса, выявляемые у разных народов в пределах исследуемого региона, при всем многообразии их форм могут быть сведены к пяти основным типам, внутри каждого из которых выделяются варианты, встречавшиеся у представителей различных этнических общностей. В ряде случаев это свидетельствует лишь о простом совпадении сходных форм при независимом, конвергентном их возникновении. Но многие примеры являются отражением как древних, так и более поздних этногенетических и историко-культурных связей. Распределение поясов по основным типам, а также распространение их у отдельных народов показано в приведенных ниже сводных материалах.

Основные типы верхних поясов

I. Узкие кожаные пояса.

1. Северо-восточный вариант – коряки, чукчи, эскимосы, кереки, эвены (анадырские).

2. Амуро-сахалинский вариант – все народы Нижнего Амура и Сахалина.

3. Западно-сибирский вариант – кеты, манси (мужчины).

4. В архаичных формах – у лесных ненцев (женщины), долган (женщины), у нганасан и энцев в погребальной одежде.

II. Широкие короткие пояса из кожи или ткани.

1. Северо-восточный вариант – коряки, чукчи, эскимосы, кереки, ительмены.

2. Восточно-сибирский (тунгусский) вариант – эвенки, эвены, юкагиры, долганы, нганасаны с энцами (в погребальной одежде).

3. Западно-сибирский вариант – кеты (мужчины), манси (мужчины), ханты (восточные), селькупы (женщины), лесные ненцы (женщины), восточные ненцы (мужчины).

4. Нижне-амурский вариант – нанайцы.

III. Наборные пояса.

Мужчины у ненцев, хантов, манси, и, возможно, селькупы.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

IV. Длинные, плетеные или тканые (опояски).

1. Западно-сибирский вариант – ханты, манси, селькупы, ненцы (женщины).

2. Нижне-амурский вариант – ульчи, нивхи, нанайцы.

V. Мягкие матерчатые пояса.

Кеты (женщины), ханты и манси. Мужчины у нанайцев, орочей и удэгейцев. Эвенки (забайкальские скотоводы-хамниганы и среднеамурские конные).

Распространение поясов у отдельных этносов

Этнос	**Преобладающий тип**	**Сосуществующий или иногда встречающийся тип**
Коряки, чукчи, эскимосы, кереки	I, II	
Эвенки	II	V (забайкальские скотоводы, конные средне-амурские)
Эвенки	II	I (анадырские)
Юкагиры	II	
Долганы	II	I (женщины)
Народы Нижнего Амура и Сахалина	I, IV (ульчи, нивхи, нанайцы), V (мужчины у нанайцев, орочей, удэгейцев)	II (нанайцы)
Ханты	III (мужчины), IV, V	II (восточные ханты)
Манси	II (мужчины), III (мужчины), IV, V	I (мужчины)
Кеты	I, II (мужчины), V (женщины)	
Ненцы	III (мужчины), IV(женщины)	I (лесные ненцы, жен.), II (лесные ненцы, жен., восточные ненцы, муж.)
Селькупы	II (женщины), III, IV	
Нганасаны		I и II – только в погребальной одежде

Важное дополнение к этой информации дает и сопоставление способов подпоясывания, в распределении которых также выявляются твердо очерченные ареалы.

1. У восточно-сибирских народов – эвенков, эвенов, юкагиров и долган – широкие короткие пояса II типа носились с распашной одеждой и повязывались плотно на уровне талии, соединяясь концами спереди на середине.

2. На севере Западной Сибири ненцы, ханты и манси с короткими широкими поясами II и III типов, а также на Северо-Востоке коряки, чукчи и эскимосы с поясами I и II типов носили одежду глухого образца, которую подпоясывали с образованием большого напуска, используемого как вместилище для мелких вещей. Скорее всего, данная традиция восходит к особенностям древнеарктической глухой одежды автохтонного населения Севера. Ношение пояса с большим напуском встреча-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

лось среди стариков у нивхов и ульчей, что может рассматриваться как дань старинному «палеоазиатскому» обычаю, аналогичному с народами Северо-Востока.

3. Длинные пояса IV и V типов – матерчатые и плетеные – на Нижнем Амуре и Сахалине носили с распашной одеждой, повязывая их на уровне талии и несколько раз оборачивая вокруг туловища.

4. Наконец, четвертый ареал выявляется на севере Западной Сибири – повязывание поверх распашной одежды, низко по бедрам, с образованием небольшой пазухи. Такой обычай отмечен у кетов, селькупов и женщин восточных хантов. Возможно, что в качестве рудимента он встречался и на нижнем комбинезоне нганасанских женщин.

Нельзя оставить без внимания и тот факт, что способы ношения поясов, так же как и сами их формы, могли видоизменяться на протяжении времени под действием самых различных факторов. Поэтому имеющиеся материалы порой свидетельствуют об отступлениях от общей нормы, о каких-то локальных разновидностях, и все же специфика каждого народа (или группы народов), имеющая место в обычаях подпоясывания, традициях конструкции поясов и их деталей, чаще всего прочно сохранялась. На этом основании данные о поясах имеют немаловажное значение для этнографических исследований, так как они могут широко и плодотворно привлекаться для характеристики традиционной культуры, решения проблем этногенеза и выявления этнокультурных связей. В данной статье такая работа проводилась везде, где это допускалось имеющимся материалом, однако ее необходимо продолжить. Главным направлением должен стать поиск новых источников для восполнения недостающих сведений и уточнения спорных вопросов. Это могут быть, во-первых, коллекции местных сибирских музеев, к сожалению, оставшиеся в значительной степени за рамками нашего рассмотрения, и, во-вторых, сравнительный анализ терминологических данных, которые были привлечены также недостаточно. Дальнейшая работа по сбору новых материалов и включению их в уже имеющуюся базу данных может внести как подтверждающие уточнения, так и существенные исправления в предлагаемую сейчас схему.

Библиография

Алексеенко Е.А. Кеты. Историко-этнографические очерки. Л., 1967.

Алексеенко Е.А. Техника изготовления одежды у кетов // Одежда народов Сибири. Л., 1970. С. 122–136.

Алексеенко Е.А. Южносибирские элементы в культуре кетов. М., 1973.

Алексеенко Е.А. К вопросу о ранних кето-угорских взаимодействиях // Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum. Turku 20-27.VIII.1980. Pars 3. Turku, 1981. S. 3–8.

Алексеенко Е.А. Этнические и культурные взаимодействия кетов и обских угров // Проблемы этногенеза и этнической истории аборигенов Сибири. Кемерово, 1986. С. 106–113.

Алексеенко Е.А. Ребенок и детство в культуре кетов // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. Л., 1988. С. 9–37.

Антропова В.В. Вопросы военной организации и военного дела у народов Крайнего Северо-Востока Сибири // Сибирский этнографический сборник II. ТИЭ, Новая серия, Т. XXXV. М.; Л., 1957. С. 99–245.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

Антропова В.В. Культура и быт коряков. Л., 1971.

Анучин В.И. Очерк шаманства у енисейских остяков // Сборник МАЭ. Т. 2. Вып. 2. СПб., 1914.

Байбурин А.К. Пояс (к семиотике вещей) // Сборник МАЭ. Т. 45. Из культурного наследия народов Восточной Европы. СПб., 1992. С. 5–13.

Боброва А.И., Яковлев Я.А. К вопросу о роли и значении погребального инвентаря позднесредневекового населения Нарымского Приобья: пояс // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 1994. Вып. 2. С. 61–89.

Богораз В.Г. Очерк материального быта оленных чукчей, составленный на основании коллекций Н.Л. Гондатти, находящихся в Этнографическом музее Академии наук // Сборник МАЭ. Т. I. Вып. 2. СПб., 1901.

Богораз В.Г. Работа Г.Н. Прокофьева среди остяко-самоедов // Этнография. 1928. № 2. С. 91–95.

Богораз В.Г. Материальная культура чукчей. М., 1991.

Браиловский С. Тазы, или удихэ // Живая старина. 1901. Вып. II. С. 3–223.

Булычев И. Путешествие по Восточной Сибири. Ч. 1. Якутская область, Охотский край. СПб., 1856.

Булычев И. Путешествие по Восточной Сибири: Альбом. СПб., 1856.

Бурятско-русский словарь. М., 1973.

Василевич Г.М. Тунгусский нагрудник у народов Сибири // Сборник МАЭ. Т. 11. М.; Л., 1949. С. 42–61.

Василевич Г.М. Ессейско-чирингдинские эвенки // Сборник МАЭ. Т. 13. Л., 1951. С. 154–186.

Василевич Г.М. Производственный костюм эвенков Нижней и Подкаменной Тунгусок как исторический источник // Одежда народов Сибири. Л., 1970. С. 137–165.

Василевич Г.М. Материальная культура среднеамурских эвенков (По коллекциям музеев Ленинграда) // Материальная культура народов Сибири и Севера. Л., 1976. С. 106–122.

Васильев Ю.М. «Глухой» период в археологии Приамурья // Интеграция археологических и этнографических исследований. Владивосток; Омск, 2000. С. 116–118.

Вербов Г.Д. Ненецкие сказки и былины. Салехард, 1937.

Гарин Н. Ни – мужской пояс // Северные просторы. 1991. № 45. С. 50–51.

Герстфельд Г.Ф. О прибрежных жителях Амура // Вестник РГО. Т. XX. СПб., 1857. С. 293–313.

Грачева Г.Н. Традиционное мировоззрение охотников Таймыра (на материалах нганасан XIX–XX вв.). Л., 1983.

Гурвич И.С. Юкагиры Чуванского рода в середине XVIII века // Труды ИЭ, Новая Серия. М.; Л., 1957. Т. 35. С. 246–262.

Декоративно-прикладное искусство народов Дальнего Востока в собрании Сахалинского областного художественного музея. Южно-Сахалинск, 2000.

Деревянко Е.И. Племена Приамурья. I тысячелетие нашей эры. Очерки этнической истории и культуры. Новосибирск, 1981.

Добжанский В.Н. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск, 1990.

Долгих Б.О. Кеты. Иркутск, 1934.

Долгих Б.О. Происхождение нганасанов // Сибирский этнографический сборник. Т. 1. ТИЭ, т.18. М.; Л., 1952. С. 5–87.

Долгих Б.О., Файнберг Л.А. Таймырские нганасаны // Современное хозяйство, культура и быт малых народов Севера. М., 1960. С. 9–62.

Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. СПб., 1904. Т. 1.

Дэвлет М.А. К вопросу о культурных связях древнего населения Центральной Азии и Дальнего Востока // Археологические материалы по древней истории Дальнего Востока. Владивосток, 1978. С. 29–30.

Дьяконова В.П. Алтайцы (материалы по этнографии теленгитов Горного Алтая). Горно-Алтайск, 2001.

Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982.

Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII в. Иркутск, 1968.

Зуев В.Ф. Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедов // Материалы по этнографии Сибири XVIII века. ТИЭ, Новая серия. М.; Л., 1947. Т. V. С. 17–91.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

Зыков Ф.М. Старинные якутские украшения из цветных металлов // Из истории хозяйства и материальной культуры тюрко-монгольских народов. Новосибирск, 1993. С. 125–141.

Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник. М.; Л., 1963.

Иванов С.В. Скульптура народов Севера Сибири XIX – первой половины XX в. Л., 1970.

Иванов С.В. Старинные трубчатые игольники народов Сибири // Одежда народов Сибири. Л., 1970а. С. 196–207.

Иванов С.В. О детских «амулетах» нанайцев // Памятники культуры народов Сибири и Севера. Л., 1977. (СМАЭ. Т. 33). С. 80–89.

Идес И., Бранд А. Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695). М., 1967.

Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания / Сост. Г.М. Василевич. М.; Л., 1966.

История и культура удэгейцев. Л., 1989.

Иохельсон В.И. По рекам Ясачной и Коркодону. СПб., 1898.

Иохельсон В.И. Бродячие роды тундры между реками Индигиркой и Колымой, их этнический состав, наречие, быт, брачные и иные обычаи и взаимодействие различных племенных элементов // Живая Старина. СПб., 1900. X. Вып. 1–2. С. 151–193.

Иохельсон В.И. Коряки. Материальная культура и социальная организация. СПб., 1997.

История Сибири в пяти томах. Т.1. Древняя Сибирь. Л., 1968.

Каллиников Н.Ф. Наш крайний северо-восток. СПб., 1912.

Каплан Н.И. Из камуса, ровдуги, бисера... Декоративно-прикладное искусство малых народов Крайнего Севера // Радуга на снегу. Культура, традиционное и современное искусство народов советского Крайнего Севера. М., 1972.

Каплан Н.И. Народное декоративно-прикладное искусство Крайнего Севера и Дальнего Востока. М., 1980.

Карапетова И.А. Одежда лесных ненцев // Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов: Тезисы докладов областной научной конференции по этнографии. Омск, 1983.

Карьялайнен К.Ф. Религия угорских народов. Томск, 1995. Т. 2.

Каталог этнографических коллекций Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета. Ч. I. Народы Сибири. Томск, 1979.

Кочешков Н.В. Этнические традиции в декоративном искусстве народов Крайнего Северо-Востока СССР. Л., 1989.

Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. М.; Л., 1949.

Кузаков К.Г. Хозяйство, культура и быт колхозников Аянки // Современное хозяйство, культура и быт малых народов Севера. ТИЭ, Новая серия. М., 1960. Т. LVI.

Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX – начале XX вв. Этнографические очерки. Томск, 1977.

Ларькин В.Г. Удэгейцы (историко-этнографический очерк с середины XIX в. до наших дней). Владивосток, 1958.

Ларькин В.Г. Орочи (историко-этнографический очерк с середины XIX в. до наших дней). М., 1964.

Лебедева А.А. Значение пояса и полотенца в русских семейно-бытовых обычаях и обрядах XIX–XX вв. // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 229–248.

Леонтьев В.В. Хозяйство и культура народов Чукотки (1958–1970 гг.). Новосибирск, 1973.

Леонтьев В.В. Керекский способ погребения // Семейная обрядность народов Сибири. М., 1980. С. 239.

Леонтьев В.В. Этнография и фольклор кереков. М., 1983.

Лещенко В.Ю. О пережитках традиционных верований у эвенков // Научно-атеистические исследования в музеях. Л., 1987. С. 34–50.

Линденау Я.И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века). Магадан, 1983.

Лукина Н.В. Формирование материальной культуры хантов. Восточная группа. Томск, 1985.

Маак Р.К. Путешествие на Амур в 1855 г. СПб., 1859.

Маргаритов В.П. Об орочах Императорской гавани. СПб., 1888.

Медведев В.Е. Пояса Надеждинского могильника // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975. С. 211–219.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

Меновщиков Г.А. Эскимосы: научно-популярный историко-этнографический очерк об азиатских эскимосах. Магадан, 1959.

Миддендорф А.Ф. Путешествие на север и восток Сибири. СПб., 1869. Ч. II.

Народы Дальнего Востока СССР в XVII–XX вв. М., 1985.

Народы Севера Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея. Томск, 1986.

Народы Сибири. М.; Л., 1956.

Олсуфьев А.В. Общий очерк Анадырской округи // Записки Приамурского отдела РГО. СПб., 1896. Т. II. Вып. I.

Орлова Е.П. Коряки полуострова Камчатки // Северная Азия. 1929. № 3 (27). С. 83–113.

Орлова Е.П. Азиатские эскимосы // Известия ВГО. 1941. № 2. С. 201–222.

Орлова Е.П. Амулеты гиляков // Археология и этнография Дальнего Востока: Материалы по истории Сибири. Новосибирск, 1964. Вып. 1. С. 223–240.

Орлова Е.П. Ительмены. Историко-этнографический очерк. СПб., 1999.

Перевалова Е.В. Эротика в культуре хантов // Модель в культурологии Сибири и Севера. Екатеринбург, 1992. С. 85–97.

Петрова Т.И. Краткий нанайско-русский словарь М.; Л., 1935.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск, 2001.

Попов А.А. Нганасаны. Материальная культура. М.; Л., 1948.

Попов А.А. Плетение и ткачество у народов Сибири в XIX и первой четверти XX столетия // СМАЭ. 1955. Т. 16. С. 41–146.

Попов А.А. Коллекции по материальной культуре долганов в Музее антропологии и этнографии // СМАЭ. М.; Л., 1958. Т. 18. С. 5–121.

Попова У.Г. Эвены Магаданской области. М., 1981.

Потапов Л.П. Одежда алтайцев // СМАЭ. М.; Л., 1951. Т. 13. С. 5–59.

Прокофьева Е.Д. Энецкий шаманский костюм // СМАЭ. М.; Л., 1951. Т. 13. С. 125–153.

Прокофьева Е.Д. Шаманские костюмы народов Сибири // СМАЭ. Л., 1971. Т. 27. С. 5–100.

Прокофьева Е.Д. Одежда тазовских селькупов //Архив МАЭ РАН. Ф. 6, оп. 1, № 84.

Прокофьева Е.Д. Материальная культура селькупов (жилище, одежда, пища, оружие) // Архив МАЭ РАН. Ф. 6, оп. 1, № 93.

Прыткова Н.Ф. Типы верхней одежды народов Сибири // Краткие сообщения Института этнографии. М., 1952. Вып. XV. С. 19–22.

Прыткова Н.Ф. Одежда хантов // СМАЭ. 1954. Т. 15. С. 123–233.

Прыткова Н.Ф. Одежда народов самодийской группы как исторический источник // Одежда народов Сибири. Л., 1970. С. 3–99.

Прыткова Н.Ф. Одежда чукчей, коряков и ительменов // Материальная культура народов Сибири и Севера. Л., 1976. С. 5–88.

Радуга на снегу. Культура, традиционное и современное искусство народов советского Крайнего Севера. М., 1972.

Роон Т.П. Уйльта Сахалина. Историко-этнографическое исследование традиционного хозяйства и материальной культуры XVIII – середины XX веков. Южно-Сахалинск, 1996.

Руденко С.И. Культура гуннов и Ноин-Улинские курганы. М.; Л., 1962.

Рычков К.М. Енисейские тунгусы // Землеведение. 1917. Кн. 1–2. С. 1–67.

Саввинов А.И. Традиционные металлические украшения якутов: XIX – начало XX. Новосибирск, 2001.

Сведруп Г.У. Плавание на судне «Мод» в водах морей Лаптевых и Восточно-Сибирского. Л., 1930.

Сем Т.Ю. Традиционный этнографический комплекс манегров (конец XIX – начало XX вв.) // Субэтносы в СССР. Л., 1986. С. 92–110.

Сем Ю.А. Нанайцы. Материальная культура (вторая половина XIX – середина XX в.). Владивосток, 1973.

Симонов М.Д. Традиционная одежда сымских эвенков // Формирование культурных традиций тунгусо-маньчжурских народов. Новосибирск, 1985. С. 64–69.

Симченко Ю.Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. Этнографическая реконструкция. М., 1976.

Сирелиус У.Д. Домашние ремесла остяков и вогулов // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1906. Вып. XV.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

Сирелиус У.Д. Домашние ремесла остяков и вогулов // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1907. Вып. XVI.

Слюнин Н.В. Охотско-Камчатский край. СПб., 1900. Т. I.

Смолицкий В.Г. Некоторые способы декорирования современной народной корякской одежды // Традиционное искусство и современные промыслы народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. М., 1981. С. 77–91.

Смоляк А.В. Западные элементы в культуре народов Нижнего Амура // Рефераты докладов и сообщений Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Владивосток, 1973. С. 165–172.

Смоляк А.В. Ульчи // Семейная обрядность народов Сибири. М., 1980. С. 69–73.

Смоляк А.В. Традиционное хозяйство и материальная культура народов нижнего Амура и Сахалина. Этногенетический аспект. М., 1984.

Смоляк А.В. Народы Нижнего Амура и Сахалина: Фотоальбом. М., 2001.

Соколова З.П. Ханты рр.Сыня и Куноват (этнографический очерк) // Материалы по этнографии Сибири. Томск, 1972. С. 15–66.

Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. 1. 1975. Т. 2. 1977.

Старкова Н.К. Ительмены: Материальная культура (XVIII в. – 60-е годы XX в.). М., 1976.

Старцев Г. Остяки. Социально-этнографический очерк. 1928.

Стебницкий С.Н. Очерки этнографии коряков. СПб., 2000.

Стеллер Г.В. – Steller G. W. Beschreibung von dem Lande Kamtschatka. 1774 / Пер. А.Н. Горлина и Г.Г. Генкеля // Архив МАЭ РАН. Фонд К-I, оп.1, №30.

Степанова М.В. Два эскимосских пояса из собрания МАЭ // СМАЭ. М.; Л., 1949. Т. 11. С. 62–72.

Таксами Ч.М. Одежда нивхов // Одежда народов Сибири. Л., 1970. С. 166–195.

Таксами Ч.М. Основные проблемы этнографии и истории нивхов. Л., 1975.

Титова З.Д. Материалы И.Г .Гмелина о тунгусах XVIII века // СЭ. 1978. № 1. С. 59–71.

Тропою северных оленей: Альбом. Л., 1974.

Ушаков Г.А. Остров метелей. Л., 1972.

Федорова Е.Г. Одежда манси в XIX–XX вв. // Этнокультурные явления в Западной Сибири. Томск, 1978. С. 196–207.

Федорова Е.Г. Элементы традиционного в современных хозяйственных занятиях северных манси // Культурные традиции народов Сибири. Л., 1986. С. 139–156.

Федорова Е.Г. Историко-этнографические очерки материальной культуры манси. СПб., 1994.

Хомич Л.В. Ненцы: историко-этнографические очерки. М.; Л., 1966.

Хомич Л.В. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л., 1976.

Хомич Л.В. Тюркские элементы в культуре ненцев // Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов. Омск, 1983. С. 35–39.

Хомич Л.В., Ириков С.И., Аюпова Г.Е. Тазовские селькупы. СПб., 2002.

Чернецов В.Н. Вогульские сказки. Л., 1935.

Чернецов В.Н. К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье // ТИЭ. 1947. Т. I. С. 113–134.

Чернецов В.Н. Усть-полуйское время в Приобье // МИА. 1953.№ 35. С. 221–241.

Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тыс. н.э. // МИА. 1957. № 58. С. 136–245.

Чиндина Л.А. О ритуальной одежде селькупской женщины XVII века // Моя избранница наука, наука, без которой мне не жить... Сборник, посвященный памяти этнографов Г.Н. Грачевой и В.И. Васильева. Барнаул, 1995. С. 179–187.

Чубарова Л.И. Художественно-технологические приемы обработки кожи и меха у чукчей, эскимосов и коряков // Традиционное искусство и современные промыслы народов севера, Сибири и Дальнего Востока. М., 1981. С. 91–104.

Широкогоров А.М. Социальная организация северных тунгусов / Пер. с англ. // Архив МАЭ РАН. Ф. К-II, оп. 1, № 217.

Шимкевич П.П. Материалы для изучения шаманства у гольдов // Записки Приамурского отдела РГО. Хабаровск, 1896. Т. II. Вып. 1.

Шкловский И. Очерки Крайнего Северо-Востока // Записки ВСОРГО по отд. этнографии. Иркутск, 1892. Т. II. Вып. I.

Шренк Л.Я. Об инородцах Амурского края. СПб., Т. 2, 1899, Т. 3, 1903.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН

Штернберг Л.Я. Гиляки, гольды, орочи, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933.

Шульц Л.Р. Салымские остяки // Записки Тюменского научного общества изучения местного края. Тюмень, 1924. Вып. 1. С. 166–200.

Шухов И.Н. Река Казым и ее обитатели // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1916. Вып. 24. С. 1–57.

Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции. 1785–1795 гг. Магадан, 1978.

Castren M.A. Wörterverzeich nisse aus den samoedischen Sprachen. S.–P., 1855.

Yochelson W. The Korjak // Yesup North Pacific Expedition. V. VI. P.II. Yeiden – New York, 1908.

Tschernetzow V.N. Barenfest bei den Ob-ugriern // Acta Ethnographica Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1974. T. 23(2–4). P. 285–319.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/
© МАЭ РАН